E 59/124

Е 29/124

ОБЪ УПОКОЕНІИ УСОШИХЪ

И

О ДУХОВНОМЪ ЗДРАВІИ ЖИВЫХЪ.

Соч. **А. БУХАРЕВА.**

«Живемъ ли, живемъ для Господа; умираемъ ли, для Господа умираемъ: и потому живемъ ли мы или умираемъ, мы Господни».

Рим. XIV, 8.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),

на страстномъ бульварѣ.

1866.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы представлено было въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 2 го дня 1865 года.

Цензоръ Архимандритъ Макарій.

2007097164

Задача настоящей книги—такъ благонаправлять заботы нашей вѣры объ упокоеніи усопшихъ, чтобы это самое служило и къ духовному благоустроенію самихъ насъ, или вообще живыхъ, и вмѣстѣ такъ настраивать вѣру нашу въ занятіи духовными предметами и вообще въ дѣлѣ нашего спасенія, чтобы при этомъ намъ имѣть въ виду и судьбу отшедшихъ отъ насъ въ другую жизнь и помогать имъ по возможности. При выполненіи этой задачи, на православно-церковныхъ началахъ, было особенное желаніе содѣйствовать какъ простотѣ вѣры однихъ у насъ въ достиженіи духовной отчетливости, достойной внушаемаго намъ въ словѣ Божіемъ «разумнаго служенія» Богу (Рим. XII, 1), такъ и любоиспытательной мысли другихъ въ раскрытіи и уразумѣніи ими живаго свѣта вѣры. По этому духовныя изслѣдованія въ книгѣ предложены въ «разговорахъ», по особенно знаменательныхъ обстоятельствамъ и нарочитымъ запросамъ, особенно возбуждающимъ нашу мысль къ отчетливости.

РАЗГОВОРЪ

О ДОЛЖНОМЪ ПОМИНОВЕНІИ УСОПШИХЪ.

Въ прошлую (1865 г.) свѣтлую или пасхальную недѣлю Россія совершала столѣтнюю память по Ломоносовѣ, столѣтній юбилей по его смерти. Достойно и праведно русскимъ, отъ крестьянскаго быта до самаго верхняго слоя общества, почтить память этого русскаго человѣка, принадлежавшаго по происхожденію простонародью, а чрезъ умственное развитіе вошедшаго въ братство съ умнѣйшими и ученѣйшими въ мірѣ людьми, по праву пользовавшагося въ своей жизни уваженіемъ вельможескимъ и царскимъ. Мнѣ хотѣлось помянуть Ломоносова вмѣстѣ съ о. Іоанномъ, къ которому я и отправился къ концу пасхальной недѣли, когда, по моему разсчету, о. Іоаннъ долженъ былъ уже кончить свое хожденіе по всему приходу для служенія пасхальныхъ молебновъ по домамъ. Оказалось, что и самъ добрый о. Іоаннъ поджидалъ меня для той же цѣли — раздѣлить со мною утѣшеніе почтить память Михаила Васильевича.

Само собою разумѣется, что съ о. Іоанномъ нельзя было впасть въ несчастіе вспоминать заслуги Ломоносо-

ва какъ нибудь по-язычески, а не по-христіански — по православному. О. Іоаннъ видѣлъ и глубоко чтилъ въ немъ такого подвижника знанія, который находилъ для себя постыднымъ и низкимъ не только предъ людьми, но и предъ Господомъ Богомъ, оставаться невѣждою или «дуракомъ», какъ однажды онъ самъ прямо высказалъ это [1]). Священникъ разсуждалъ, что не хотѣть узнавать истину со всѣхъ ея сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ, когда намъ дана Христомъ возможность разумѣти ея и широту и долготу и глубину и высоту (Ефес. III, 18), прилично поистинѣ развѣ пошлымъ и низкимъ невѣждамъ. И потому человѣкъ, который умѣлъ понять это и съ вѣрою во Христа посвятилъ себя на честную и вѣрную службу знанію во всѣхъ его отрасляхъ, достоинъ вѣчной памяти въ самомъ чистомъ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Таковъ нашъ Ломоносовъ! И да сотворитъ ему Господь вѣчную память, прощая ему вольные и невольные грѣхи! Такъ разсуждалъ о Ломоносовѣ о. Іоаннъ.

I.

По случаю этой христіанской памяти о Ломоносовѣ, я рѣшился предложить о. Іоанну одинъ, давно меня сильно занимавшій, вопросъ относительно поминовенія усопшихъ. Я всегда признавалъ обязанность и спасительность этого поминовенія. Я знаю, что еще въ ветхомъ завѣтѣ внушается благодати о умершихъ не возбранять (Сир. VII, 36), и есть прямыя указанія

---

[1]) Въ письмѣ къ Шувалову.

на церковныя молитвы за умершихъ [1]); а въ новозавѣтной церкви самодревнѣйшія литургіи, начиная отъ литургіи брата Господня Іакова, свидѣтельства святыхъ отцевъ [2]) и непрерывныя православно-церковныя преданіе и практика представляютъ поминовеніе усопшихъ всегдашнею и непреложною принадлежностію православія [3]). Я понимаю и чувствую, какъ молиться за умершихъ, особенно за близкихъ нашихъ, сродно нашему духу и сердцу, свойственно любви христіанской, дѣтскому упованію на Бога и прибѣганію во всемъ къ Его благодати, наконецъ, вѣрѣ въ Него, какъ въ Бога не мертвыхъ, но живыхъ, такъ что у Него всѣ живы. Я сознаю, что для христіанъ, которые въ Христовомъ тѣлѣ церкви суть живые сочлены въ отношеніи къ преставившимся изъ земной жизни, не имѣть и не оказывать къ судьбѣ послѣднихъ духовнаго сочувствія и соучастія,—значитъ самимъ мертвѣть духовно, или обнаруживать духовную свою мертвость. Живому члену тѣла неестественно быть безучастнымъ и безчувственнымъ къ своимъ сочленамъ. Такъ, говорю, я совершенно убѣжденъ, что поминать умершихъ, или совершать за нихъ молитвы, приношенія и благотворенія есть должное, святое и спасительное дѣло, — спасительное и для поминаемыхъ покойниковъ и для поминающихъ ихъ живыхъ.—Но вотъ что́ всегда возбуждало во мнѣ заботливое недоумѣніе насчетъ

---

[1]) 2 Макк. XII, 40—46. Бесѣд. III на посл. къ Филипп. св. Ефрема Сир. (Сл. на почивш.), св. Амвросія Мед. (Opp. Tom. V. p. 122), св. Кипріана (Ep. LXVI) и проч. и проч.

[2]) Св. Златоуста (Бесѣд. XCI на 1 Коринѳ.) св. Аѳанасія велик. (къ кн. Ант. вопр. 34).

[3]) У насъ есть основательныя и обстоятельныя изслѣдованія этаго предмета отцевъ Никольскаго, Ляпидевскаго и др.

этого предмета. Въ Евангеліи читаемъ, что Господь сказалъ одному человѣку: ходи въ слѣдъ Мене. Онъ же рече: Господи, повели ми, да шедъ прежде погребу отца моего. Рече же ему Іисусъ: остави мертвыя погребсти своя мертвецы: ты же шедъ возвѣщай царствіе Божіе (Лук. XIX, 56. 60). Если и въ ветхомъ завѣтѣ было извѣстно молитвенное поминовеніе усопшихъ, и прямо внушалось вѣрѣ не возбранять благодати о умершихъ, то понятно, что погребеніе отца, и по духу ветхаго завѣта, должно было составлять одинъ, и притомъ наиболѣе священный изъ видовъ религіознаго совершенія памяти по усопшемъ. Но Господь и такое поминовеніе умершаго, какъ благочестивое погребеніе родителя, ставитъ такъ не высоко, что это, кажется святое, и должное дѣло надъ умершимъ предоставляетъ исполнять развѣ только тоже мертвецамъ, т. е. хотя еще находящимся въ настоящей жизни, но духовно мертвымъ людямъ. Какъ это понять? Самъ жизнодавецъ Господь внушаетъ живому или истинному своему послѣдователю служить дѣлу жизни—возвѣщать царство Божіе, вмѣсто того, чтобы по надлежащему схоронить своего родителя. «Оставь мертвыхъ хоронить своихъ мертвыхъ, а ты иди, благовѣствуй царство Божіе». Все это я и высказалъ о. Іоанну съ просьбою объяснить мнѣ, какъ это согласить съ обязанностію поминовенія усопшихъ.

— Я надѣюсь, отвѣчалъ мнѣ о. Іоаннъ, вы не думаете, чтобы Господь, пришедшій въ міръ для спасенія живыхъ и умершихъ и готовый за тѣхъ и другихъ самъ умереть, могъ имѣть и выразить безучастіе къ умершимъ, заботясь только о благовѣствованіи спасенія живымъ.

Да и самъ Онъ въ отношеніи лично къ Себѣ благоволилъ принять и оправдать благочестивое поминовеніе, совершаемое надъ усопшимъ. Вѣдь дѣло святыхъ женъ мvроносицъ, приготовившихъ ароматы для помазанія Христова тѣла и съ этою цѣлію приходившихъ къ Его гробу, было дѣломъ благоговѣйнаго поминовенія Господа распятаго и погребеннаго. И Господь оправдалъ это дѣло не только явленіемъ мvроносицамъ ангеловъ, возвѣщавшихъ о Его воскресеніи, но и собственнымъ Своимъ явленіемъ этимъ женщинамъ прежде самихъ апостоловъ (Марк. XVI, 9. Мат. XXVIII, 9). А Свое божественное участіе къ судьбѣ умершихъ человѣколюбивый Господь проявилъ такъ торжественно, что имъ въ адскую темницу принесъ и возвѣстилъ побѣду жизни надъ смертію прежде, чѣмъ живущимъ въ мірѣ семъ; и притомъ эту благодать Своего сошествія во адъ Онъ простеръ даже и на такихъ несчастныхъ изъ мертвецовъ, какъ допотопные исполины нечестія (1 Петр. III, 18 — 20).

Тѣмъ поэтому непонятнѣе, возразилъ я, отъ чего Христосъ и такое дѣло для умершаго, какъ воздаяніе послѣдняго долга умершему родителю, признаетъ недостойнымъ истинно-живаго человѣка. Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвыхъ! Въ объясненіе этаго развѣ не предположить-ли, что общество, къ которому принадлежалъ человѣкъ, просившій у Господа позволенія похоронить своего отца, было неправомысленное, какъ напримѣръ самарянское? Православному [1]) іудею Господь не помѣшалъ бы отдать послѣдній долгъ родителю.

---

[1] Прежде, чѣмъ Христосъ окончательно создалъ и открылъ свою новозавѣтную церковь хранительницею Божіей истины, была церковь вет-

— Изъ Евангелія, замѣтилъ о. Іоаннъ, нельзя оправдать вашего предположенія. Спаситель прямо поставлялъ на видъ неправоту или несостоятельность чего нибудь раскольническаго, противопоставляя этому послѣднему твердость правомыслія (См. Іоан. IV, 20. 22). Въ разематриваемомъ же случаѣ сказано Христомъ вообще: остави мертвыя погребсти своя мертвецы.

Что же это значитъ? спрашивалъ я. Вы и такъ все только усугубляете мое недоумѣніе?

— Вы знаете, отвѣчалъ о. Іоаннъ, что современное Христу іудейство, даже и православное по буквѣ, изветшало до мертвости духовной, остановясь на одной буквѣ слова Божія, а не входя въ его духъ и силу. По этому люди, и вѣрные іудейству, были подобны изветшавшимъ мѣхамъ, въ которые нельзя было вливать свѣжаго вина живой истины Христовой. Вспомните, что Господь и своимъ ученикамъ, пока они еще не довольно освободились отъ закваски мертваго іудейства, не внушалъ настоятельно заповѣди поста; потому что и они стали бы тогда поститься еще по-іудейски мертвымъ образомъ, а не по живому духу благодати. Тоже самое разумѣйте и о поминовеніи усопшихъ или объ относящемся къ этому же самому погребеніи умершаго родителя. Положимъ, что добрый іудей, при погребеніи своего отца, почелъ бы непремѣнною обязанностію принести или послать въ іерусалимскій храмъ жертвы и другія приношенія. Положимъ также, что, въ память своего родителя, онъ не возбранилъ бы себѣ въ благодати обиль-

---

хозавѣтная. А потому вѣрность къ этой послѣдней составляла православіе или правомысліе, а невѣрность — расколъ или ересь и т. под.

ныхъ подаяніи бѣднымъ и сиротамъ, а самъ съ своими близкими, по обычаю іудейскому, предавался бы плачу и скорбному посту. Но все подобное имѣло бы живую и живительную для умершихъ и живыхъ силу только тогда, когда бы проникалось и одушевлялось живымъ и разумнымъ представленіемъ или хоть ощущеніемъ той любви Господа къ умершимъ или вообще къ смертнымъ людямъ, что восхотѣлъ за нихъ Самъ принять смерть, взявъ на себя человѣческія вины, заслужившія смерть. Іудеи же не только еще не имѣли точнаго разумѣнія и понятія объ этомъ божественномъ человѣколюбіи, но въ тогдашнее время уже и не предощущали такой человѣколюбивой благодати, мертвѣя своимъ духомъ на мертвой буквѣ писанія и на одрѣхъ наружныхъ формахъ теократіи. По этому и живые-то іудеи были какъ мертвые. «Хочешь ли и ты, — какъ-бы такъ сказалъ Спаситель просившему у Него позволенія похоронить отца, — воздать послѣдній свой долгъ мертвому или близкому къ смерти родителю, наряду или за-едино съ другими, мертвѣющими духомъ, іудеями? Хочешь ли хоронить мертваго, только какъ и самъ мертвый? Да не будетъ этого съ тобою! Пусть это мертвое дѣло исполнятъ за тебя надъ мертвымъ твоимъ родителемъ другіе, свободно коснящіе въ духовной мертвости. А ты, послѣдуя мнѣ, старайся узнавать и усвоять себѣ Мою любовь къ человѣку, низведшую Меня къ вамъ на землю, облекшую Меня ради васъ въ ваше человѣческое естество, готовую привести Меня за васъ, живыхъ и мертвыхъ, и къ самой смерти, которая одна можетъ искупить отъ гибельнаго владычества смерти и твоего родителя. Узнавай и усвояй себѣ и возвѣщай другимъ эту Мою любовь въ вамъ людямъ для

возвѣщенія о неи и міру, во спасеніе живыхъ и усопшихъ.... Словомъ сказать: оставь мертвыхъ хоронить своихъ мертвыхъ, а ты иди возвѣщай царство Божіе. Это будетъ несравненно лучше и спасительнѣе для тебя и твоего усопшаго отца, нежели всѣ твои заботы о его погребеніи».

Выслушавъ такое объясненіе на мое недоразумѣніе, я вполнѣ удовлетворился на этотъ счетъ; но невольно задумался о томъ, какъ бы и намъ, при погребеніи и вообще поминовеніи умершихъ, не допустить до себя мертваго іудейскаго духа, не хотящаго входить въ настроеніе или въ животворный духъ человѣколюбія нашего Спасителя, умершаго за насъ грѣшныхъ, какъ будто Онъ самъ былъ виноватъ нашими грѣховными винами. Я тотчасъ объяснилъ свои заботливыя думы о. Іоанну.

— Да! отвѣчалъ онъ мнѣ, также съ скорбною задумчивостію. Поминовеніе усопшихъ не меньше, какъ и всякая другая сторона или принадлежность православія, обезсиливается этимъ равноіудейскимъ направленіемъ вѣры, — вѣрнымъ буквѣ православія, по внѣшности выдерживающимъ его обычаи и требованія, только не доходящимъ до оживляющаго ихъ духа или до живой сущности православія, состоящей въ человѣколюбивомъ самопожертвованіи Искупителя за грѣшныхъ и погибающихъ [1]). Въ этомъ направленіи поминать умершихъ все

---

[1]) Сказанное нисколько не касается, и потому не ослабляетъ и не оскорбляетъ, силы помина церковнаго, исправляемаго съ молитвами, положительно проникнутыми вѣрою во Христа и христіанскою любовію къ усопшимъ, и особенно съ принесеніемъ за нихъ Божественной безкровной жертвы въ заупокойной литургіи. Такой поминъ, о которомъ рѣчь у насъ

равно, что «мертвымъ погребать мертвыхъ». Еще меньше, конечно, пользы въ томъ, чтобы покойниковъ намъ вспоминать только поязычески, — выражая уваженіе къ ихъ заслугамъ и добродѣтелямъ, проливая даже искреннія слезы любви къ нимъ и скорби объ нихъ, но не доводя такого воспоминанія о нихъ до Христа, до Его ходатайства за нихъ предъ Отцемъ небеснымъ.

А между тѣмъ, замѣтилъ я, отшедшія въ другую жизнь души такъ нуждаются въ духовной помощи и поддержкѣ со стороны нашей вѣры! Вѣдь, по слову Божію (I Петр. IV, 18), и праведникъ едва спасется; а нечестивый и грѣшный гдѣ явится?

— Въ самомъ дѣлѣ, отозвался о Іоаннъ, надобно представить себѣ положеніе человѣческихъ душъ, по выходѣ ихъ изъ настоящей жизни и изъ свойственнаго ей порядка вещей. Извѣстна намъ и въ настоящей жизни та истина вѣры, что Христосъ есть основаніе всего, что все, взятое внѣ Христа, есть чуждая жизненной сущности суета, и поэтому мысль или вообще жизнь наша, насколько не обоснована во Христѣ, есть суетное служеніе сустѣ. Но эта истина для нашего легкомыслія и суетности, для маловѣрія и невѣрія или невѣдѣнія, много закрывается нынѣшнимъ порядкомъ вещей, въ которомъ существенное и духовное незримо, а со всею силою бьетъ въ наши глаза чувственная и плотская видимость. А потому нынѣ не только многіе мыслятъ и живутъ совсѣмъ не по Христу, но и искренно въ Него вѣрующіе во многомъ теряютъ изъ

будетъ ниже, въ существѣ своемъ весь освѣщенъ благодатію Христова искупительнаго самопожертвованія за людей, и безпрекословно спасителенъ для отшедшихъ въ другую жизнь въ вѣрѣ и упованіи жизни вѣчной.

вида Христа; и однако тѣ и другіе остаются безпечно спокойными на этотъ счетъ. Смерть полагаетъ рѣшительный предѣлъ нынѣшнему торжеству суеты; со вступленіемъ въ другую жизнь, для душъ нашихъ совершенно преходитъ настоящій привременный и плотскій порядокъ вещей; для нихъ существеннымъ, истиннымъ и прочнымъ уже и является, а не только принимается на вѣру, одно—Христово, во Христѣ обоснованное, съ Нимъ и притомъ въ истинномъ и живомъ Его духѣ содѣланное или познанное, а все прочее оказывается, какъ есть, одною суетою. Подлинно, и у праведниковъ въ жизни и дѣятельности открывается смертію много пустыхъ пробѣловъ, или много кой-чего, не совсѣмъ свободнаго отъ суеты. Что же сказать о нечестивыхъ и зазнаемо грѣшныхъ? Они, въ загробной жизни, уже не могутъ не видѣть и не сознавать себя несчастными игралищами суеты, такой суеты, которая, состоя въ отчужденіи ихъ отъ Христа Сына Божія, неминуемо подвергаетъ ихъ и отверженію отъ Отца небеснаго и отвращенію отъ Духа святаго, Духа жизни, утѣшенія, истины. Боже мой! Боже мой!... Вѣдственность ихъ положенія доходитъ до безнадежной безотрадности еще отъ того, что, съ раскрытіемъ для нихъ безпощадной истины, они не могутъ ни возвратить прошедшей жизни, ни обратиться отъ злаго своего состоянія на путь добра, хотя у нихъ и неотъемлемо, конечно, нравственное произволеніе; надъ каждымъ изъ нихъ, въ этомъ отношеніи, исполняется во всей силѣ это опредѣленіе Господне: связавше ему руцѣ и нозѣ, возмите его и вверзите во тьму кромѣшную (Мат. XXII, 13) Дѣло въ томъ, что время нравственнаго сѣянія принадлежитъ, дѣйствительно,

только настоящей жизни человѣка, а загробная жизнь его есть уже жатва. На сколько посѣешь въ настоящей жизни, на столько уже будешь пожинать въ загробной будущей, предначинательно послѣ смерти, а окончательно послѣ страшнаго суда. Это значитъ, что, въ какое отношеніе ко Христу поставишь себя въ земной жизни, въ отношеніе истинной и живой вѣры или невѣрія и маловѣрія, всецѣлой преданности или двусмысленной колеблемости, — соотвѣтственный тому откроется у тебя въ загробной жизни рѣшительный нравственный характеръ, съ которымъ сообразна будетъ и твоя участь. Образчикъ этаго (въ низшихъ, конечно, степеняхъ сравнительно съ загробнымъ состояніемъ) представляютъ и нынѣ такія, конечно рѣдкія, явленія, что въ иномъ человѣкѣ нравственная доброта развивается до характера ангельскаго или даже Христова, также какъ, и на оборотъ, въ иномъ злоба доходитъ до нѣкотораго степени явнаго сатанинства, а въ другомъ нравственная слабость и непостоянство развиваются до олицетвореннаго безсилія и неисправимой пустоты характера. Подобнымъ нравственнымъ состояніямъ принадлежитъ почти невозможность перемѣняться, или переходить доброму состоянію въ злое, а худому въ доброе, хотя то и другое состоянія и могутъ раскрываться, по своему доброму или злому направленію, все болѣе и болѣе. Вотъ это самое, въ разныхъ степеняхъ, оказывается и въ состояніяхъ душъ человѣческихъ, когда смертію окончится для нихъ время нравственнаго сѣянія и откроется начало духовной жатвы. Если душа прочно соединилась со Христомъ въ настоящей жизни, она за гробомъ предначнетъ открыто и блаженно со Христомъ быти (Филип. I,

23). Если душа въ земной жизни шла все помимо Христа или дѣйствовала безъ Него и вопреки Ему, то въ загробной жизни отчужденіе отъ Христа, какъ уже отъ открытаго блага, истины и жизни, будетъ погибельнымъ характеромъ и отчаяннымъ удѣломъ этой души. Если же душа въ настоящей жизни, наперекоръ единству своего существа, двоедушничала или служила двумъ господамъ—Христу и идоламъ страстей или чуждыхъ Христа идей; то за гробомъ это двоедушіе и раскроется въ то духовное, противорѣчивое себѣ, настроеніе, что душа будетъ и устремляться къ вѣчнымъ благамъ Христовымъ и безнадежно упадать въ сознаніи и движеніи отчужденія отъ Христа. И такое состояніе душъ будетъ продолжаться, а пожалуй—и развиваться, въ безконечность или съ безконечною силою, особенно же и рѣшительно послѣ страшнаго суда; только самимъ по себѣ этимъ душамъ уже не возможно посѣять и развивать въ себѣ иное нравственное и жизненное состояніе. Время этихъ духовныхъ посѣвовъ прошло для нихъ, съ настоящею жизнію, уже навсегда... Вѣрно и непреложно слово къ нечестивому, влагаемое Христомъ въ уста Авраама: между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящіи прейти отсюда (изъ общества праведныхъ) къ вамъ (къ нечестивымъ въ адъ), не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ (Лук. XVI, 26). Представьте же теперь всю плачевную безпомощность душъ, чуждыхъ Христу или только не довольно утвердившихся въ Немъ въ нынѣшней жизни, и за то въ загробной жизни непроходимою пропастью, въ нихъ же самихъ утвержденною, раздѣленныхъ или отда-

ленныхъ отъ общенія со святыми, наслаждающимися Христовыми неизреченными благами...

Вы такъ изображаете и разъясняете, прервалъ я о. Іоанна, состояніе отшедшихъ въ другую жизнь душъ, что, кажется, у грѣшныхъ и беззаконныхъ отнимаете всякую надежду помилованія, или исправленія погибельнаго ихъ состоянія. За чѣмъ же, послѣ того, и наше поминовеніе?

— Дайте мнѣ договорить, кротко замѣтилъ о. Іоаннъ, Великую пропасть, отдѣляющую беззаконныхъ отъ праведныхъ въ загробной жизни, пропасть, которую не могло бы пройдти ни одно созданіе, прошелъ уже Господь и Спаситель нашъ, когда нисходилъ во адъ и до такихъ его глубинъ, въ которыхъ заключены были допотопные и потомъ поглощенные нечестивцы, возстававшіе противъ Бога, столько еще видимаго или ощутимаго въ близкой къ первобытному состоянію природѣ, заградившаго огненнымъ оружіемъ, но не совсѣмъ закрывшаго еще отъ человѣческихъ глазъ, самый едемъ сладости (1 Петр. III, 19. 20. Быт. III, 24). Вѣрѣ во Христа, проходящей на землѣ поприще духовныхъ посѣвовъ для жизни будущей, предоставлено входить въ спасительное общеніе духа и силы какъ прочихъ состояній и дѣлъ Спасителя, такъ и сошествія Его во адъ. И такимъ образомъ, хотя слава блаженной во Христѣ жизни святыхъ недоступна для грѣшныхъ и нераскаявшихся душъ, по чадамъ церкви, странствующей на землѣ, еще возможно привлекать и къ этимъ бѣднымъ душамъ животворныя вліянія благодати Христова сошествія во адъ, а чрезъ это давать удобство и человѣколюбію прославленныхъ святыхъ простираться на отчужденныхъ отъ

нихъ грѣшниковъ съ могущественною благотворностью. Такая безцѣнная возможность для насъ помогать усопшимъ и вмѣстѣ невозможность для нихъ самихъ измѣнять свое нравственное состояніе и судьбу наисильнѣйшимъ образомъ побуждаютъ и даже обязываютъ насъ къ поминовенію усопшихъ. Видѣть всю безпомощность утопающаго или погибающаго отъ пожара, быть при томъ въ состояніи оказать ему вѣрную помощь, однако безчувственно отказать въ ней безпомощному—это было бы самое противохристіанское безчеловѣчіе.

Такъ, такъ! сказалъ я.—Но тѣмъ плачевнѣе было бы броситься на помощь гибнущему, но безъ толку и потому безъ всякой пользы для него. Я говорю о томъ, какъ жалко и несчастно было бы для насъ и для нашихъ усопшихъ, еслибы мы стали поминать ихъ какъ мертвые мертвыхъ, по-іудейски или по язычески, какъ вы объ этомъ уже говорили. Просилъ бы я васъ сказать нѣсколько словъ, какъ намъ остеречься отъ такаго несчастія.

— Чтобы недопускать до себя несчастія, отвѣчалъ о. Іоаннъ, истиннаго несчастія вспоминать о дорогихъ покойникахъ только поязычески, то есть, помимо Христа, хотя бы и съ жалостливою любовію и глубокимъ уваженіемъ къ покойнымъ, для этого надо живо помнить и представлять себѣ, что между умершими и живыми уже нѣтъ и не можетъ быть другаго живаго взаимнаго соотношенія и связи, какъ только прямо по Христу общему живымъ и умершимъ началу жизни. Для умершихъ, какъ мы уже указывали это, кончился настоящій земной порядокъ вещей; до нихъ ужь не деберетесь путемъ нынѣшнихъ связей и взаимныхъ отношеній. Жал-

ко и низко для насъ христіанъ, если мы, и въ настоящей жизни, свои взаимныя связи и соотношенія не обосновываемъ прямо во Христѣ, если родимся и знакомимся не по Христу и Отцу небесному. Но за смертію кого бы ни было изъ нашихъ присныхъ, какъ бы ни былъ онъ близокъ къ намъ въ нынѣшней жизни, для насъ уже рѣшительно порваны всякія нити или узы нынѣшнихъ чувственныхъ съ нимъ связей. Одинъ Христосъ, въ которомъ—жизнь и свѣтъ человѣкамъ живымъ и умершимъ, безпрепятственно соединяетъ въ Себѣ тѣхъ и другихъ, если умершіе умерли съ вѣрою въ Него, а живые помнятъ объ умершихъ такъ же не иначе, какъ съ вѣрою въ Него же. Итакъ, лишились ли вы дорогаго вамъ человѣка и ваше сердце невольно рвется къ нему, или считаете святымъ долгомъ совершить память о человѣкѣ, оказавшемъ великія заслуги отечеству, обратитесь своею мыслію и всѣмъ сердцемъ къ самому Господу, содѣлавшемуся человѣкомъ ради возлюбленнаго или чтимаго вами покойника, жившему на землѣ, чтобы осѣнять Своею благодатію весь, пройденный вашимъ покойникомъ, жизненный путь, умершему, чтобы и самая смерть усопшаго была въ общеніи съ животворною смертію Господнею, воскресшему, чтобы свѣтить божественною жизнію и въ загробное его состояніе, вообще дававшему и дарующему живымъ и умершимъ все доброе и вземлющему на Себя все ихъ худое. Это живо отзовется въ сердцѣ поминаемаго вами покойника, въ сердцѣ, оживляемомъ Христовою благодатію, которая будетъ привлекаема къ нему такою вашею вѣрой. И потому чѣмъ дороже вамъ усопшій, или чѣмъ желаннѣе для васъ почтить его память, тѣмъ болѣе вы будете стараться не дозволять се-

бѣ ни одной мысли, ни одного чувства въ отношеніи къ этому покойнику помимо Христа, стоящаго за его личность собственною Своею личностію предъ Отцемъ Своимъ.

Такъ бы слѣдовало, замѣтилъ я. Но вы знаете, какъ въѣлся во многихъ изъ насъ навыкъ, и въ лучшихъ своихъ движеніяхъ или въ искреннихъ чувствахъ уваженія къ памяти людей достойныхъ, останавливаться только на ихъ заслугахъ или доблестяхъ, не возвышаясь къ мысли о Христѣ. Что касается до особенно близкихъ и дорогихъ намъ покойниковъ, напримѣръ, родныхъ дѣтей, родителей, супруговъ, опять вы лучше всякаго другаго знаете, что скорбь объ ихъ лишеніи обыкновенно поглощаетъ или занимаетъ, особенно на первыхъ порахъ, всю душу... Возьмите во вниманіе состояніе матери, лишившейся дорогаго сына, или мужа, потерявшаго любимую жену. Какъ въ такихъ случаяхъ настроить скорбное воспоминаніе о покойныхъ, чтобы оно не было въ духѣ неимущихъ упованія язычниковъ (Сол. IV, 13), чтобы ни одна мысль, ни одно чувство скорби о дорогомъ покойникѣ не были помимо Христа?

О. Іоаннъ отвѣчалъ: противъ навыка выражать память о доблестныхъ людяхъ помимо Христа, только воспоминаніемъ и прославленіемъ ихъ заслугъ и доблестей, надо вооружаться такою мыслію, что эти люди своими доблестными дѣлами, конечно, заслужили отъ насъ того, чтобы ихъ неоставлять безъ возможной помощи въ страшно опасномъ и безпомощномъ загробномъ состояніи; но помочь имъ въ этомъ состояніи нельзя безъ Христа. На этотъ счетъ не могу не припомнить разсказа одного добродушнаго старца о назидательномъ сновидѣніи, которое онъ имѣлъ

годовъ за 15 назадъ во время хлопотъ у насъ въ Россіи о сооруженіи и открытіи памятника Сусанину. Благочестивому старцу представился во снѣ человѣкъ, повидимому истомленный или изможденный голодомъ и болѣзненною худобою; добрый монахъ почувствовалъ къ нему глубокую сердечную жалость, возбуждавшую сильное желаніе и готовность поскорѣе накормить и успокоить его; «это Сусанинъ», сказано было ему при этомъ. Мнѣ кажется, это сновидѣніе было непосредственнымъ духовнымъ ощущеніемъ того, что духъ Сусанина, подвигшагося къ самопожертвованію за царя именно вѣрою въ благодать власти, принадлежащую самому Христу, слишкомъ не довольно находилъ успокоенія и утѣшенія для себя въ памятованіи о доблестной его заслугѣ, не довольно возводимомъ нами до Христа. Такъ-то и духу Ломоносова, конечно, не много питательности отъ нашихъ юбилейныхъ обѣдовъ, если такое отправленіе столѣтней его памяти не слишкомъ много одушевляется нашею нелицемѣрною и живою вѣрою, признающею въ доблестномъ его дѣлѣ поприще и подвигъ—выяснять для людей творческія мысли Бога Слова во всемъ существующемъ,—вѣрою, умоляющею объ очищеніи Христовою кровію и грѣховныхъ его ошибокъ на этомъ поприщѣ, стремящеюся неуклонно идти вслѣдъ всего лучшаго у Ломоносова въ дѣлѣ знанія и слова русскаго... Было бы жестокою неблагодарностію къ доблестнымъ людямъ самымъ памятованіемъ о нихъ, помимо Христа, только развѣ обезпокоивать и огорчать ихъ духъ, вмѣсто помощи и содѣйствія успокоенію ихъ въ Богѣ. Одно представленіе этого достаточно къ остереженію благородно мыслящаго человѣка отъ такаго несчастнаго воспоминанія этихъ по-

койниковъ. А на излишество скорби объ утратѣ особенно близкихъ и дорогихъ людей, омрачающее иногда взоры самой вѣры во Христа и тѣмъ низвергающееся до язычества, не имущаго упованія, полезно дѣйствовать тѣмъ представленіемъ, что только по Христу и можно продолжить духовно живой союзъ съ любимымъ умершимъ, что нынѣшнія или земныя соотношенія къ нему уже рѣшительно кончены. Мнѣ разсказывала одна почтенная госпожа, теперь ужь почти старушка, какъ она еще въ самой цвѣтущей юности, лишась своего мужа, съ которымъ не прожила и одного года, вся поглощалась скорбію и тоскою по любимомъ супругѣ. Въ состояніи такаго безнадежія она, по чьему-то совѣту, отправилась къ отцу Серафиму Саровскому, доживавшему тогда послѣдніе свои годы. Блаженный старецъ впушалъ убивающейся отъ горя женщинѣ, что оплакиваемый ею мужъ уже отошелъ къ нашимъ почившимъ отцамъ, что поэтому и для нея онъ теперь уже не столько супругъ, сколько отецъ. Святой подвижникъ даже далъ ей такую духовную заповѣдь, чтобы она, ходя на могилу покойнаго, послѣ молитвы о немъ полагала земной поклонъ съ такими словами, къ нему обращенными: «прости меня, господине мой и отче»! Съ перемѣною взгляда ея на отношенія къ покойному, скоро и просто перемѣнилась безотрадная ея скорбь въ тихую грусть и благочестивое умиленіе.

— Какъ мудро поступилъ отецъ Серафимъ Саровскій, воскликнулъ я, а вмѣстѣ и какъ просто! Въ простонародіи извѣстно и обычно названіе покойниковъ, своихъ и чужихъ, старыхъ и малыхъ, «родителями». Такъ, напримѣръ, когда принесутъ въ храмъ тѣло покойника,

простой народъ обыкновенно выражается объ этомъ такъ: «въ церкви родители», хотя бы рѣчь была о младенцѣ или отрокѣ умершемъ. О. Серафимъ только выяснилъ и осмыслилъ это народное представленіе и выраженіе, когда внушалъ молодой женщинѣ относиться къ своему покойному мужу, какъ уважительно и даже почти благоговѣйно воспоминаемому отцу: «прости меня, господине и отче мой».

— Представленіе покойниковъ родителями, то есть, принадлежащими уже къ ряду отцевъ, къ которымъ они отошли, — сталъ снова говорить о. Іоаннъ, — дѣйствительно возбуждаетъ въ насъ благоговѣніе къ ихъ памяти. Помните слово Христово: отца не зовите себѣ на земли: единъ бо есть Отецъ вашъ, иже на небесѣхъ (Мат. XXIII. 9). Это значитъ, что по благодати Христа Сына Божія, ставшаго ради насъ сыномъ человѣческимъ, въ разныхъ родахъ земнаго человѣческаго отчества, сіяетъ уже отсвѣтъ самаго небеснаго Отца, къ которому вѣра наша, въ отношеніяхъ нашихъ къ земнымъ отцамъ, и должна взирать и направляться во глубинѣ нашего духа. Поэтому и въ отношеніи къ «родителямъ» (такъ называемымъ въ смыслѣ покойниковъ) слѣдуетъ намъ съ благовѣніемъ возводить взоры вѣры нашей къ Отцу небесному, который, ради вочеловѣченія и смерти за насъ Сына своего, взираетъ на насъ Своею отеческою любовію, просвѣчивающею для насъ и въ этомъ видѣ отчества—въ усопшихъ отцахъ.

Признаюсь вамъ, батюшка, возразилъ я, — сказанное вами такъ поразительно для меня и глубоко само по себѣ, что я желалъ бы услышать раскрытіе и подтвержденіе этого изъ слова Божія.

— Слово Божіе, отвѣчалъ о. Іоаннъ, даетъ подтвержденіе сказаннаго мною даже на такіе случаи, когда усопшіе отцы были вѣрны Богу, а живущіе ихъ дѣти или потомки невѣрны Ему, также и наоборотъ, когда покойные отцы были преступны предъ Божіею истиною и правдою, а потомки, дѣти съ живою вѣрою слѣдуютъ Божіей благодати и истинѣ. Вотъ подтвержденіе изъ слова Божія на первый случай: отцы и праотцы іудейскаго народа, какъ Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ были велики и праведны предъ Богомъ, а нынѣшніе ихъ потомки іудеи упорно противятся завѣту и евангелію Божественной благодати. Однако о послѣднихъ апостолъ Павелъ говоритъ, что и они, при всей своей враждебности евангелію, остаются для Бога еще возлюблени отецъ ради (Рим. XI, 28). Видите, что любовь Отца небеснаго свѣтится въ отцахъ, почившихъ въ Богѣ, даже такимъ грѣшнымъ ихъ дѣтямъ, или упорнымъ противникамъ благодати, каковы невѣрующіе іудеи. Но иные отцы или покойники жили и умерли сами въ тяжкихъ грѣхахъ и въ невѣрности Богу? Такъ.—Но пусть бы они были такъ худы, какъ были, и въ ветхомъ завѣтѣ, худшіе изъ іудеевъ,«жестоковыйные, всегда упорствовавшіе противъ Св. Духа», какъ говоритъ первомученикъ Стефанъ (Дѣян. VII, 51). Между тѣмъ апостолъ же Павелъ учитъ, что Христа «Богъ предложилъ въ (такую) жертву умилостивленія чрезъ вѣру въ кровь Его, чтобы показать правду свою въ прощеніи прежде содѣланныхъ грѣховъ во время долготерпѣнія Божія» (Рим. III, 25. 26); — что Христосъ есть такой ходатай новаго завѣта чтобы смерти Его быть во искупленіе преступленій бывшихъ въ первомъ завѣтѣ (Евр. IX, 15). Ясно, что вѣра

въ кровь и смерть Спасителя можетъ достигать прощенія и такихъ грѣховъ и грѣшниковъ, каковы были жестоковыйные іудеи въ первомъ или ветхомъ завѣтѣ. Только бы мы живые, и по отношенію къ умершимъ худымъ отцамъ, усвоили себѣ живою вѣрою Сына Божія, заглаждающаго ихъ грѣхи Своею смертію, только бы мы своею живою вѣрою воззрѣли или отнеслись къ этимъ отцамъ, какъ добрыя ихъ дѣти, т. е. какъ дѣти самого Отца небеснаго. О, тогда любовь Отца небеснаго ради Сына Его просіяетъ для насъ и въ памяти недостойныхъ отцевъ, въ прощеніи содѣланныхъ ими грѣховъ. И признаюсь вамъ, дорогой мой, что, когда, совершая помиповеніе или погребеніе усопшаго, я успѣшнымъ подвигомъ мысли и чувства стараюсь по возможности войдти въ силу Христовой смерти за этого усопшаго и въ отсвѣчивающую чрезъ это въ его памяти любовь Отца небеснаго, хорошо и глубоко-радостно начинаетъ становиться у меня на сердцѣ. Это бывало и тогда, когда приходилось хоронить или помнпать особенно близкаго и дорогаго мнѣ человѣка, какъ напримѣръ родную мать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благоговѣйное сознаніе и ощущеніе любви всеобщаго всевышняго Отца, осѣняя душу при помиповеніи «родителей», даютъ чувствовать живое внутреннее родство съ людьми, совсѣмъ повидимому чужими и незнакомыми. — Какъ вы думаете? Не достойно ли самыхъ доблестныхъ или самыхъ дорогихъ и близкихъ намъ покойниковъ такое воспоминаніе ихъ, вмѣсто языческаго безотраднаго плача о потерѣ любимыхъ, или языческаго же прославленія, помимо Христа, достоинства людей великихъ и доблестныхъ?

Безъ всякаго сомнѣнія такъ, сказалъ я. Но какъ намъ избавиться или остеречься, и при религіозномъ вос-

поминаніи о покойникахъ, отъ другой крайности—отъ того мертвящаго все духовно-живое, іудейскаго духа, съ которымъ станешь, пожалуй, поминать или даже погребать и роднаго отца, только какъ мертвый мертваго?

— Сила, отражающая и упраздняющая этотъ жестоковыйный іудейскій духъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, есть живый и животворный духъ Христовъ, духъ схожденія Сына Божія до вочеловѣченія, до земной жизни и даже до смерти за грѣшныхъ людей, духъ превознесенія Христова съ воскресшимъ и обоженнымъ Его человѣчествомъ до престола Его Божества, до сѣдѣнія одесную Отца, духъ такаго всесвятаго человѣколюбія Господня, по которому Онъ Своимъ богочеловѣческимъ «Я», въ состояніи и совершившагося истощанія и настоящаго прославленія Своего, навѣки ходатайствуетъ предъ Отцемъ за бѣдное «я» каждаго грѣшника, только бы этотъ послѣдній самъ не отвергалъ, а напротивъ усвоялъ себѣ такую благодать, дѣйствующую Св. Духомъ. Не противясь, а напротивъ сообщаясь или соучаствуя этому Христову духу, и мы должны отстаивать во Христѣ другихъ людей, живыхъ и умершихъ, какъ самихъ себя. Чрезъ это мы и возвысимся надъ мертвымъ и мертвящимъ духомъ жестоковыйнаго іудейства. Въ отношеніи къ усопшимъ особенно надо углубляться въ эти чудныя слова Павловы: «любовь Христова увлекаетъ насъ, разсуждающихъ такъ, что, если одинъ умеръ за всѣхъ, то всѣ умерли. Христосъ же за всѣхъ умеръ» (2 Кор. V, 14. 15). Видя предъ собою или только поминая умершаго, приникни, православный, своею мыслію и чувствомъ къ этой силѣ смерти Христовой, что смерть Его, такъ сказать, сосредоточиваетъ силу смерти всѣхъ и каждаго, силу всѣхъ смертей человѣчества, слѣдовательно силу смерти и этого твоего умершаго: аще единъ за

всѣхъ умре, то убо вси умроша. Христосъ жеза всѣхъ умре. Изъ участія къ судьбѣ видимаго или поминаемаго тобою усопшаго, открой свой умъ и сердце этой любви Божіей, по которой смерть усопшаго объимается благодатію Христовой смерти: постарайся своею вѣрою усвоить и упрочить ему такую благодать, поддержать его въ этой великой и животворной благодати, стоя во Христѣ за умершаго такъ, какъ бы ты отвѣчалъ за него самимъ собою на основаніи и по первообразу благодати Господа нашего, отвѣтившаго Своею личностію за всѣхъ и каждаго изъ насъ. Чрезъ это ты послужишь и успокоенію въ Богѣ твоего по вѣрѣ собрата усопшаго; потому что, хотя и прошло для него самаго время духовнаго сѣянія, но онъ, какъ членъ Христова тѣла церкви, еще открытъ и доступенъ для духовныхъ и благодатныхъ вліяній со стороны и посредствомъ живущихъ чадъ св. церкви. Чрезъ тоже будешь устроять и свое собственное спасеніе: потому что наше спасеніе и состоитъ въ томъ, чтобы сіе мудрствовать, еже и во Христѣ Іисусѣ, и чрезъ это пріобрѣтать себѣ Христа —единственную нашу правду (Фил. II, 5. III, 8. 9).

Все это, какъ знаете, возразилъ я,—не легко и говорится и понимается. Каково же исполнять? Кажется, намъ (говорю о большинствѣ) не только рукъ, но и ума не приложить къ такому дѣлу поминовенія усопшихъ, чтобы брать отвѣтственность за нихъ на свою душу или отстаивать ихъ самими собою...

— Главная трудность для насъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ,— состоитъ въ томъ, по правдѣ-то сказать, что намъ предлагается благодать, которую слѣдуетъ намъ принимать простотою живой вѣры, а мы обыкновенно топор-

щимся исполнять дѣло благодати сами собою своими собственными усиліями и заслугами. Этотъ самооправдательный путь несостоятеленъ для дѣла спасенія; онъ и приличенъ тоже іудейству, тщетно усиливающемуся поставить свою правду, а не христіанству, разумѣющему и принимающему правду Божію во Христѣ (Рим. X, 3). Но путь вѣры, усвояющей благодать, простъ и вѣренъ, хотя и требуетъ духовнаго подвига для достиженія совершенства. Разсуждайте сами. Если Христосъ умеръ за всѣхъ въ такомъ смыслѣ, что съ нимъ и въ немъ, въ существѣ дѣла, точно всѣ умирали; то для вѣры во Христа уже просто и естественно соединять съ мыслію о смерти чьей либо мысль о Христовой смерти за всѣхъ. При видѣ особенно христіанина умершаго, или при воспоминаніи о немъ просто и естественно, даже необходимо, истинно-вѣрующему возвышаться къ благоговѣйному представленію или къ мысленному и сердечному созерцанію самаго Христа въ состояніи Его смерти, объявшей собою силу смерти всѣхъ, слѣдовательно, силу смерти и видимаго или поминаемаго покойника, который и съ своей стороны еще въ крещеніи погрузился въ смерть Христову (Рим. VI, 3 и сл.). Далѣе, если для вѣры во Христа, который, самъ понесши на Себѣ безмѣрную тяготу отвѣтственности за грѣшный міръ, даетъ и намъ благодать носить тяготы другъ друга, просто и удобно понести чужую тяготу въ томъ, чтобы стать собственнымъ лицемъ воспріемнику за другую личность, именно за безсознательнаго младенца при его крещеніи: то столько же немудрено для вѣры во Христа понести и тяготу умершаго въ томъ, чтобы стать намъ за него предъ Господомъ собственнымъ лицемъ для усвоенія и упроченія этому покойнику благодати смерти

Христовой. Вѣдь и умершій не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ немощный младенецъ, имѣетъ нужду въ духовной помощи другихъ. Тѣломъ онъ совсѣмъ бездѣйственъ, а душею онъ — истинно какъ новорожденный въ другую жизнь младенецъ [1]). Какъ же намъ не оказать ему настоятельно нужной помощи? Какъ воспріемникъ изъявляетъ вѣру во Христа за младенца и тѣмъ открываетъ къ послѣднему безпрепятственный, со стороны его безсознательности, путь для благодати крещенія: такъ и мы за умершаго подвигнемъ собственную нашу вѣру въ ту любовь къ нему Господа, что за него пожертвовалъ Господь самимъ Собою и уже присвоилъ Себѣ его смерть, умерши за него; — и такая вѣра наша будетъ привлекать къ умершему благодать Христовой смерти, заглаждающей его грѣхи и открывающей блага жизни вѣчной. Св. Церковь предводитъ насъ въ этомъ, молясь за усопшаго къ Богу духовъ и всякія плоти, смерть поправшему и діавола упразднившему, и такимъ образомъ открывшему въ самомъ Себѣ воскресеніе, животъ и покой усопшему.

Такъ, такъ — говорилъ я. Но вѣдь мы и сами, въ большинствѣ своемъ, младенцы по духу.

— Совершенные или близкіе къ совершенству, сказалъ на мое возраженіе о. Іоаннъ, пусть слѣдуютъ за

---

[1]) Охотникъ пререкаться, безъ вниканія въ силу дѣла, можетъ найти здѣсь противорѣчіе сказанному выше объ усопшихъ, какъ «родителяхъ». Но въ разныхъ отношеніяхъ говорить и объ одномъ предметѣ разное, очевидно, не значитъ противорѣчить самому себѣ. Усопшіе, отходя къ отцамъ, отъ вѣка почившимъ, суть какъ бы «родители» по отношенію къ живущимъ еще въ этомъ свѣтѣ, но сами по себѣ, по своей новорожденности въ жизнь того свѣта, суть какбы младенцы, требующіе себѣ всяческой поддержки и помощи.

Павломъ, возвышаясь, въ духѣ самоотверженной Христовой любви, до готовности пожертвовать самими собою за умершихъ, до этой чрезвычайной объ нихъ мольбы: молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей,—даже невѣрахъ (Рим. IX, 3). Но мы, младенцы вѣры, станемъ, по крайней мѣрѣ, входить въ такія мысли и расположенія, что мы сами были бы чужды Христа, еслибы не пріобрѣтали себѣ Его, ходатайствующаго предъ Отцемъ и за умершихъ собственною Своею личностію и смертію. Будемъ съ дѣтскою вѣрою умолять Создателя и Спасителя нашего, чтобы Онъ явилъ намъ самимъ милость, милуя усопшихъ. Такъ понемногу и будемъ расти духомъ въ томъ человѣколюбивомъ направленіи, чтобы за умершихъ стоять во Христѣ намъ живымъ, какъ за самихъ себя, и въ этомъ отношеніи отстаивать ихъ отъ осужденія, по возможности, собственною нашею личностію. И это—единственно по благодати самаго Господа, по нашему сообщенію именно въ Его человѣколюбіи и самопожертвованіи за людей, а не отъ насъ самихъ. Ибо, по слову Божію, еда дастъ человѣкъ измѣну за ся, а не только что за другихъ?! Только Христово благопріемлемо Отцемъ Его; только человѣколюбивый Христовъ духъ силенъ исхищать души человѣческія даже изъ глубины ада. Да обновитъ въ насъ, да сохранитъ и возраститъ сама Матерь Божія человѣколюбивый до самопожертвованія духъ Сына своего и Божія!

II.

Разговоръ этимъ уже оканчивался; потому что я чувствовалъ себя удовлетвореннымъ рѣчами и разсужденіями

о. Іоанна о надлежащемъ поминовеніи усопшихъ. Но добрая и умная его жена, сидѣвшая тутъ же за какимъ-то рукодѣльемъ и, примѣтно, съ живымъ сочувствіемъ слѣдившая за ходомъ нашего собесѣдованія, при остановкѣ послѣдняго, предложила съ своей стороны вопроса два, три, относящіеся къ тому же предмету.

Мнѣ хотѣлось бы, говорила она мужу, чтобы ты поговорилъ кстати о заупокойныхъ обѣдняхъ, о паннихидахъ, о поминкахъ, объ употребленіи для поминовенія покойныхъ кутьи, о хожденіи на ихъ могилы, о сорочинахъ и тому подоб. Я люблю слушать, какъ ты говоришь обо всемъ этомъ съ нашими мужиками и бабами.

— Обо всемъ этомъ не только кстати, отвѣчалъ о. Іоаннъ, но и необходимо потолковать хоть сколько-нибудь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы намъ не поминать мертвыхъ только какъ мертвымъ же. Вѣдь во всемъ этомъ, что ты перечислила, у насъ и состоитъ вся, такъ-сказать, практика поминовенія. Впрочемъ намъ слѣдуетъ только примѣнить сказанное нами вообще о поминовеніи усопшихъ къ частнымъ дѣйствіямъ поминовенія, и эти послѣднія уяснятся въ своей живой духовной силѣ. И вопервыхъ, заупокойная литургія представляетъ въ себѣ, для успокоенія въ Богѣ усопшихъ, таинственное раскрытіе и дѣйствіе любви Господа къ людямъ, совершившейся особенно въ смерти Его (I Кор. XI, 26) за живыхъ и мертвыхъ, — представляетъ это въ истинномъ Его тѣлѣ, преданномъ на распятіе за нихъ, и въ истинной Его крови, пролитой въ ихъ искупленіе. Итакъ, за литургіей заупокойной по преимуществу должны мы открывать свое сердце и всю душу для человѣколюбиваго духа Христова, чтобы въ этомъ имен-

по духѣ намъ умолять объ усопшихъ Отца небеснаго прямо смертію за нихъ Сына Его, въ которомъ вся Его любовь и благоволеніе, — умолять о нихъ Христа Сына Божія собственнымъ Его самопожертвованіемъ за нихъ, — умолять объ оживотвореніи ихъ Св. животворящаго Духа самою, изливающеюся Имъ въ наши сердца, любовію Божію (Рим. V. 5) къ намъ грѣшнымъ, — и наконецъ по Богѣ умолять о ходатайствѣ за нихъ святыхъ Его, особенно Матерь Божію, глубочайшимъ общеніемъ ихъ все въ той же Христовой самоотверженной любви къ грѣшникамъ живымъ и умершимъ[1]). Въ этомъ же живомъ смыслѣ и духѣ должно намъ, по возможности, молиться объ усопшихъ и при погребеніи ихъ, за панихидами и вообще за всякими заупокойными молитвословіями. Въ такомъ разумѣ и настроеніи надо православнымъ и заказывать, особенно же намъ духовнымъ исполнять, всякую заупокойную Божію службу.

— А поминки?

На поминкахъ съ молитвами объ усопшихъ соединяется, въ память ихъ, поспѣшное угощеніе духовенства,

---

[1]) Можно, съ простотою сердечной вѣры, такъ или подобно тому внутренно молиться: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, помилуй усопшаго твоего раба и чадо ради возлюбленнаго Своего Сына, ради Его смерти; Сыне Божій, вземляй грѣхи міра, помилуй и упокой у Себя отшедшаго, ради такого искупительнаго самопожертвованія Твоего и за него, вмѣстѣ со всѣмъ міромъ; Утѣшителю Душе Святый оживотвори душу его тою Божественною любовію, которую изливаешь въ сердца наши; Матн Божія, воспомяни состраданіе твое Страдавшему за всѣхъ Сыну Твоему и Господу, и умилосердись надъ умершимъ, за котораго Онъ страдалъ и умеръ; Святые вси вы спаслись любовію къ вамъ Господа, отъ которой Онъ не отчуждалъ и грѣшныхъ, — умолите Его этою Его любовію простить усопшаго».

родныхъ, знаемыхъ, пищей братіи. О молитвахъ заупокойныхъ мы сейчасъ говорили Что касается до учрежденія поминальныхъ угощеній, предлагающіе и принимающіе ихъ, особенно мы духовные, должны серіезно позаботиться, чтобы это дѣло было у насъ, дѣйствительно, успокоительно для поминаемыхъ усопшихъ и не безплодно, а спасительно для насъ самихъ. Для этого слѣдуетъ намъ, и учреждая эти поминки и бывая на нихъ, неуклонно взирать своею вѣрою, озабоченною успокоеніемъ усопшихъ, къ единственному ихъ покою и Спасителю нашему Господу Іисусу, который, во дняхъ плоти Своей, истощалъ Себя до ощущенія и удовлетворенія потребностей въ пищѣ и питіи, и это ради насъ, чтобы намъ быть съ Господомъ и Господу съ нами и за нашими трапезами, благодатію Своего Духа. Да и въ самой вкушаемой, въ память представльшихся, пищѣ и питіи вѣра наша должна приникать къ осуществленнымъ въ этимъ веществахъ мыслямъ зиждительнаго Бога Слова, къ дарамъ любви къ намъ Отца небеснаго, и такимъ образомъ, за чувственною трапезою насыщаться и наслаждаться духовною благодатію: особенно къ этому райскому воззрѣнію и вкушенію мы должны возвышаться при употребленіи поминальной кутіи, съ живымъ молитвеннымъ желаніемъ усопшимъ всѣхъ сладостей творческой и возсоздательной любви къ намъ Божіей. Такъ-то, принимая или другимъ предлагая поминальныя угощенія, мы будемъ дѣлать прекрасное и достойное всякаго уваженія дѣло, а не одинъ только показывать видъ того, «какъ будто дѣломъ занялись». Трапезуя за столомъ заупокойнымъ именно съ объясненными мною мыслями и расположе-

ніями вѣры, обращенной къ Господу, мы, безъ сомнѣнія, не будемъ не услышаны отъ Него, когда къ концу стола единодушно вознесемъ, по возглашенію служителя олтаря, молитву о блаженномъ успеніи отшедшаго отъ насъ; да, тогда и вся трапеза, отъ начала до конца, будетъ намъ живая молитва за усопшаго.

А вѣдь хорошо подавать по покойникахъ и милостыни нищимъ.

— Еще бы нѣтъ? Только, подавая милостыню нищимъ и вообще благодѣтельствуя нуждающимся въ память покойниковъ, должны мы непремѣнно имѣть, съ благоговѣніемъ, въ виду для своего духа самаго Господа нашего, который, вземля грѣхи міра и съ ними всяческую нищету и нужду человѣческую, благоволитъ принимать и присвоять Себѣ всякое наше благодѣяніе, оказываемое нуждающимся и нищимъ—меньшимъ Его братьямъ. Сочувствуя и соучаствуя такой любви Его къ человѣчеству чрезъ помощь нашу ближнимъ, мы сердечно и будемъ просить и привлекать къ усопшимъ туже Его любовь. Такъ точно, и жертвуя что-либо въ церковь Божію въ упокоеніе усопшихъ, а иногда и по ихъ прямому завѣщанію, мы должны взирать своею вѣрою также прямо къ самому Господу, присущему благодатію въ Своей церкви и всѣ ея принадлежности проникающему духомъ Своей безмѣрной любви къ людямъ, особенно же вѣрующихъ въ Него соединяющему въ живомъ единствѣ Своего благодатнаго тѣла и животворящему ихъ, живыхъ и умершихъ, какъ собственные члены Своимъ Св. Духомъ, и это не только «при соразмѣрномъ дѣйствіи каждаго члена», но и «посредствомъ всякаго вспомоществующаго прикосновенія» или подаянія однихъ въ пользу другихъ

(Ефес. IV, 16). Слава Господу, столько ущедряющему насъ,—только бы мы сами принимали и усвояли себѣ такую щедрость благодати Его въ спасительную пользу для себя и отшедшихъ отъ насъ въ другую жизнь отцевъ и братій нашихъ!

А какъ лучше, полезнѣе для насъ и усопшихъ посѣщать ихъ могилы, къ которымъ, особенно къ могилкамъ незабвенныхъ родныхъ, чѣмъ-то непреодолимо влечется сердце?—продолжала спрашивать о. Іоанна его супруга.

—Ты знаешь,—отвѣчалъ онъ ей,—какъ ходили къ гробу нашего Спасителя св. жены мироносицы. Но какое, скажешь, соотношеніе живоноснаго гроба Христова съ могилами нашихъ грѣшныхъ, хотя и дорогихъ намъ, покойниковъ? Такое, отвѣчаю, что Христосъ умеръ и погребенъ именно за нихъ, какъ и за всѣхъ насъ; Онъ въ Своей смерти, разрѣшившейся Его воскресеніемъ начатокъ умершимъ бысть (1 Кор. XV, 20), есть представительный и основный первообразъ мертвыхъ, также имѣющихъ по Его силѣ воскреснуть. Да кромѣ того, умершіе православные обыкновенно много разъ въ жизни пріобщались душею и самымъ тѣломъ своимъ самаго пречистаго Христова тѣла и крови, и большею частію сподобляются этой благодати предъ самою своею смертію. Что же изъ этого слѣдуетъ? Животворящее тѣло и кровь Христовы принимаются нами подъ видомъ хлѣба и вина; этотъ видъ въ насъ, живыхъ и умершихъ, и измѣняется, какъ свойственно видамъ хлѣба и вина; но преподаваемыя подъ этимъ видомъ истинное тѣло и кровь Христовы остаются тѣмъ не менѣе нетлѣнною и животворною для вѣрующихъ сущностію, въ удостоив-

шихся принять эти божественныя тайны душею и тѣломъ. Итакъ, иди на дорогія тебѣ могилки своихъ покойниковъ. устремляясь и воззрѣвая своею вѣрою къ невидимой и нетлѣнной благодати Христова тѣла и крови, которыхъ сообщны твои покойники не только по душѣ, но и по скрытому уже въ могилѣ тѣлу своему. Моли твоихъ усопшихъ родителей, братій и сестеръ, прильнувая духомъ своимъ къ тайнамъ Христова тѣла и крови, составляющимъ незримую, но божественно-дѣйственную жизненную силу не только для ихъ душъ, но и въ самыхъ ихъ тѣлахъ, какъ въ посѣянныхъ въ землю и здѣсь, въ самомъ разложеніи своемъ, предначинающихъ свое прозябеніе,—сѣменахъ воскресенія и жизни вѣчной. Видите, какъ удободоступенъ для насъ чинъ или духъ св. женъ мироносицъ, ходившихъ съ своими мирами ко гробу, въ которомъ было погребено тѣло Христово. Онѣ за такую любовь свою къ Господу удостоились первыя войдти въ радость Его воскресенія, чрезъ ангельскую вѣсть объ этомъ и чрезъ явленіе Самаго воскресшаго. Ей, и мы, посѣщая могилы нашихъ присныхъ съ устремленіемъ и воззрѣніемъ нашей вѣры къ благодати сообщенныхъ имъ Христова тѣла и крови, будемъ достигать того, что любовь Господа, предавшаго тѣло Свое на распятіе и проливша го кровь Свою за грѣшныхъ гибнущихъ людей, будетъ живительно касаться и нашихъ сердецъ, животворя въ то же время души нашихъ покойниковъ и простирая живительныя свои вліянія на самыя сухія или изсыхающія ихъ кости. Такъ и на могилахъ покойниковъ будетъ срѣтать насъ, сквозь сумракъ скорби объ нихъ, и животворная радость Христова воскресенія.

Матушка была тронута, но, помолчавъ нѣсколько, продолжала свои распросы:

Ну, а какъ по надлежащему исправлять по покойникамъ наши третины, девятины, сорочины, годины, или годовщины?

— Не иначе, какъ всё въ Господѣ и по духу Его человѣколюбія. Въ одномъ Господѣ — высочайшій первообразъ и существенная сила и основаніе всего должнаго и спасительнаго для насъ. Сорочины, или поминаніе покойныхъ въ сороковой день послѣ ихъ смерти, что справляется по покойникамъ съ особеннымъ усердіемъ, естественно и прямо отсылаютъ нашу вѣру къ сороковому дню не отъ смерти Господа, такъ какъ она разрѣшилась Его воскресеніемъ, но именно отъ Его воскресенія. Какъ въ этотъ сороковой день Господь превознесъ воспріятое Имъ въ Свою личность человѣческое естество въ рѣшительное состояніе Своей славы—возсѣданіе на престолѣ Его Божества, одесную Отца: такъ, по этому первообразу, усопшіе въ сороковой день по смерти своей входятъ своими душами въ опредѣленное, соотвѣтственное своему нравственному достоинству, состояніе. Какъ Господь, совершивъ дѣло нашего спасенія въ Своей жизни и смерти и запечатлѣвъ его Своимъ воскресеніемъ, увѣнчалъ все это дѣло Своимъ вознесеніемъ въ сороковой день Своей прославленной жизни: такъ души усопшихъ, совершивъ свое жизненное поприще на землѣ, въ сороковой день своей загробной жизни, въ области духовной получаютъ, по Христову суду (частному еще, конечно), свой заслуженный жребій. Какъ Господь нашъ, вознесшись въ сороковой день Своей жизни, открывшейся въ Немъ по смерти Его воскре-

сеніемъ, всегда сѣдитъ одесную Бога Отца, прочее ожидая, дондеже положатся врази Его подножіе ногъ Его (Евр. X, 12. 13): такъ и усопшіе въ своемъ состояніи и жребіи, присужденіе котораго имъ отъ Господа церковь полагаетъ въ сороковой день по ихъ смерти [1]), остаются (хотя и не безъ возможности перемѣны) до всеобщаго воскресенія и страшнаго суда Христова. Не подумали бы вы, что я, по произволу или только по личному своему мнѣнію, провожу соотвѣтствіе (параллель) между Христовыми состояніями и судьбою усопшихъ: это соотвѣтствіе признается или утверждается въ самомъ словѣ Божіемъ (См. Евр. IX, 27. 28); — я только примѣняю это къ частнѣйшему предмету нашей рѣчи. Къ чему же говорю я все это? Къ выясненію того, какъ надо намъ отправлять по незабвеннымъ нашимъ покойникамъ «сорочины». Въ сороковой день твоего дорогаго покойника, сѣтующая по немъ съ вѣрою душа, возведи взоры своей мысли и сердечнаго чувства къ Господу и Спасителю нашему, въ сороковой день Своей прославленной жизни, возведшему Своимъ, пострадавшимъ за насъ до смерти, человѣчествомъ въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію за насъ, живыхъ и усопшихъ (Евр. IX, 24). Открой свое сердце для такого Его человѣколюбія, что Онъ возсѣдаетъ одесную Отца, въ открытой Его любви, самымъ человѣчествомъ Своимъ, ходатайственно-представляющимъ насъ человѣковъ. Откажетъ ли Ему въ этомъ ходатайствѣ всещедрый Отецъ, имѣя предъ собою Его — Своего воз-

---

[1]) См. Слово св. Макарія Александрійскаго о исходѣ душъ и проч (напеч. въ Христ. Чтен. 1831 г. августъ).

любленнаго Сына въ крестныхъ за насъ язвахъ?! Держись же вѣрою крѣпко такой любви Господа, и въ славѣ Своей занятаго вѣчною судьбою нашею, судьбою твоею и твоего покойника, и умоляй Его за усопшаго, да благодатію Своею немощное въ отшедшей душѣ уврачуетъ, оскудѣвающее восполнитъ, всѣ согрѣшенія проститъ и очиститъ, и тако вчинитъ ее въ жребіи помилованныхъ, оправданныхъ, въ предначатіи вѣчнаго блаженства. Твоя вѣра и молитва, споспѣшествуемая св. церковію, много поможетъ преставившемуся на опредѣляющемъ жребій его до всеобщаго воскресенія, такъ называемомъ, частномъ судѣ Христовомъ. Что касается до третинъ или поминовенія по усопшемъ въ третій день послѣ его смерти, прямое духовное отношеніе этого къ воскресенію Христову, въ третій день по Его смерти, очевидно само собою. Въ эти третины, до наступленія которыхъ большею частію покойникъ остается еще не погребеннымъ, нашей вѣрѣ и слѣдуетъ съ благоговѣніемъ и утѣшеніемъ представлять себѣ возсіяніе жизни въ области самой смерти, это дивное торжество жизни надъ смертію, совершившееся въ воскресеніи Христовомъ все къ нашему же спасенію и оправданію (см. Рим. IV, 24 — 25), слѣдовательно и къ животворному успокоенію въ Господѣ усопшихъ. Девятины, или поминовеніе усопшихъ въ девятый день послѣ ихъ смерти, по устроенію въ себѣ третичнаго числа дней отъ смерти, наводитъ на вниманіе чрезъ это церковію усиленной мысли о раскрытіи, чрезъ домостроительство нашего спасенія Христомъ, благодати Пресв. Троицы въ области временнаго нашего бытія, объ осѣненіи дней и всякаго мгновенія бытія нашего любовію вѣчнаго Отца,

совершающемся ради вѣчнаго Его Сына и въ Немъ самомъ, и дѣйствующемъ силою вѣчнаго Его Духа. Церковь внушаетъ нашей вѣрѣ напряженное движеніе, чтобы такая благодать Пресв. Троицы была принимаема и служила во спасеніе и упокоеніе усопшаго, проходившаго свое жизненное поприще подъ такимъ ея осѣненіемъ, а не въ судъ и осужденіе за обычное намъ грѣшнымъ невниманіе и небрежность къ объемлющей насъ, со всѣхъ сторонъ нашего бытія, благодати Тріединаго Божества. Подобнымъ образомъ, и годины или поминовеніе покойнаго въ день его смерти, спустя годъ послѣ нея, и годовщины, повторяющія поминовеніе съ возвращеніемъ этого дня и въ послѣдующіе годы, равно и всякіе, столѣтніе или пятидесятилѣтніе, юбилеи памяти того и другаго покойника, надо совершать непремѣнно подъ управленіемъ той мысли живой вѣры, что, ради совершившагося подчиненія самаго Господа, по Его вочеловѣченію, человѣческимъ условіямъ времени для насъ, годовыя и многогодовыя возвращенія или какъ бы повторенія дня отшествія покойнаго въ другую жизнь, имѣютъ живой смыслъ и соотношеніе къ его душѣ и судьбѣ. Надо вѣрѣ и человѣколюбію нашему пользоваться этимъ для споспѣшествованія успокоенію усопшихъ.

Выслушавъ это, я поразился, съ одной стороны, высокими представленіями, развиваемыми о. Іоанномъ, а съ другой не могъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ недоразумѣній и внутреннихъ вопросовъ, возбужденныхъ особенно словами о. Іоанна о сороковомъ днѣ по смерти усопшихъ. Мысли его объ этомъ предметѣ отзывались для меня какимъ-то слишкомъ темнымъ, мистицизмомъ. Мысль о внутреннемъ соотношеніи дѣла Хри-

стова, отъ Его смерти по вознесеніе, къ судьбѣ вѣрующаго человѣка, за гробомъ, ясна для вѣры. Но что это дѣлается съ душею въ продолженіе первыхъ сорока дней по ея разрѣшеніи отъ смерти? Почему въ сороковой день, а не вслѣдъ или непосредственно за смертію, оказывается судьба покойнаго опредѣленною (хотя и не рѣшительно, не безъ возможности измѣненія по благодати Божіей, испрашиваемой вѣрою и церковію) Христовымъ частнымъ судомъ до всеобщаго воскресенія и суда? Развѣ нравственное состояніе и достоинство совершившаго подвигъ жизни не опредѣлимо безъ предварительныхъ изслѣдованій и даже истязаній?—Эти недоразумѣнія и вопросы я сейчасъ же высказалъ о. Іоанну. Онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что совершенно справедливо уподобляютъ отношеніе загробной нашей жизни къ настоящей — отношенію нашей жизни на этомъ бѣломъ свѣтѣ къ нашему пребыванію и жизни во чревѣ материнемъ, и что потому также трудно и даже странно для насъ думать разоблачить тайны загробной жизни, какъ невозможно было бы для младенца, во чревѣ материнемъ, составить себѣ ясное понятіе объ ожидающей его жизни на бѣломъ свѣтѣ. Потому всякаго рода любопытство, усиливающееся составить себѣ наглядное и полное представленіе загробной жизни, я нахожу неумѣстнымъ. Итакъ отнюдь не въ смыслѣ подобнаго любопытства, а ради только вразумленія въ спасительной истинѣ, содержащейся въ православно-церковныхъ вѣрованіяхъ, мы дозволимъ себѣ коснуться вопросовъ о затрудняющихъ васъ сторонахъ загробнаго состоянія усопшихъ. Само собою разумѣется, что прав-

ственное состояніе и достоинство человѣка не только всегда открыто для нашего Судіи Господа, но опредѣляется для самой души человѣка чрезъ самыя его нравственныя расположенія и дѣла, какъ только они появляются или совершаются. Но дѣло въ томъ, что это нравственное состояніе и достоинство духа человѣческаго открыться вполнѣ для собственнаго сознанія и ощущенія можетъ (до раскрытія характера и порядка вѣчной жизни послѣ всеобщаго воскресенія) не иначе, какъ съ нѣкоторою послѣдовательностію и постепенностію, при послѣдовательномъ выступленіи для его сознанія и ощущенія внутренняго порядка и процесса образованія въ немъ извѣстныхъ расположеній, совершенія имъ извѣстныхъ дѣлъ. Этотъ нравственный порядокъ и процессъ обосновывается всегда на свободномъ произволеніи или самоопредѣленіи человѣка, но не иначе, какъ подъ вліяніемъ живыхъ духовныхъ силъ свѣта и тьмы Это теперь совершается сокровенно; но безъ опредѣленнаго разграниченія того, что принадлежитъ свободному самоопредѣленію человѣка, отъ того, что относится къ вліяніямъ на него духовнаго міра, не можетъ вполнѣ выясниться и опредѣлиться для человѣка нравственное его состояніе и достоинство. И вотъ передъ вами открывается глубокій, соотвѣтственный самому существу дѣла, смыслъ, такъ называемыхъ, мытарствъ или нѣкоторыхъ духовныхъ испытаній, которыя проходитъ душа въ первое время по разрѣшеніи отъ тѣла, — испытаній при ясности для души вліявшихъ на нее силъ свѣта и тьмы. Само собою разумѣется, что образъ этихъ испытаній для насъ вполнѣ невыяснимъ теперь, соотвѣтствуя уже новому, для насъ невѣдомому еще, по-

рядку бытія загробнаго и потому даже и неизобразимъ иначе, какъ только согласно съ чувственно-образнымъ порядкомъ нынѣшней жизни. Такъ именно, а не иначе, церковь, со свидѣтельства святыхъ, и возвѣщаемъ намъ объ этимъ «мытарствахъ» [1]). Такой же глубокій, вполнѣ сообразный съ естественнымъ ходомъ душевной жизни, смыслъ церковныхъ сказаній или показаній [2]), что душа, разрѣшаясь отъ тѣла, первоначально (до третіяго дня по смерти человѣка) устремляетъ свое вниманіе и сознаніе еще къ земному своему поприщу, напр. къ тѣмъ людямъ и средамъ, среди которыхъ она совершала дѣла правды или порока; потомъ, воззрѣвъ къ великому назначенію человѣка и къ связаннымъ съ нимъ горнимъ обителямъ, къ райскимъ средамъ бытія, занята бываетъ особенно уже мыслію о нихъ или ихъ созерцаніемъ (до девятаго дня): но за тѣмъ, по поводу самой щедрости любви Божіей къ человѣку, душа предается сознанію всяческихъ невѣрностей предъ нею самаго человѣка и раскрывающихся чрезъ это для него уже другихъ, темныхъ обителей, или безднъ изъ среды адской (до сороковаго дня). Соотвѣтственно этому, безъ сомнѣнія идутъ и тѣ испытанія или мытарства, чрезъ которыя выясняются для души нравственное ея состояніе и достоинство; послѣдпія, и дѣйствительно, должны выясниться не иначе, какъ по отношенію и къ земному поприщу человѣка и къ свѣтлому назначенію его отъ Бога и къ ниспаденію его въ адскіе мраки. Извѣстно.

---

[1]) См. въ житіи препод. отца нашего Василія Новаго изображеніе прохожденія Ѳеодорою мытарствъ.

[2]) Въ словѣ св. Макарія Алексан. о исходѣ душъ праведныхъ и грѣшныхъ.

что нравственныя дѣйствія и движенія вѣрующаго бываютъ такія или другія, добрыя или худыя, судя потому, на сколько онъ бываетъ внимателенъ, бодрственъ, или небреженъ по отношенію къ долгу и свойству земнаго своего поприща, къ памяти объ ожидающемъ человѣка раѣ и адѣ. Это все, съ свойственною душевной жизни послѣдовательностію, и должно выступать со всею силою для созерцательнаго сознанія отшедшей изъ нашего міра души, при испытательномъ выясненіи нравственнаго ея состоянія и достоинства, пока наконецъ судъ Христовъ (частный), съ открытою уже для самой души правдою, назначитъ жребій ея до всеобщаго, уже рѣшительнаго, суда. Послѣдовательный порядокъ всего этого безъ сомнѣнія, вполнѣ согласно съ самымъ существомъ и началами нашего спасенія, соображается съ порядкомъ состояній Христовыхъ, раскрывшихся отъ Его смерти до запечатлѣвшаго и увѣнчавшаго все Его дѣло, превознесенія Его, и съ человѣчествомъ Его, до престола Его Божества; такъ какъ и самый порядокъ этихъ Христовыхъ состояній, кромѣ обоснованія Его въ Божественныхъ соображеніяхъ и планахъ Христова домостроительства, былъ согласенъ несомнѣнно и съ воспріимчивостію человѣческаго Его естества, намъ сроднаго. Вотъ вамъ посильное разрѣшеніе вашихъ вопросовъ и недоразумѣній по этому предмету, — разрѣшеніе какъ видите, служащее собственно къ тому, чтобы зная, въ чемъ и почему и когда особенно нуждается дорогая намъ душа того или другого покойника, вѣра наша и озабочивалась оказывать ей потребную духовную помощь и соучастіе! Между тѣмъ въ дополненіе къ говоренному прежде,—продолжалъ о. Іоаннъ, взглянувъ на свою жену,—для насъ теперь особенно ясно стало значеніе нашихъ сорокоустовъ или

особенно заботливыхъ поминовеній покойнаго при споспѣшествованіи тому церкви особенно чрезъ служеніе заупокойныхъ литургій, въ продолженіи сорока дней по смерти усопшаго. Въ это время душа его особенно, такъ сказать, вопіетъ къ намъ о братской и сестринской помощи въ рѣшающейся ея судьбѣ до всеобщаго воскресенія. Изъ сказаннаго впрочемъ вы можете усмотрѣть,— сказалъ о. Іоаннъ, взглянувъ уже на меня,—что душамъ праведниковъ совершенныхъ, уже и въ настоящей жизни открывающихъ, по благодати Божіей, свое духовное зрѣніе до созерцанія таинъ міръ духовнаго, и именно: какъ споспѣшествованія намъ ангельскаго, такъ и противоборства духовъ злобы, до постоянной недремлющей озабоченности долгомъ и опасностями поприща земнаго, до проникающей всю глубину душевную памяти о небесныхъ и адскихъ обителяхъ,—можетъ и не быть такой, какъ для другихъ, задержки, или нужды въ послѣдовательномъ прохожденіи испытаній и сопутствующихъ имъ особыхъ состояній. Такъ, у св. отцевъ, напримѣръ у св. Ефрема Сиріянина, изображается восхожденіе совершенной праведной души къ Господу, въ сопребываніе съ Нимъ, какъ царицы со славословіями радующихся за нее ангеловъ и безъ всякой задержки духовными міродержителями тьмы. Равнымъ образомъ понятно и то, что души, зазнаемо для неба и земли нечестивыя, невѣрующія, или невѣдающія Христа, также посвоему не слишкомъ нуждаются въ послѣдовательномъ разъясненіи ихъ нравственнаго состоянія и достоинства, прямо по смерти тяготѣя къ своему жребію въ преисподней...

Счастливы, несказанно счастливы мы, православные, что мы—православные, право знаемъ Христа и вѣруемъ

въ Него,—замѣтила на послѣднія слова супруга о. Іоана, и помолчавъ прибавила съ глубокимъ вздохомъ и съ нескрытою слезою: а не православные-то, а язычники-то невѣрующіе, или магометане, евреи невѣрные!..

РАЗГОВОРЪ

о связи и внутреннемъ соотношеніи между состояніемъ и судьбою усопшихъ, и состояніемъ и жизнію живущихъ, между міромъ загробнымъ и земнымъ.

Недѣли не прошло послѣ описаннаго выше свиданія и собесѣдованія моего съ о. Іоанномъ, какъ всѣхъ насъ поразило тяжелое и скорбное для всей Россіи извѣстіе о кончинѣ, за границею, бывшаго Наслѣдника Всероссійскаго престола, Цесаревича Николая Александровича. Говорить ли о печальныхъ думахъ, возбужденныхъ этимъ событіемъ, котораго не только не призывали, но, повидимому, и не допускали ни цвѣтущіе годы покойнаго, ни великое назначеніе и судьба, готовимыя ему, ни общія желанія и ожиданія близкаго его счастія въ рѣшенномъ было уже его супружествѣ съ достойнѣйшею царственною особою?.. Казалось,—съ нашимъ лишеніемъ его отнималось у насъ великое благо предлагаемое уже намъ и вдругъ скрытое отъ насъ въ лицѣ, столько любившаго Россіи и все русское Покойника, что ему и за-

граничное лучшее, казалось чѣмъ-то русскимъ, роднымъ, что и сердечный его выборъ невѣсты рѣшался русскими чертами ея характера и духа, имъ замѣченными [1]).

Какъ только можно мнѣ было, я увидѣлся съ о. Іоанномъ и облегчилъ свою душу объясненіемъ ему своихъ скорбныхъ и заботливыхъ мыслей, по случаю совершившагося печальнаго событія. На мои грустныя рѣчи вотъ что говорилъ о. Іоаннъ:

— Можетъ быть, не просто только отнято отъ насъ одно великое благо, но чрезъ тоже открывается и предлагается другое, не меньшее или еще и большее. Только для принятія и упроченія этаго послѣдняго, надо намъ дѣйствительно, напередъ взвѣсить сознаніемъ и чувствомъ наше лишеніе и потомъ крѣпкимъ движеніемъ или дѣйствіемъ нашей вѣры въ самомъ этомъ лишеніи открыть спасительный даръ Божіей благодати, совершающейся и въ нашихъ немощахъ, скорбяхъ и лишеніяхъ. Поэтому и я прежде всего скажу вамъ нѣсколько словъ о моихъ собственныхъ горькихъ думахъ, въ прибавленіе къ вашимъ. Вы знаете, что въ одной изъ библейскихъ (только не каноническихъ) книгъ [2]) представляется могущественный благодатный дѣятель въ средѣ вавилонскаго плѣна Божія народа, всѣми силами своей души скорбно озабоченный такою судьбою Израиля. Среди печальныхъ его изліяній и думъ, въ пустынномъ мѣстѣ, онъ встрѣ-

---

[1]) Такія свѣдѣнія сообщались о покойномъ Цесаревичѣ въ газетахъ людьми, близко его знавшими.

[2]) Это 3-я кн. Ездры, книга новозавѣтнаго уже происхожденія, которая, только подъ образами ветхозавѣтными, изображаетъ судьбы новозавѣтной церкви (См. мою книгу: «Изслѣдованія о достоинствѣ, цѣлости и происхожденіи 3 кн. Ездры»).

чается съ одною женщиною, также предающеюся смертельному горю: у нея былъ сынъ, возрастила она его съ материнскою заботою о его воспитаніи, нашла ему и достойную невѣсту, онъ вступалъ уже въ брачный чертогъ, какъ вдругъ палъ, пораженный смертію. Видите, какъ грустныя черты такого событія близко приложимы къ лишенію, постигшему Россію, у которой Наслѣдникъ престола, точно — какъ первородный сынъ. Но особенно печальна знаменательность сей часъ сказаннаго нами изъ книги событія: это изображаетъ, по книгѣ, паденіе Израиля или судьбу его въ вавилонскомъ плѣнѣ, а Израиль-то берется въ смыслѣ новаго Израиля или христіанъ, проходящихъ разнообразныя гибельныя бѣды духовно-вавилонскаго плѣненія. А послѣднее состояніе не слишкомъ далеко или чуждо многимъ, многимъ изъ насъ въ нашей современности, какъ видно изъ разсмотрѣнія духа и смысла многихъ св. книгъ [1]). Соображая все это, въ лишеніи постигшемъ насъ мнѣ слышится такой голосъ къ намъ самимъ: смотрите, это—поразительный образъ и какъ бы сосредоточенное въ наглядной видимости сокращеніе того, что вообще съ вами духовно совершается; вѣдь вы, какъ православные и притомъ пользующіеся могуществомъ и значеніемъ величайшей державы, вы—наслѣдники всѣхъ сокровищъ православія, могуціе послужить раскрытію православія и для міра неправославнаго на западѣ, благу православія и на плѣненномъ магометанствомъ востокѣ. Но вы сами еще не знаете всей жизненной силы

---

[1]) См. мои монографіи: «Св. Пр. Даніилъ», «Св. Пр. Іеремія», «Св. Пр. Іезекіиль», «Св. Пр. Исаія», и особенно въ моей книгѣ «Печаль и радость по слову Божію» третью и четвертую статьи.

православія; у васъ есть соблазняющіеся духомъ и началомъ Агнца Божія во имя православія; у васъ есть представляющіе себѣ его, какъ что-то уже отжившее, юродивое, и это—поборники, по ихъ хвастовству, живой мыслительности и свѣжей жизни. Въ этомъ отношеніи—вы живые мертвецы; ваша невѣста, чудно прекрасная невѣста истинно-свѣжей жизни и живой мыслительности, могущей освѣтить и обновить весь міръ всеобъемлющею истиною и всеоживляющею благодатію православія, вдовствуетъ при трупѣ своего жениха, при вашемъ собственномъ духовномъ трупѣ. Чуждъ былъ онъ вашей духовной мертвости и потому, видно, въ ваше только обличеніе и вразумленіе, или вообще изъ-за васъ, сраженъ видимою смертію Августѣйшій Женихъ достойной невѣсты, Наслѣдникъ столь высокаго изъ царственныхъ престоловъ»...

Слушая такія обличительно печальныя рѣчи, я совсѣмъ поникъ духомъ и впалъ въ глубочайшее уныніе, доходящее почти до отчаянія. О. Іоаннъ грустно посмотрѣлъ на меня и продолжалъ уже въ другомъ тонѣ:

— Ободрись, другъ и братъ! Мы раскрыли только одну сторону знаменательности совершившагося съ нами печальнаго событія; другая сторона—болѣе свѣтлая и успокоительная. Единственная жертва за всѣхъ насъ, мертвѣющихъ духомъ, умилостивительная предъ Отцемъ, есть Самъ Сынъ Его, нашъ Господь, принявшій плотію смерть за насъ, какъ бы виноватый нашею виновностію. И такъ намъ, нашей вѣрѣ только бы далъ Господь совершить подвигъ принятія и усвоенія себѣ благодати, вводящей смерть почившаго въ Бозѣ Наслѣдника въ сообщеніе смерти за него и за насъ самаго Господа. Тогда,

по силѣ именно Христовой смерти, эта самая, оплакиваемая нами, смерть безцѣннаго для Россіи царственнаго Юноши окажется для него самаго открытою дверію въ небесную царственную славу, а для насъ она же можетъ послужить поворотною точкою отъ худшаго къ лучшему, отъ духовно-вавилонскаго къ благодатно-сіонскому, отъ жесткой и убивающей буквы и ревности по буквѣ—къ живому и животворному духу Агнчему, къ этой силѣ и духу самаго православія, отъ броженія всякихъ внѣ Христа началъ и правилъ—къ Христову свѣту, выясняющему всякую область бытія, оживляющему и освящающему всякую среду жизни и быта, просвѣтительному и оправдательному для всякаго особаго отдѣла и всеобщей совокупности знаній. Вѣдь сила смерти Христовой безпредѣльна, и собственно она, при общеніи въ ней представительнаго отъ насъ, Русскихъ, человѣка, можетъ воздѣйствовать надъ нами тихо, незамѣтно, постепенно, но именно такъ могущественно, какъ сей часъ сказано. Я не преувеличиваю, ни, тѣмъ мѣнѣе, представляю вамъ какую-то апотеозу умершаго, а просто указываю вамъ только на силу Христовой смерти, силу Божію, дѣйствующую обыкновенно въ человѣческой немощи и избирающую для своего проявленія особенно скромные, только чистые и открытые ей, пріемники.

Я былъ нѣсколько озадаченъ мыслями о. Іоанна, какъ слишкомъ смѣлыми и оригинальными, хотя и отрадными для меня и просто вытекающими изъ началъ Христовой истины. Я нашелъ сказать только одно это:

Итакъ вы поставляете во внутреннюю связь и взаимное соотношеніе загробную судьбу усопшаго съ ходомъ нашей земной и вообще міровой жизни?

— Да какъ же можетъ быть иначе? — возразилъ о. Іоаннъ. Основаніе такого внутренняго соотношенія и связи между «тѣмъ свѣтомъ», куда идутъ отходящіе изъ этой жизни, и нашимъ земнымъ міромъ,—для насъ есть самъ Господь, общій тому и другому міру, загробному и здѣшнему. Но не остановимся только на общей мысли объ этомъ, а разовьемъ ее пообстоятельнѣе, и притомъ такъ, чтобы она не озадачивала, какъ будто принадлежащая не истинѣ всеобщей, а только личной оригинальности разсуждающаго. Впрочемъ у насъ приписываютъ же [1]) личной оригинальности мысль о почитаніи святыхъ Божіихъ иконъ, которое можетъ раскрываться и въ нашихъ уважительныхъ отношеніяхъ къ нашихъ братьямъ и сестрамъ, какъ созданнымъ въ началѣ по образу Божію, а потомъ и возсозданнымъ также по Богу, въ Его живое благодатное подобіе (Еф. IV, 24). Но это мысль древняя, святоотеческая, приводимая именно въ защиту иконопочитанія (см. «Точное изложеніе православной вѣры», Св. Іоанна Дамаскина), только нами, видно, довольно забытая или не довольно имѣющаяся у насъ въ виду, и только потому показавшаяся кое-кому озадачивающею оригинальностью. Это говорю я не просто къ слову, а желая воспользоваться означенною мыслію, какъ очень способною или пригодною къ наглядному выясненію того, о чемъ мы съ вами начали разсуждать. Благоговѣйно взирая на святую икону, мы устремляемся своимъ духомъ собственно къ тому, что или кто изображенъ на иконѣ; и именно въ этомъ послѣднемъ молитвенно ищемъ и мо-

[1]) Это именно въ критическихъ замѣткахъ на мою книгу: «о современныхъ духовныхъ потребностяхъ».

жемъ достигать нужной намъ и просимой нами благодати, хотя такимъ образомъ является святою и досточтимою благоговѣйно и самая икона. Не такъ ли? Теперь разсуждайте. Вотъ внушаю я себѣ и вамъ выдерживать даже до подвига духовнаго воззрѣніе вѣры на смерть почившаго въ Богѣ Наслѣдника, какъ на сообщную и потому запечатлѣнную живою внутреннею сообразностію съ основною и первообразною для вѣрующихъ, по Божіей благодати, Христовою смертію. Что я дѣлаю чрезъ это? Не болѣе, какъ указываю вамъ въ смерти Покойнаго икону или наглядное отображеніе для насъ смерти Господней, въ которой Христосъ Господь оказался жертвою за насъ, духовныхъ мертвецовъ, смертныхъ и физически,—жертвою, безконечно благопріятною предъ Отцемъ и потому сильною привлечь и къ намъ Его милость и любовь, которая подняла бы насъ отъ нашей мертвости и оживотворила бы, прославила бы благовѣрнаго Покойника путемъ самой его смерти. Что же я дѣлаю чрезъ это, спрошу опять? Не болѣе какъ, предъ досточтимою иконою, устремляю себя и васъ къ пеканію и принятію, на вопіющія современныя нужды наши, собственно той благодати смерти Христовой, которая оживила бы и освѣжила бы духовно нашу мертвѣющую мысль и жизнь. Видите, какъ просто и наглядно выясняется и оправдывается для насъ внутренняя, обоснованная во Христѣ, связь «того свѣта» и загробной судьбы покойныхъ съ земнымъ міромъ и движеніями нашей жизни. Мистическихъ мечтаній о недовѣдомомъ, какъ видите, совсѣмъ тутъ нѣтъ, а только прямое приложеніе къ данному случаю общихъ началъ истины Христовой.

Такъ вотъ какъ чтите вы, проговорилъ я, вдумываясь въ слова о. Іоанна,—память Августѣйшаго покойника! Несмотря на раннюю свою смерть, онъ и послѣ нея, по вашему, еще на службѣ Россіи. Да! Для меня получаетъ теперь особенную знаменательность то, что при самомъ еще рожденіи покойнаго Наслѣдника, когда благословенно царствующій нынѣ Отецъ его былъ еще самъ Наслѣдникомъ, глубокомысленный архипастырь Московскій вспомнилъ и поставилъ на видъ всѣхъ великое Божіе обѣтованіе царю и пророку Давиду,—обѣтованіе первоначально и существенно о происхожденіи отъ него по плоти Христа Спасителя и потомъ—объ основанномъ на этомъ царственномъ престолонаслѣдіи, неотъемлемомъ отъ рода Давидова на все продолженіе ѳеократической самостоятельности Божія народа [1]). Московскій первосвятитель освѣщалъ тогда словомъ Божіимъ и представлялъ какъ дѣло Божіе, обоснованное въ самомъ Христѣ,—коренныя начала нашего государственнаго устройства, именно начала преемственно-родоваго у насъ престолонаслѣдія.

— Поймите же, началъ опять говорить мнѣ о. Іоаннъ, что со смертію Покойнаго, только-что кончившаго приспособленное къ великому его назначенію учебное воспитаніе и вступавшаго въ самостоятельную жизнь въ сопутствіи избранной соучастницы его призванія, не толь-

---

[1]) См. слово на сказанный случай, въ изданіи «Словъ и рѣчей Филарета Митрополита Московскаго». Это слово, при всей своей краткости, примѣчательно тою его особенностію отъ всѣхъ словъ этого проповѣдника, что въ основаніе слова онъ беретъ не краткій текстъ, а прочитываетъ значительное отдѣленіе изъ одной исторической св. книги, слѣдуя, какъ онъ объясняетъ, обычаю и чину церкви предлагать чтеніе «паремій» въ праздники.

ко отнято у насъ готовимое для насъ благо, но, можетъ быть, и даруется еще, особенно потребное нынѣ намъ, благо. Это—тихое и сокровенное для міра, но желанное и доступное для воззрѣнія и пріемлемости вѣры обоснованіе нашей мысли и жизни, съ ея порядками, на благодати Христовой за насъ смерти. Впрочемъ, все я опасаюсь, что, пожалуй, самая чрезвычайность и скорбное величіе этого событія, которое мы оплакиваемъ, не закрывали бы отчасти для васъ свѣта той истины, или не отводили бы взоровъ вашихъ отъ этой истины, которую наша вѣра должна отчетливо понять, чтобы по надлежащему и принять соединенную съ этою истиною благодать. По этому я скажу вамъ прямо, что эта истина и благодать, о которой мы съ вами съ вѣрою разсуждаемъ, обща царямъ съ послѣдними ихъ подданными. Да, мой братъ! Когда я вижу умирающаго или погребаю умершаго, хоть бы и самаго бѣднаго въ моемъ приходѣ мужичка, проведшаго всю свою горемычную жизнь за сохою или косою, за рубкою лѣса или извозомъ, отбывавшаго съ такими заботами и трудами свои повинности, столько трепетавшаго исправниковъ или становыхъ; то я точно также, при видѣ его смерти и бренныхъ останковъ, какъ бы при наглядной икопѣ, смотрю духомъ своимъ къ смерти за насъ Господа съ мольбою къ Нему, да, ради этой смерти Своей за насъ, вмѣнитъ усопшему рабочую его жизнь въ работу Самому Себѣ, всѣ его страхи предъ начальствомъ въ трепетное служеніе и послушаніе Своему Отцу, всѣ его подати и повинности за дѣйствія въ Духѣ свободнаго усыновленія Тому, Кѣмъ царіе царствуютъ, и такимъ образомъ да направитъ къ этому именно значенію и характеру всѣ отправленія работъ и по-

винностей крестьянскихъ, дѣйствія и распоряженія ихъ начальниковъ, порядки и ходъ гражданской нашей жизни. Видите и здѣсь, упокоеніе усопшаго и благоустроеніе живыхъ, по Христу и Его благодати, находятся во внутреннемъ живомъ соотношеніи и связи. Если Господь вмѣнитъ, къ упокоенію усопшаго, рабочую и смиренно-покорную его жизнь въ служеніе Себѣ и въ сыновнюю покорность Своему Отцу; то Онъ чрезъ это самое уже простираетъ и на живыхъ такую же благодать, чтобы они, въ своихъ работахъ, работали именно Ему и, въ своемъ смиренномъ благопокорливомъ бытѣ, были какъ дѣти у Его Отца. Также точно, при погребеніи и поминовеніи священника или архіерея, считаю я святымъ долгомъ возвышать свою мысль и сердечное чувство къ единому существенному и вѣчному Іерею и Архіерею, приводящему насъ Самимъ Собою, чрезъ свое самопожертвованіе до крестной смерти, къ своему Отцу; признаю благодатное раскрытіе такого человѣкобиваго священнодѣйствія Его Самаго какъ въ послуженіи до смерти усопшаго, такъ и вообще въ пастырскомъ служеніи живыхъ; и на этомъ основаніи умоляю Господа, да упокоитъ Онъ въ Себѣ усопшаго, Самимъ Собою восполняя недостаточества, немощи и оскудѣнія его въ послуженіи Христовой благодати, приводящей людей къ Отцу. Видите и здѣсь опять: упокоеніе усопшихъ пастырей и непрестающее надъ живыми дѣйствіе приведенія ихъ Христомъ къ Отцу оказываются нераздѣлимы одно отъ другаго [1]). Господь и успокоиваетъ усопшихъ своихъ слу-

[1]) Говоря такъ, мы не сокровенности духовныя разоблачаемъ, а только объясняемъ, какъ вѣрѣ и молитвѣ нашей лучше, успѣшнѣе дѣйствовать и къ упокоенію усопшихъ и къ благонаправленію живыхъ.

жителей не иначе, какъ чрезъ даруемое имъ небесное, покрывающее ихъ грѣхи, созерцаніе и соучастіе Своего непрерывнаго дѣла—приводить вѣрующихъ къ Отцу въ Его любовь и милость. Такъ и погребая или поминая, напримѣръ, ученаго, литератора, мыслителя, мы можемъ послужить упокоенію ихъ въ Господѣ не иначе, какъ своею живою вѣрою признавая и въ ихъ дѣлѣ служеніе [1]) Тому, Кто назвалъ себя истиною (Іоан. XIV, 6), разъясненіе дѣлъ и вседержавныхъ мыслей Того, Кѣмъ. вся быша (тамж. I 3) и въ Комъ-всяческая состоятся (Кол. I, 17), посильное раскрытіе сокровенныхъ въ Немъ всѣхъ сокровищъ премудрости и разума (Тамж. II, 3), доступныхъ и намъ грѣшнымъ ради Его вочеловѣченія и смерти за насъ; а все это есть уже благодать и для живыхъ дѣльцевъ мысли и слова, только бы они ее принимали, разумѣется, разумно и отчетливо, а не отвергали несмысленно.

Я теперь понимаю, батюшка, въ какомъ внутреннемъ соотношеніи и связи стоятъ въ Христѣ и загробная судьба усопшихъ, и земной міръ съ нашими дѣлами. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы, въ этомъ отношеніи, вы поболѣе остановились на мысли о власти и подвластныхъ. Это кстати было бы и по свойству того событія, которое дало намъ поводъ къ настоящей нашей бесѣдѣ: покойный Наслѣдникъ былъ вѣдь человѣкъ власти, или назначенія и призванія къ высочайшей власти. Мнѣ, видите ли, особенно тяжелы нынѣшнія въ нашемъ мірѣ

---

[1]) Служеніе, если не достигавшее еще совершенной правды Христовой, то по крайней мѣрѣ открытое для очистительной и милующей грѣшныхъ благодати Его...

недоразумѣнія между властями и подвластными. Я ужъ не касаюсь заграничныхъ безпорядковъ и колебаній политическаго міра, или такихъ и у насъ явленій, какъ польскій мятежъ. Меня приводятъ въ грустное и даже нетерпѣливое расположеніе такіе опыты и наблюденія мои, что не рѣдко лучшіе, умные, благонастроенные люди самою своею прямотою и энергіею, по дѣламъ общественнымъ, навлекаютъ на себя не то подозрительность, не то недовольство высшихъ, а потому и сами располагаются также не то къ недовѣрію, не то къ недовольству относительно нашихъ общественныхъ заправителей. Тѣ самые, между которыми, во благо службы Государю и отечеству, и слѣдовало бы быть самой тѣсной связи и сочувствію, не рѣдко у насъ разъединяются нравственно. Что еще? Царь, напримѣръ, дѣлаетъ особыя довѣрія подданнымъ своимъ, призываетъ ихъ къ устроенію общаго блага, какъ они сами разсудятъ и найдутъ лучше по извѣстнымъ частямъ. Это у насъ, вопреки самому существу и основаніямъ государственнаго и общественнаго устройства, даетъ поводъ многимъ раздѣлять интересы общества отъ интересовъ правительства. Какъ будто общество, получивъ отъ Государя особыя довѣрія и права, служитъ по этимъ довѣріямъ и правамъ уже не Государю и отечеству; какъ будто и правительство, въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, имѣетъ въ виду не общественное благо. Вотъ если бы Господь далъ намъ отдѣлаться отъ этихъ противологичныхъ и противопатріотическихъ представленій и стремленій! Это было бы великимъ даромъ Его благодати—не правдали?—столько же и въ успокоеніе усопшихъ людей власти и подвластныхъ, сколько въ спасительное благоустроеніе живыхъ.

Вотъ это бы вы хорошенько изъяснили, раскрывая и слѣдя, въ какомъ соотношеніи находятся дѣло и судьба живыхъ съ загробною судьбою тѣхъ, которые предначали и приготовили для насъ нынѣшнее настроеніе умовъ.

— Ваши мысли, отвѣчалъ о. Іоаннъ, наводятъ на новыя стороны обсуждаемаго нами вопроса и предмета. Мы утверждали и разсматривали соотношеніе и связь между загробнымъ міромъ и нашимъ земнымъ, какъ оно обосновывается въ самомъ Христѣ и Его благодати. Вы отъ этого основанія, кажется, идете къ дальнѣйшему разъясненію нашего предмета; вы вызываете къ раскрытію его изъ свойствъ и хода нравственнаго порядка, которому подчинены люди, — также изъ свойствъ и послѣдовательнаго, чрезъ продолженіе времени, развитія духа человѣческаго. По крайней мѣрѣ то, чего вамъ хочется, буду я разъяснять, разсматривая предметъ уже съ новыхъ, сейчасъ означенныхъ мною, сторонъ.

Какъ хотите, и какъ найдете лучше, проговорилъ я, такъ и разсматривайте предметъ. Только не опустите изъ виду особенно того, на что я указалъ.

— Да; — такъ сталъ говорить о. Іоаннъ, — нравственный у насъ порядокъ таковъ, что, дѣйствительно уже наши предшественники, отходящіе или уже отшедшіе отъ насъ, предначинаютъ и приготовляютъ то, надъ чѣмъ намъ приходится ломать свои зубы, что возбуждаетъ, движетъ или затрудняетъ наши умы и дѣятельность. Мы, какъ цѣлымъ поколѣніемъ, такъ и каждый самъ по себѣ, въ своей мысли и жизни, дѣйствуемъ не только для себя и на свое время, но посѣваемъ и въ будущее для слѣдующихъ поколѣній то, что они будутъ развивать, или съ чѣмъ будутъ бороться, чѣмъ будутъ

затрудняться. Въ западно-европейскомъ мірѣ было такъ,— а тоже приражалось и къ намъ, — что, насколько власти правили, не совсѣмъ приникая и входя въ духъ Господа, вседержавствующаго надъ міромъ не просто по всемощной Своей власти, но и любовію, снисшедшею въ міръ столь безмѣрно, и выжегшею, такъ сказать, на Себѣ самую грѣховную его мятежность,—то это приготовляло и вызывало глубоко-протестующія противъ себя движенія; насколько подвластные допускали въ себѣ такія противныя же Христову терпѣнію движенія, сначала глубоко же сокровенныя, а потомъ болѣе и болѣе обнаруживающіяся,—то это должно было рано или поздно раскрыться въ слѣдующихъ поколѣніяхъ съ ужасающею и неудержимою почти силою. Что же изъ этого слѣдуетъ по отношенію къ нашему предмету? Не что другое, какъ самое внутреннее и неослабимое соотношеніе между состояніемъ и движеніями живыхъ и состояніемъ и судьбою отшедшихъ въ другой міръ. Какъ войдутъ въ покоій Божій (Евр. IV, 10) тѣ усопшіе, противъ которыхъ идетъ къ Богу шумъ безпокойнаго недовольства и безпорядковъ нынѣшнихъ, ими еще посѣянныхъ и заготовленныхъ для настоящаго поколѣнія? Современное поколѣніе только дополняетъ мѣру отцевъ своихъ (Мат. XXIII, 32), такъ что эти послѣдніе оказываются еще дѣйствующими духовно въ первомъ: — въ современномъ поколѣніи растетъ и созрѣваетъ нравственный плодъ и духъ отцевъ его. Очевидно, что подобные отцы, въ мірѣ загробномъ имѣютъ страшныя препятствія къ успокоенію своему, и это именно по продолжающемуся дѣйствію худаго настроенія и духа ихъ—въ состояніи и жизни послѣдующихъ поколѣній. Успокоилъ

бы Господь у себя, покрайней мѣрѣ, души къ тому воспріимчивыя, слѣдовавшія въ своей мысли и жизни другимъ началамъ, открывавшія себя Христову духу и настроенію на проходимомъ ими земномъ поприщѣ власти или подвластности. Но онѣ видятъ или ощущаютъ въ Богѣ, что духъ ихъ не находитъ или недовольно находитъ соотвѣтственныхъ ему наслѣдниковъ въ насъ,—что нравственное добро ихъ болѣе тѣснится и подавляется противоборными ему направленіями, нежели находитъ себѣ сочувствіе въ насъ, — какъ то было болѣе или менѣе въ самой ихъ жизни часто до самой ихъ смерти. И вотъ духъ ихъ до глубины возмущается въ чувствѣ неудовлетворенной и неувѣнчанной любви ихъ къ добру и человѣчеству, такъ что и онѣ, эти лучшія души, какъ чуждыя еще покоя, вопіютъ слышно для открытаго духовнаго слуха (Апок. VI, 10) ко Вседержителю: доколѣ, Владыко святый и истинный, не судиши и не мстиши крови нашей отъ живущихъ на земли? Видите, что, и по естественному ходу и неотразимой силѣ нравственнаго порядка, которому мы подчинены, неразрывно и внутренно связанъ загробный міръ съ нашимъ земнымъ. Тоже видно и по свойству самаго духа человѣческаго. Молимъ мы: упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ. Но скажите, можно ли, свойственно ли духу усопшихъ отцевъ и братій нашихъ успокоиться въ Господѣ, когда мы ихъ дѣти, ихъ братья и сестры, въ мысли и жизни нашей дѣйствуемъ все почти помимо Господа или не въ Его святомъ человѣколюбивомъ духѣ, соблазняясь даже иногда послѣднимъ? Вотъ, по Евангелію Христову, даже духъ богача немилосердаго, сый въ мукахъ, и притомъ такихъ, что для него

желанною и однако недоступною отрадой было бы хоть одно чувственное прикосновеніе къ нему омоченнымъ пальцемъ, или что нибудь подобное тому въ порядкѣ и образѣ загробной жизни, озабочивается судьбою своихъ еще живущихъ братьевъ: — жалобно умоляетъ Авраама послать къ нимъ Лазаря съ «предостереженіемъ, чтобы и они (путемъ своей жизни и мысли, конечно) не пришли по то же мѣсто мученія» (Лук. XVI, 27—30). Положимъ, что жестокосердая душа богача умоляла объ этомъ отчасти и по мрачному движенію зависти къ радостной судьбѣ Лазаря и безчеловѣчнаго желанія ему продолженія земныхъ его озлобленій, — какъ съ глубокою духовною проницательностію замѣчаетъ св. Златоустъ (въ толкованіи этого мѣста). Но, судя по отвѣту Авраамову прямо на его мольбу, никакъ нельзя вовсе отрицать въ богачѣ немилосердомъ и дѣйствительнаго безпокойства его за своихъ братьевъ. Что же сказать теперь о душахъ добрыхъ, любящихъ, всегда и на землѣ бывшихъ въ озабоченности судьбою своихъ возлюбленныхъ?! Но Господь силенъ ихъ успокоить и утѣшить? Всеконечно такъ. Только все же надобно помнить существенное свойство духа человѣческаго— принимать къ сердцу судьбу своихъ близкихъ и дорогихъ, свойство, которое, какъ и другія стороны духа человѣческаго, въ загробной жизни раскроется въ такой полнотѣ и силѣ, какъ плодъ изъ зерна нынѣшнихъ свойствъ и расположеній человѣческихъ. Евангеліе повѣствуетъ еще, что, въ минуту смерти Христовой, «многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли, и вышедши изъ гробовъ, по воскресеніи Его, вошли во святый градъ и явились многимъ» (Мат. XXVIII, 52.

53). Спрашивается: что привлекло этихъ воскресшихъ святыхъ (говорю о собственномъ ихъ движеніи духовномъ) во святый градъ и побудило явиться въ немъ многимъ? Не глубокое ли участіе къ бѣдному городу, не узнавшему своего и всемірнаго Избавителя Христа? Не стремленіе ли вошедшихъ въ радость Христова воскресенія отцевъ подѣлиться этою радостію, по возможности, и съ своими живыми дѣтьми? Такъ можетъ быть сочувственно состояніе отшедшихъ въ другую жизнь состоянію еще живущихъ. И такимъ образомъ какъ мы живущіе можемъ самою своею судьбою и дѣятельностію способствовать или препятствовать успокоенію усопшихъ, такъ и они, съ своей стороны, своимъ состояніемъ и движеніями, во свѣтѣ лица Божія, заботливо соучаствуютъ въ нашей судьбѣ. И вотъ оба міра, загробный и нашъ земной, находятся во взаимной связи и живомъ соотношеніи между собою.

Но все, сказанное вами теперь, проговорилъ я опять грустно,—только обезпокоиваетъ и озабочиваетъ сердце не только за себя, за живыхъ, за нашу современность, но и за состояніе покойниковъ, которое, право, мы только почти тревожимъ.

— Да къ чему же я вамъ все это и говорю? возразилъ мнѣ о. Іоаннъ.—Если кому, по беззаботности своей, не жалко себя; то вспомнилъ бы онъ своего отца, мать, брата, друга, которыхъ, и за гробомъ ихъ, онъ столько тревожитъ своею безпорядочностію и безпечностію. Если кто, изъ ревности противъ безпорядковъ и заблужденія живыхъ, не хочетъ войдти въ духъ Христова человѣколюбія и самопожертвованія за грѣшныхъ; то вошелъ бы онъ своимъ христіанскимъ участіемъ хоть

въ положеніе и загробную судьбу умершихъ, и чрезъ это открылъ бы свою душу для Христова человѣколюбія. Если онъ не трогается муками и терзаніями заблуждавшихъ здѣсь; то хотя бы добрымъ, человѣколюбивымъ душамъ поспособствовалъ войдти совершеннѣе въ покой Божій, унаслѣдовавъ себѣ человѣколюбивую и святую ихъ доброту и чрезъ это показавъ имъ, къ ихъ успокоенію, совершающееся еще въ мірѣ «дополненіе числа ихъ сотрудниковъ и братьевъ» (Апок. VI, 11). Вотъ вы говорили мнѣ, что покойный Государь Наслѣдникъ все лучшее и въ иностранцахъ считалъ какъ бы русскимъ, живо ощущая, конечно, что намъ Русскимъ дано всемірное сокровище православія, сродное всему лучшему и въ неправославныхъ иностранцахъ, долженствующее нами быть раскрытымъ и переданнымъ — и всюду за границею. Чтожъ, если предъ нимъ въ Богѣ, въ Которомъ онъ почилъ, открылось во всей безобразной поразительности то, что мы, Русскіе, даемъ у себя широкое мѣсто и всему худшему заграничному, духу всякаго, даже языческаго, неправомыслія и разнузданности съ одной стороны, духу даже іудейской жесткости и упрямства съ другой?... Боже мой, Боже мой!... Неужели и онъ не возбудитъ въ насъ того сочувствія къ себѣ, чтобы намъ перестать смущать покой его всѣмъ вышесказаннымъ? Неужели этотъ царственный Юноша, отшедшій отъ ожидавшаго его на землѣ жребія высочайшей власти къ созерцанію и (да даруетъ это ради Себя Самого Господь!) общенію небесной славы и власти самаго Господа нашего, власти въ духѣ самопожертвованія Его и за мятежныхъ подвластныхъ, въ духѣ покорнаго и терпѣливаго Его послуша-

нія Отцу до крестной смерти, — неужели не найдетъ себѣ достаточнаго соотвѣтствія и соучастія въ этомъ для твердаго и отчетливо-сознательнаго обоснованія власти въ самомъ Христѣ и Его духѣ, не только у насъ, но даже и за границею, гдѣ не даромъ суждено ему испустить духъ свой, гдѣ уже найденъ былъ имъ и оставленъ завѣтный залогъ? Вѣрусмъ, Господи, помози нашему невѣрію! — Но обратимся къ истинѣ всеобщей. Будемъ не только далеки отъ того, чтобы тревожить покой добрыхъ и благовѣрныхъ усопшихъ чрезъ несоотвѣтствіе наше ихъ духу и добру; но напротивъ, пресѣкая и низлагая всякую мѣру злыхъ и неправыхъ направленій, начатыхъ еще издревле людьми худыми, станемъ чрезъ это содѣйствовать къ очищенію и упокоенію и этихъ послѣднихъ животворящимъ духомъ Христа, единаго человѣколюбца. Онъ вѣдь и во адъ сходилъ даже до тѣхъ его глубинъ, по прямому свидѣтельству объ этомъ слова Божія (I Петр. III, 19. 20), гдѣ заключены допотопные нечестивцы, знать не хотѣвшіе Бога, еще едвали не при открытомъ видѣ самаго эдема или Божія рая сладостей, заключеннаго для людей, но не скрытаго по ихъ изгнаніи изъ него. Мы объ этомъ говорили съ вами, кажется, недавно [1]). Только будемъ твердо помнить, что, какъ ни щедра и дѣйственна благодать Христова, она безъ насъ, безъ нашей живой и дѣятельной вѣры, не сдѣлаетъ ничего и для насъ самихъ, а не только-что для усопшихъ, каковы бы ни были наши безплодныя желанія этого.

---

[1]) См. въ предыдущемъ разговорѣ.

Я охотно съ этимъ согласился. Но внутренно обдумывая все, говоренное о. Іоанномъ, я не могъ не придти къ такой мысли, что связь и соотношеніе между загробнымъ и земнымъ мірами, глубоко обоснованная въ самомъ Христѣ, требуемыя и оправдываемыя и нравственнымъ порядкомъ и свойствомъ самаго духа человѣческаго, должны въ чемъ-нибудь выражаться и физически, или въ самомъ ходѣ всеобщаго бытія, въ самомъ порядкѣ естества сущихъ, въ природѣ существъ и вещей. Въ интересѣ истины, я высказалъ эту мысль о. Іоанну. О. Іоаннъ мнѣ отвѣчалъ:

— Мы съ вами ужъ говорили [1]), что отношеніе нашего бытія въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей къ бытію и порядку загробному подобно отношенію бытія младенца въ утробѣ матерней къ бытію человѣка на этомъ бѣломъ свѣтѣ. Поэтому намъ не слѣдуетъ и даже странно, неразумно имѣть притязаніе и стремленіе любопытства дознать съ наглядною ясностію и точностію порядокъ загробнаго міра и образъ бытія въ немъ, а потому и соотношеніе его съ земнымъ міромъ и физическимъ его порядкомъ. Дозволимъ себѣ разсуждать объ этомъ, дѣйствительно, только въ одномъ интересѣ,—чтобы сколько возможно болѣе отчетливо разумѣть спасительную истину и глубже воспринимать благодать, чтобы сколько возможно разностороннѣе проводить во всемъ ихъ свѣтъ и животворность.

Да, не иначе, какъ именно въ этомъ великомъ интересѣ, отозвался я.

— Начнемъ съ того, продолжалъ о. Іоаннъ, — чтобы, какъ въ области физіологіи и психологіи мы не дозво-

[1]) См. предъид. разговоръ.

ляемъ произволу нѣкоторыхъ мыслителей смѣшивать порядокъ матеріальности съ порядкомъ духа, такъ недозволять подобнаго же и себѣ самимъ въ представленіяхъ загробной области чистой духовности (дающей мѣсто и для тѣлесности, только уже одухотворенной, см. 1 Кор. XV, 44) и видимой области здѣшняго міра. Чувственныя представленія о порядкѣ въ первой области, снятыя съ порядка послѣдней, столько же не годятся, сколько не годится о существѣ нашей мысли и душевныхъ движеній судить, не болѣе какъ о протяженіи тѣла и о физическихъ его отправленіяхъ. Духъ нашъ находится во внутреннѣйшей связи и живѣйшемъ соотношеніи съ нашимъ тѣломъ, открываясь и дѣйствуя высшими своими сторонами въ высшихъ и благороднѣйшихъ органахъ тѣла, (какъ мыслію въ головѣ, расположеніями въ сердцѣ), а низшими (напримѣръ, безсознательно темными движеніями и самоощущеніемъ жизни)—и во всѣхъ остальныхъ; самъ однако жь остается чуждымъ чувственнаго протяженія и вещественной сложности, живя духовнымъ порядкомъ самосознанія мысли, нравственныхъ движеній и расположеній. Есть нѣкоторая аналогія или сообразность этому малому міру и въ великомъ всемірномъ составѣ. Такъ міръ мысленный и духовный, имѣющій раскрыться для насъ уже въ загробной жизни, находится въ непремѣнной связи и соотношеніи съ видимымъ земнымъ міромъ, открываясь высшею и свѣтлою своею стороною для земли и живущихъ на ней—какъ именно съ горней надъ нею области (почему и Самъ Господь возводилъ очи Свои горѣ, въ молитвенныхъ возношеніяхъ къ Небу, см. Іоан. XVII,1), а низшею и темною стороною въ преисподней (или въ дольнѣйшихъ странахъ земли, по выраженію апо-

стола, Ефес. IV, 9); самъ однако по себѣ этотъ міръ, въ небесной и преисподней областяхъ, существуетъ и живетъ порядкомъ, соотвѣтственнымъ внутреннему въ человѣкѣ міру, порядкомъ мысли, любви или злобы, нравственнаго добра или зла, имѣя въ себѣ какъ бы многія и разныя обители свѣта или затворы тьмы, многія и разнообразныя духовныя состоянія душъ и духовъ[1]). Одинъ изъ св. отцевъ, именно св. Григорій нисскій, братъ Василія Великаго, идетъ еще дальше. У него есть такое разсужденіе [2]), что, какъ въ живомъ человѣкѣ, духу просто и естественно, при своей духовной несложности, объимать и проницать всю сложность тѣла, такъ, и по разрѣшеніи отъ тѣла и при разложеніи послѣдняго, нашему духу, по его природѣ, столько же удобно и просто быть въ сокровенномъ соотношеніи со всею разложившеюся сложностію своего тѣла, пребывая въ той или другой обители духовнаго міра. Изъ этой святоотеческой мысли значительно раскрывается глубина апостольскаго сравненія умершаго и предающагося тлѣнію тѣла человѣческаго съ всѣваемымъ въ землю зерномъ или сѣменемъ, которое, разлагаясь или истлѣвая, чрезъ это начинаетъ свое прозя-

[1]) Такихъ состояній 3 книга Ездры (въ той главѣ, которая сохранилась только въ ефіопск. и арабск. переводахъ и засвидѣтельствована въ своей подлинности св. Амвросіемъ Медіол.) насчитываетъ по семи въ обѣихъ областяхъ—свѣта и тьмы. Можно примѣчать, по грубокому и и всестороннему соотвѣтствію 3 кн. Ездры съ Апокалипсисомъ (см. мои «Изслѣдованія» о первой книгѣ и третью и четвертую статьи въ кн. «Печаль и радость»), что седмиричное число этихъ состояній соотвѣтственны такому же числу совершающихся въ мірѣ Божіихъ судовъ, троекратно представляющемуся въ Апокалипсисѣ (гл. VI, VIII и сл. XVI). Такъ и порядокъ распредѣляемыхъ за гробомъ жребіевъ находится въ соотношеніи и связи съ порядкомъ земныхъ судебъ.

[2]) Въ разговорѣ его съ сестрою св. Макриною.

бенiе или свою растительную жизнь (1 Кор. XV, 35—38). Да! Представьте себѣ, что мертвое наше тѣло истлѣвая разлагается на свои составныя части, изъ которыхъ однѣ улетучиваются въ воздухъ, другія тяготѣютъ въ земныя глыбы, входятъ въ растенія, въ составъ животныхъ, проходятъ по разнообразнымъ случайностямъ сквозь и огонь и воду, и проч. и проч. Представьте при томъ, что все это совершается не иначе, какъ въ сокровенномъ соотношеніи и сочувствіи тому самой души, или воспроизводящей въ своемъ сознаніи, по поводу видоизмѣненій истлѣвающаго или истлѣвшаго своего тѣла, бывшія низпаденія свои въ земной жизни до мертвой инерціи вещества, до безсловесной животности, до какого-то бездушнаго прозябанія, до всевозможной слитности и сплетеній со всякими чуждыми ей элементами жизни, или напротивъ сознающей и чувствующей многообразное на себѣ и своемъ тѣлѣ осѣненіе благодати, открытой и простирающейся на человѣка и прямо и чрезъ разнообразныя отраженія во всѣхъ царствахъ природы, во всѣхъ его къ нимъ отношеніяхъ. Не выясняется ли чрезъ все это предъ вами, какъ и преданное тлѣнію тѣло человѣческое, при соотношеніи и сочувствіи самой души къ его видоизмѣненіямъ въ состояніи разложенія, постепенно прозябаетъ для будущей своей духовности, существенно не терпя ничего отъ своихъ матеріальныхъ видоизмѣненій, какъ при томъ и душа постепенно созрѣваетъ для самосознанія, свойственнаго радостямъ или мукамъ уже вѣчной своей жизни въ новомъ союзѣ съ своимъ тѣломъ?... По этому-то я увѣренъ, что изученіе нами всѣхъ царствъ природы, какъ необъятной сокровищницы выраженныхъ и осуществленныхъ въ

ихъ творческихъ мыслей Христа Бога Слова, назначенныхъ именно къ сознанію и усвоенію ихъ человѣкомъ въ собственный его внутренній міръ, служило бы, такъ сказать, къ духовному воздѣланію и орошенію этаго великаго разсадника, въ которомъ всѣяно и сокровенно прозябаетъ для будущей жизни неисчислимое множество человѣческихъ тѣлъ. Безчувственныя порошинки того или другаго изъ этихъ тѣлъ, разносимыя по всѣмъ царствамъ природы, при нашемъ изученіи въ послѣднихъ творческой премудрости и любви Христа Бога Слова, вводились бы подъ благодатное осѣненіе этой любви и премудрости Христовой, и это слышала бы, этому сочувствовала бы самая душа, имѣющая духовное соотношеніе къ своему тѣлу. Всему этому должно рано или поздно послужить наше просвѣщеніе или наука.

Итакъ что же вообще сказать о связи и соотношеніи между міромъ загробнымъ и нашимъ земнымъ? — спросилъ я.

— То, отвѣчалъ о. Іоаннъ, что высказано въ одной библейской книгѣ. Именно: при постепенномъ развитіи въ земномъ мірѣ какъ пшеницы истины и добра, такъ и плевелъ лжи и зла, постепенно же для рѣшительнаго жребія вѣчной жизни созрѣваютъ въ загробномъ мірѣ, какъ плодъ въ матерней утробѣ, и души усопшихъ, такъ что, съ жатвою первыхъ, неминуемо разрѣшится утроба загробнаго міра и послѣдними, при соотвѣтствіи всему этому и физическаго міра (см. 3 кн. Ездры гл. IV, 28 — 49). Такъ и послѣдуютъ наконецъ всеобщее воскресеніе, всемірный судъ и рѣшительное на вѣки преобразованіе всего міра, — къ чему, во внутреннемъ

соотношеніи и связи между собою, идутъ строго соразмѣреннымъ и дружнымъ ходомъ міръ загробный и міръ земной, даже физическій. Вѣра во Христа, живая и одушевляемая человѣколюбивымъ Его духомъ, дѣлающая насъ живыми членами живаго Христова тѣла церкви, чрезъ соучастіе и пособіе загробной судьбѣ усопшихъ благоустроительно вліяетъ и на состояніе живыхъ: равно, благоустрояя во Христѣ жизнь и мысль, а чрезъ то и судьбу, живущихъ, она чрезъ это служитъ и къ упокоенію отшедшихъ изъ нашего міра, но не выходящихъ изъ связи съ непрерывающимся ходомъ его жизни, мыслительности и судебъ; изучая и разслѣдуя въ самомъ физическомъ мірѣ сокровенныя во Христѣ же сокровища премудрости и разума, вѣра и чрезъ это споспѣшествуетъ нераздѣльно благу живыхъ и покою во Христѣ усопшихъ. Вотъ сущность всего, о чемъ мы съ вами разсуждали, подъ руководительной (скажу такъ) инціативой почившаго въ Бозѣ Цесаревича Наслѣдника Николая Александровича.

РАЗГОВОРЪ

о содѣйствіи упокоенію усопшихъ нашею жизнію и дѣятельностію, располагаемою въ надлежащемъ порядкѣ Христовой благодати.

Однажды при мнѣ случилось быть у о. Іоанна одному господину, лишившемуся недавно своей любимой жены, оставившей его съ нѣсколькими малолѣтними дѣть-

ми. Естественно, что онъ очень грустилъ о своей потерѣ; я и еще кто-то изъ простыхъ прихожанъ о. Іоанна, толковый крестьянинъ, примѣтно знавшій и сердечно уважавшій доброту упомянутаго господина, молчаливо соскорбѣли глубокой его печали. О. Іоаннъ, замѣтно, о чемъ-то думалъ въ своей духовной тишинѣ; супруга его привѣтливо угощала насъ чаемъ. Я, по многократнымъ уже опытамъ моимъ у о. Іоанна въ подобныхъ случаяхъ, ждалъ другаго угощенія—словомъ его, которое всегда было какъ угостительная пища и питье для моей души. О. Іоаннъ не очень долго заставилъ ждать своего нравственнаго гостепріимства.

— Въ вашемъ лишеніи и сердечной скорби, — началъ онъ говорить, обращаясь къ потерпѣвшему тяжелую утрату господину, — на меня особенно сильно и трогательно дѣйствуетъ то, что въ нихъ, въ вашей скорби и потерѣ, какъ въ чистомъ зеркалѣ отражается, — знаете ли, что?—то, каково сердцу нашего Господа отъ потери нашихъ душъ, этихъ Его невѣстъ, сопряженныхъ уже съ Нимъ внутренно еще въ крещеніи, соединяющихся уже съ Нимъ въ другихъ святыхъ таинствахъ, особенно въ причащеніи самого Его тѣла и крови, — душъ безчисленныхъ, погибающихъ въ своей безпечности, порокахъ и заблужденіяхъ. Отражается въ вашей скорби и сиротствѣ отъ матери малолѣтнихъ дѣтей вашихъ то, каково духу Человѣколюбца и Спасителя нашего отъ лишенія даже цѣлыхъ церквей или многихъ и великихъ народовъ, бывшихъ въ чистомъ и святомъ союзѣ съ Нимъ, въ союзѣ православія, или въ свободотворныхъ узахъ чистой Его истины и несвязуемой ихъ неправомысліемъ благодати, но ужь

много вѣковъ пораженныхъ и убиваемыхъ неправославіемъ и происшедшими отъ того всевозможными заблужденіями, каково Ему отъ сиротства и отдаленія отъ единой истинной матери—церкви православной столькихъ дѣтей западнаго христіанства. Нашему Господу, «не отъ сердца», какъ говоритъ сѣтующій пророкъ (Плач. Іерем.), посылающему и внѣшнія бѣдствія и скорби людямъ, — не можетъ не быть больно (скажу такъ попросту) и отъ того, что и вѣрный его православію Востокъ уже нѣсколько столѣтій лишенъ самостоятельной въ своемъ христіанскомъ гражданствѣ жизни и, во многихъ отношеніяхъ, терпитъ смертельныя озлобленія отъ невѣрныхъ. Ко всему этому мы слишкомъ безчувственны и невнимательны. И вотъ человѣколюбивый Господь избираетъ людей, подобныхъ вамъ, съ которыми, такъ сказать, и дѣлится, сколько они вмѣщаютъ, Своею чашею, — давая имъ, значитъ—и вамъ, хоть на чуточную росиночку попробовать, каково Его человѣколюбію ото всѣхъ Его лишеній въ насъ и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Подумайте, что это вамъ — великая, драгоцѣнная для благородной души, благодать, дающая вамъ не только твердо вѣровать во Христа, но и страдать (Филип. I, 29.) въ общеніи Его страданій и скорбей, единожды понесенныхъ Имъ на землѣ и сосредоточенныхъ въ Его крестѣ, духъ которыхъ однако непрерывно раскрывается и дѣйствуетъ у Него относительно насъ до скончанія міра и открытія вѣчности. Скорбя о своей потерѣ и о сиротствующихъ безъ матери дѣтяхъ, не забывайте, не отвергайте, а знайте, помните и усвояйте себѣ и Христову въ этомъ благодать, которая

сама даетъ вамъ вкусить своей ободрительной жизненности и даже сладости.

Слушая эти слова, мы встрепенулись; даже мужичекъ поднялъ бодро голову, хотя, можетъ быть, болѣе чувствовалъ, нежели понималъ со всею отчетливостію слышанное. Онъ первый отозвался на слова о. Іоанна съ простодушіемъ:

Оно въ-за-правду такъ, батюшка, что далъ бы намъ Господь, окаяннымъ грѣшникамъ, въ земномъ вѣку пострадать за свои грѣхи; за то больше будетъ отрады на томъ свѣтѣ.

— Да, онъ правду сказалъ, замѣтилъ о. Іоанну господинъ. Куда намъ до доблестей вѣры праведниковъ и до великой къ нимъ благодати Божіей? Мы, дѣйствительно, окаянные грѣшники, батюшка! Далъ бы Христосъ хоть сколько нибудь искупить свои грѣхи сердечными страданіями и скорбями жизни; и этаго съ насъ довольно, предовольно.

— Но я, возразилъ о. Іоаннъ, все-таки не беру своихъ словъ назадъ и не думаю ни мало ослаблять ихъ силы. Искупить свои грѣхи? Подобныя слова, признаюсь вамъ, меня просто огорчаютъ, хотя ихъ говорятъ и въ благочестивомъ и смиренномъ духѣ. Подумайте еще, возможенъ ли намъ выкупъ нашихъ грѣховъ? Сколько бы мы ни страдали, не то-что въ этой жизни, но и вѣки безконечные въ будущей; эти страданія не искупили бы и не искупятъ насъ отъ нашихъ грѣховъ, это была бы только достойная за нихъ расплата безконечно-виноватымъ мятежникамъ противъ безконечнаго величія и права надъ нами Вседержителя. Одинъ Искупитель нашъ

отъ всѣхъ грѣховъ и слѣдующихъ за ними наказательныхъ или карательныхъ страданій — Самъ Христосъ Господь нашъ, всеправедный всевозлюбленный Отцу, безконечный по величію, но пострадавшій за насъ до ощущенія оставленія самимъ Отцемъ, какъ будто виноватый нашею безконечною виновностію. Искупать самимъ свои грѣхи? Да вѣдь это, строго разсуждая, значитъ отвергать благодать Христова искупленія насъ отъ грѣховъ; это, при кажущейся смиренности, значитъ, въ существѣ дѣла, непростительно гордиться значеніемъ своихъ страданій, какъ будто какою искупительною предъ Богомъ цѣною, тогда какъ на самомъ дѣлѣ значеніе такой цѣны принадлежитъ только пролитой за насъ крови Богочеловѣка, единаго нашего Искупителя. Я говорю, извините меня, слишкомъ рѣзко; потому что меня доводитъ до нетерпѣнія такая наша неблагодарность къ благодати Искупителя нашего, такая наша, извините, тупость, что мы предпочитаемъ много, много, какъ рабскую подъяремную по духу терпѣливость сыновне-свободному, доблестному не по нашей доблести, а по благодати Христовой, терпѣнію въ соучастіи Христова страдальческаго терпѣнія, служащимъ и къ очищенію нашихъ грѣховъ Христовою благодатію и къ усвоенію нами положительной Христовой правды, совмѣщающей въ себѣ все «истинное, честное, справедливое, чистое, любезное, достославное, что только составляетъ добродѣтель и похвалу» (Фил. IV, 8), или доблесть. Вы понимаете меня?

— Да, примѣромъ будучи, снова проговорилъ простодушный крестьянинъ, взявшій уже въ толкъ горячія слова о. Іоанна, — я былъ бы должонъ несмѣтной сум-

мой; а мнѣ велятъ только протянуть руку за квитанціей, примѣрно, въ уплатѣ моего долга, — значитъ—это немножко пострадать на здѣшнемъ вѣку и эфтимъ, то есть, — какъ бишь это? ухватиться за Христовъ то есть крестъ. за святыя Его страданія, за насъ окаянныхъ; а я молъ нѣтъ, я самъ давай страдать за свои прегрѣшенія своими грѣшными страданіями, я молъ расплачусь своей фальшивой ассигнаціей, не нужно молъ мнѣ одолжаться Христомъ, нашимъ Батюшкою, Іисусомъ сладчайшимъ, не хочу молъ себѣ такого почитанія и ублаготворенія...

О. Іоаннъ радостно смотрѣлъ на своего прихожанина, видно давно ужь разбуженнаго имъ въ своемъ русскомъ здравомъ смыслѣ и православномъ толкѣ, и потомъ продолжалъ:

— Мы грѣшники окаянные? Всеконечно такъ. Да развѣ благодать дается по заслугамъ? Мы—грѣшные; но благодать, при вступленіи нашемъ въ бракъ, сама же отобразила въ брачномъ нашемъ союзѣ союзъ Христа съ церковію, этотъ союзъ, по которому Господь, воспринявъ однажды на Себя грѣхи и бѣды, скорби Своей невѣсты, Своей Агничей жены, по писанію (Апок. XXI, 9. XIX, 7), въ такомъ же духѣ относительно ея и всегда остается, а она только этимъ и живетъ, хотя бы проходила иногда въ своихъ испытаніяхъ и сѣнь смертную. И такъ чтожь? Мужу при смерти своей жены и свойственно и надлежитъ, по самой благодати брачнаго съ нею союза, сознавать и чувствовать въ своей потерѣ и скорби отображеніе, отсвѣтъ Христовыхъ Скорбей за Свою церковь, за безчисленныя потери этой Его невѣсты—человѣческой души. Не правдали?—скажите.

— Оно бы такъ, отвѣчалъ грустно господинъ, такъ бы должно быть, если бы мы, и провождая жизнь въ брачномъ союзѣ, помнили бы и думали бы о такой благодати супружества, сознавали бы и чувствовали бы ее на себѣ, наслаждались бы и дорожили бы именно тою Божіею великою благодатію, а не просто только радостями и утѣшеніями своей супружеской жизни. Но вѣдь мы... покойная моя жена была доброю и вѣрующею женщиною, но не знаю, много ли она думала и располагала собою и своею жизнію, домомъ, семействомъ, какъ носящая въ себѣ образъ Христовой церкви—матери дѣтей Божіихъ. Я, право чуть не впервые вдумываюсь во все это. Такъ по этому-то, какъ-то несмѣло и боязно и ужь какъ будто и поздно браться за такія мысли и расположенія.

— Совѣсть значитъ претитъ, замѣтилъ про себя крестьянинъ, — въ иной разъ, грѣшно дѣло, послѣ похмѣлья, примѣромъ, совѣстно бываетъ Господу Богу молиться. Право слово, батюшка!

Всѣ улыбнулись а нашъ господинъ проговорилъ:

Я опять скажу, что онъ говоритъ правду: лучше и нагляднѣе этого не выскажешь того, о чемъ я думалъ.

— Да хоть бы и такъ, — возразилъ о. Іоаннъ, — не употреблявши, какъ слѣдовало бы, сокровища, когда оно было въ рукахъ, не поздно оцѣнить его, по крайнѣй мѣрѣ, тогда, какъ оно взято у насъ. Вѣдь надобно же намъ озаботиться и тѣмъ, чтобы и для себя, и особенно въ упокоеніи усопшей, благодатно покрыть и вознаградить духовныя несостоятельности супружеской жизни. Вѣдь съ нея опѣ неизбѣжно взыскиваются, какъ и съ васъ взыщутся непремѣнно же, если не будутъ загла-

жены. Путь къ этому для васъ и открывается прежде всего въ самой вашей потерѣ и скорби о ней; несите этотъ крестъ, послѣдуя Христу и въ соучастіи Его крестоношенія. Именно, по самому поводу преслѣдующей васъ теперь печали, старайтесь входить въ такія думы и расположенія, какъ бы вы приникали къ тайнѣ любви Господней къ церкви и нашимъ душамъ, снѣдаемой ощущеніемъ потери многихъ, многихъ душъ, озлобленія и опустошенія церкви во многихъ, многихъ отношеніяхъ. Каждой вашъ тяжелый вздохъ по покойной да наводитъ вашу мысль и сердце на сочувствіе непзглаголанпымъ воздыханіямъ Духа Христова за христіанскій и человѣческій родъ, проходящій тяжолыя духовныя и внѣшнія испытанія и потрясенія. Изливая свою скорбь и тоску предъ Господомъ, умоляйте Его собственною Его любовію къ церкви, чтобы Онъ остановилъ и прекратилъ вредныя для нея направленія, чтобы Онъ подвигъ умы и событія къ ниспроверженію многовѣковыхъ—духовно-нравственнаго на западѣ и внѣшне-гражданскаго на востокѣ,—преобладанія надъ христіанствомъ, изобличалъ и упразднялъ Своимъ Духомъ заблужденія, суевѣрія, невѣріе умственное и практическое, столько усилившееся въ мірѣ христіанскомъ, духовную безпечность и мертвое усыпленіе. Сѣтуя и безпокоясь за своихъ безматернихъ сиротъ, молитесь Отцу небесному именемъ Сына Его, до смерти возлюбившаго людей для усыновленія ихъ Отцу, чтобы Онъ далъ миръ и единеніе Христову тѣлу церкви и ея членамъ Духомъ общей всѣмъ Своей любви, что бы Онъ далъ мысли и жизни христіанъ идти по Сыну Его Христу, знанію—узнать истину всего во Христѣ, а вѣрѣ—входить въ человѣко-

любивый, сыновне-свободный и сыновне-покорный Его духъ. Когда вы такимъ или подобнымъ образомъ будете настроивать скорбь своей разлуки съ умершею супругою; то благодать отображенія въ васъ Христова союза съ церковію, осѣнявшая всегда ваше супружество и супружескую жизнь, но не довольно бывшая въ вашемъ вниманіи, будетъ удовлетворена вами и покроетъ собою прежнія предъ нею несостоятельности и немощи ваши и покойной супруги вашей. Господь за ваше сочувствіе любви Его къ церкви упокоитъ и возлюбленную вамъ душу вашей жены и разтворитъ вашу скорбь своими утѣшеніями, ваши заботы о дѣтяхъ—своими свышематерними попеченіями; да и самую мать дастъ имъ въ своей благой Матери, всѣхъ скорбящихъ радости и сиротствующихъ прибѣжищѣ. Но это только начало для васъ, положивъ которое по немногу устроите и расположите въ порядкѣ благодати и всю вашу жизнь и дѣятельность—какъ въ свое спасеніе, такъ и въ глубочайшее упокоеніе усопшей.

— Вы, батюшка, ладно, по сердцу толкуете ихъ милости на счетъ то есть ихъ супружницы, царство ей небесное! Барыня была добрая, христіанская. Но вотъ у меня сестра-то Марья больно убивается по мужѣ,—хорошъ былъ человѣкъ. Да и я самъ все словно такъ и вижу, то есть, предъ собою своего-то Васю; вѣдь онъ, знаешь, былъ одинъ у меня сынокъ-то; больно сердцу объ немъ. Какъ намъ-то быть въ ефтихъ случаяхъ?

— Да точно также, братъ Григорій Ивановичъ, отвѣтилъ ему о. Іоаннъ. Твоему родительскому сердцу больно, что ты лишился своею Васи, сынка отъ твоей плоти и крови. Ну вотъ и подумай и почувствуй по своему

сердцу, каково-то сердцу нашего Спасителя, когда члены собственнаго благодатнаго Его тѣла, дѣти Его церкви, дѣти Его Отца, мертвѣютъ своими грѣхами, своимъ забвеніемъ о Немъ. Всякой разъ, какъ твоему сердцу видится твой Вася, какъ живой, онъ это приходитъ тебѣ на сердце какъ будто съ такими рѣчами: «вотъ, молъ, батюшка, суди и попробуй хоть чуточку по себѣ, какова къ намъ любовь Отца нашего небеснаго, какъ Ему желательно, чтобы всегда мы у Него, какъ дѣти у Отца, были живы по своимъ добрымъ дѣламъ, по своей братской между собою любви и какъ Ему противно и огорчительно, когда мы умираемъ для Него грѣхами и особенно взаимною нелюбовію. Хочешь мнѣ добра и покоя? Молись болѣе о томъ, чтобы всѣ православные во всемъ были, какъ дѣти, у Отца небеснаго, чтобы все дѣлали съ Господомъ и для Господа, чтобы и на смерть нашу смотрѣли какъ на прямую дорогу любящихъ Господа къ Нему же Господу. Вздыхай объ этомъ предъ Богомъ, когда вздыхаешь обо мнѣ; молись объ этомъ, когда поминаешь меня. И моему духу будетъ это успокоительно и сладко въ общемъ для насъ обоихъ Господѣ». Такъ и сестра твоя Марья, убивающаяся по мужѣ, служитъ прежде всего обличеніемъ и вразумленіемъ для насъ въ томъ, каковъ долженъ быть и какъ насъ настроивать истинно-живой духъ церковный, когда Христосъ, живущій въ нашихъ душахъ и умовъ, какъ будто умираетъ въ нихъ, — свойственно ли истинному и живому духу церкви двигать насъ къ ревности по Христѣ, только осуждающей и поражающей другихъ, или напротивъ такъ насъ располагать, чтобы скорѣе самимъ намъ, такъ сказать, убиваться изъ любви къ Господу и въ Немъ къ людямъ... Смотрите, что

показываетъ простой и прямой образъ церкви, жена, сѣтующая по своемъ мужѣ. Я знаю твою сестру Марью, вѣрующую, добрую, кроткую, нѣжную въ ея простотѣ, и уважаю ея страданія по мужѣ. Но отъ имени моего напомни ей и даже попроси ее отъ меня, чтобы она, въ снѣдающей ее скорби по мужѣ, становилась въ сердцѣ около креста или гроба Спасителя нашего, и свои слезы и вздохи соединяла бы съ представленіемъ себѣ того, какъ больно было тогда сердцу Матери Божіей, святыхъ апостоловъ, святыхъ женъ мироносицъ; всѣ эти души вѣдь обрѣли въ Немъ своего, на вѣки желаемаго, жениха, и вотъ онѣ лишились было Его... По немножку чрезъ это скорбящая ея душа согрѣется и умиротворится любовію къ самому Господу, въ Которомъ—покой и жизнь ея мужа, бывшаго для нея и образомъ Его. Такъ и всѣ, оплакивающіе дорогихъ своихъ покойниковъ, по поводу самой скорби своей о нихъ и въ упокоеніе ихъ въ Господѣ—пусть входятъ въ разумѣніе и чувство вообще того, какова къ намъ любовь Господа нашего, или какова должна быть наша любовь къ Нему. Вѣдь существенно и основнымъ образомъ въ Немъ одномъ все достолюбезное для насъ и истинно-любительное къ намъ, что только многообразно ни отображается для насъ въ возлюбленныхъ намъ и любящихъ насъ людяхъ. Въ отношеніи къ покойникамъ это особенно должно помнить и имѣть въ виду; съ ними для насъ уже и возможна одна живая связь—въ Господѣ; всѣ прочія соотношенія и связи порваны. Мы какъ то,—сказалъ о. Іоаннъ,—взглянувъ на меня, довольно разсуждали объ этомъ [1]).

---

[1]) См. первый разговоръ.

— Но вы сказали теперь еще, напомнилъ я о. Іоанну, что, кромѣ благодатнаго настроенія самой скорби о покойныхъ, къ прочному ихъ упокоенію, съ нашей стороны, надо и всю жизнь и дѣятельность расположить или устроить въ порядкѣ благодати.

— Да, да!—началъ опять говорить о. Іоаннъ. —Благонастроеніе скорби о покойныхъ—это неболѣе, какъ начало общаго благодатнаго устроенія жизни и дѣятельности желающихъ прочно посодѣйствовать упокоенію дорогихъ покойниковъ. Объ этомъ считаю нужнымъ нѣсколько поговорить именно по тому, что всего чаще мы и это дѣло благонастроенія нашей жизни, какъ и въ частности скорби въ лишеніяхъ и бѣдахъ дѣлаемъ (когда и принимаемся за это дѣло) какъ-то не поблагодатному свѣтло и свободно, а или безотчетно или болѣе въ рабскомъ духѣ по ветхозаконному.

И я первый признаюсь вамъ, — сказалъ давшій поводъ къ настоящему разговору господинъ, —что у меня дѣло жизни, по отношеніи къ добру и благочестію, идетъ, дѣйствительно, слишкомъ безотчетно. Люблю я дѣлать добро; по возможности дѣлаю его, разумѣется, ради Бога и при Его помощи. Вотъ и вся моя нравственная христіанская философія! Недостаточность ея даютъ мнѣ сознавать и чувствовать такіе случаи, когда почувствую въ себѣ сильно тронутыми какія нибудь пружины зла, напримѣръ, мстительность, злопамятство, отвращеніе и презрѣніе къ другому, а до супружества—и плотскіе грѣхи. Не скажу, что бы я сейчасъ же и поддавался тому или другому изо всего этого, что поднималось въ моей глубинѣ злаго и нечистаго. Напротивъ брался и за борьбу; но бой мой противъ зла рѣшительно мнѣ

неудавался. Случалось, что измучусь въ своей борьбѣ, но все же дѣло кончалось тѣмъ, что или уступлю злу или на время только заглушу его занятіями, иногда и развлеченіями, а послѣ оно снова поднимаетъ свою голову, какъ аспидъ или змѣй какой.

— Такъ точно, опять ввязался въ разговоръ смышленый мужичокъ, въ ину пору ты вотъ хоть испостись и замолись, а на сердцѣ-то, какъ заведется какой, право слово, аспидъ, такъ и ѣстъ тебя поѣдомъ.

— О какіе вы добрые бойцы, весело и уважительно сказалъ о. Іоаннъ, смотря то на господина, пріѣхавшаго къ пему изъ чужаго прихода, то на своего прихожанина. Вамъ несправедливо говорить, что бы вы дѣло доброе дѣлали кое-какъ. Слава за это Богу! Но, именно по вашимъ собственнымъ опытамъ, мнѣ и удобнѣе высказать вамъ нужныя по этому дѣлу мысли. Апостолъ Павелъ въ дѣлѣ добра различаетъ два пути: одинъ тотъ, который доступенъ былъ и для ветхозаконниковъ, даже охладѣвшихъ сердцемъ для чувства вѣры, это—путь усилій сдѣлать желанное добро и побѣдить зло, во что бы то ни стало самому человѣку, [1])—такой путь и самыхъ лучшихъ борцевъ приводилъ именно къ тому сознанію и ощущенію, какое и вы, видно, испытали: «добра, котораго хочу, не дѣлаю, а дѣлаю зло, котораго не хочу...Въ самыхъ членахъ моихъ вижу какой-то непреодолимый законъ, который воюетъ противъ закона ума моего и дѣлаетъ меня плѣнникомъ закона

[1]) Мысль и чувство вѣры во Христа, по этому пути, ни какъ не устраняются; но дѣло правды ведется такъ, что для этаго дѣла «Христосъ напрасно умеръ» (Гал. II, 21); существо дѣло не въ Немъ, а въ усиліяхъ и успѣхахъ исполнить долгъ правды.

грѣховнаго... Бѣдный человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ этого тѣла смерти» (Рим. VII, 19—24)? Несостоятельность этого пути очевидна, и вами болѣе или менѣе уже испытана; на этомъ пути не избѣжимо тяжелое чувство рабства грѣху, естественно приводящее къ тому, чтобы и самое добро, какое удалось бы сдѣлать, было какое-то также рабское, боязливо и невольно сознающее свою несостоятельность, или же иначе переходящее въ жосткое самодовольство, достойное также не болѣе, какъ строптивыхъ рабовъ.

А другой путь? — чуть не всѣ разомъ спросили мы.

— Другой путь—путь благодати Христовой. По этому пути борьба противъ зла и дѣланіе положительнаго добра совершается или должно совершаться несравненно энергичнѣе, нежели по первому пути, только уже иначе. Въ основаніе борьбы противъ зла полагается несомнѣнная и твердая вѣра, что зло или этого внутренняго, какъ вы выражались, аспида Христосъ взялъ и распялъ на Своемъ крестѣ, или что Христосъ на Себѣ Самомъ вынесъ грѣхъ въ такой силѣ и полнотѣ, что на крестѣ Онъ самъ явился какъ бы олицетвореніемъ грѣха, подавленнаго и убитаго во всей своей проклятой преступности, во всей своей смертоносности (см. 1 Кор. V, 21. Гал. III, 13). На этомъ основаніи не соглашаясь съ грѣхомъ, не соизволяя этому аспиду, съ такимъ отвращеніемъ отъ всякаго съ нимъ мира и соглашенія, сколь рѣшительно чуждъ грѣху самъ Христосъ, борецъ уже не смущается до страшливаго и унылаго малодушія никакими, ощущаемыми въ себѣ, свирѣпостями этаго аспида; всѣ эти свирѣпости грѣха для ратоборца—только случаи и поводы къ болѣе и болѣе живому движенію

и сознанію вѣры, что все же этотъ аспидъ Христомъ низложенъ до конца и преступная смертоносность этого аспида вынесена Христомъ всецѣло [1]),—случаи и поводы, слѣдовательно, тѣмъ къ глубочайшему и внутреннѣйшему, по благодати Св. Духа, общенію въ силѣ Христовыхъ страданій и смерти за насъ. Тутъ борьба противъ грѣха можетъ доходить истинно до крове (Евр. XII, 4), но на каждомъ шагѣ своего великаго хода это—борьба благодатная [2]), и потому живительная для ратоборца, ободрительная для его духа и дерзновенно свободная у него, утверждаясь въ самомъ Христѣ, уже побѣдившемъ грѣхъ, и опираясь на его упраздняющее для грѣха человѣколюбивое самопожертвованіе за насъ. Чрезъ такую благодатную борьбу грѣхъ въ нашей природѣ исторгается во всѣхъ отрасляхъ и съ самымъ корнемъ своимъ, уступая все свое мѣсто Христу, всецѣло его подорвавшему Самимъ Собою; а потому, на этомъ пути правды, вся жизненность Христова человѣколюбія, вся царственная Христова не только свобода, но и властительность надъ силами зла готова благодатію Св. Духа раскрываться въ подвижникѣ правды болѣе и болѣе до своей безконечности [3]). Таковъ ратоборецъ былъ,

---

[1]) Разумѣется, сколько это отъ Него самаго зависитъ, отъ Его любви и благодати, которую намъ слѣдуетъ еще дѣятельною вѣрою усвоять для упраздненія въ насъ грѣха...

[2]) Она начинается и совершается и увѣнчивается именно дѣйствіемъ и подъ водительствомъ благодати Св. Духа, которою дѣйствуетъ въ насъ Христосъ, насколько нашею вѣрою привлекаемъ и принимаемъ Его въ свое сердце.

[3]) Такъ святые и достигаютъ того святаго безстрастія, которое внѣ Христа или не по дару Его благодати, невозможно для человѣка. По

въ образецъ для насъ, самъ Павелъ. Дѣланіе добра, по этому пути благодати, есть и совершается какъ принятіе къ себѣ или пріобрѣтеніе Христа (Фил. III, 8), дающаго намъ Себя Самаго дѣйствіемъ Св. Своего Духа, какъ на всемъ поприщѣ добродѣтели, такъ и въ совершеніи каждаго частнаго добраго дѣла; такъ что съ ходомъ и успѣхами такого добродѣланія, душа сознаетъ и чувствуетъ себя болѣе и болѣе ущедряемаго отъ незаслуженной чрезмѣрной благодати, и потому болѣе и болѣе благодарною къ Благодателю. Она все для себя полагаетъ, ищетъ и имѣетъ только въ Немъ одномъ и въ Немъ самомъ, дающемъ Себя нашему ничтожеству со всею Своею любовію къ грѣшнымъ,—только бы мы сами болѣе и болѣе воспринимали Его и усвояли эту любовь Его себѣ, своей душѣ и самому тѣлу чрезъ страданіе послѣдняго изъ Христовой любви къ Его церкви (Колос. I, 24). Вотъ въ этомъ то порядкѣ благодати и надо намъ устроять и располагать свою жизнь и дѣятельность.

Дѣлайте же добро, заключалъ свою рѣчь о. Іоаннъ, смотря на очевидно подвигнутаго сильнымъ чувствомъ господина, дѣлайте добро въ познаніи ли истины во всѣхъ ея отрасляхъ, и въ совершеніи добродѣтели до простаго подаянія милостыни нищему, какъ бы (и

слову Божію, мы еще по благодати крещенія, погружавшаго насъ въ смерть Христову, умерли для грѣха; а потому мы должны держать и помышлять себя уже мертвыми грѣху, живыми же Богу во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ (Рим. VI, 1—11). Но этому выходитъ, что весь путь благодатной правды есть подвигъ удержанія и раскрытія благодати самаго еще крещенія. Грѣша послѣ крещенія, мы строимъ снова то, что разрушено уже въ насъ благодатію (Гал. II, 17. 18).

дѣйствительно такъ) принимая въ свой умъ, сердце и душу человѣколюбиваго нашего Господа. Боритесь противъ грѣховнаго аспида, не допуская и тѣни той мысли, будто вы сами побѣдите зло, не отнимайте этой чести у Господа, взявшаго грѣховное зло наше въ плѣнническую свою собственность, не похищайте этой собственности у Его благодати, на зло себѣ. Напротивъ боритесь съ какимъ бы ни было грѣхомъ, твердо вѣруя, что этотъ аспидъ уже побѣжденъ Христомъ, что вы только воспринимаете и усвояете себѣ Христа, какъ побѣдителя надъ этимъ и всякимъ зломъ и ложью грѣха. Пусть вопли грѣховной страсти слышатся въ васъ же самихъ, но не соизволяя имъ во имя Самаго Христа, безконечно чуждаго грѣху, не дозволяйте себѣ смущаться до страшливости этими воплями, а только обращайте ихъ въ поводъ болѣе и болѣе прилѣпляться ко Христу и присвоять Его себѣ въ побѣдоносномъ надъ грѣхомъ духѣ святѣйшаго Его человѣколюбія. Благодать Св. Духа, которымъ дѣйствуетъ Христосъ,—ваша помощь. Пусть даже вы, въ этой борьбѣ, преткнетесь, даже падете; какъ только очнетесь или придете въ сознаніе и чувство паденія своего, сей часъ же и подпимайтесь во имя Христа, Спасителя и возстановителя падшихъ. Не давайте хвалиться надъ вами грѣховному аспиду, противопоставьте ему такую вѣру, что, молъ, самое, торжество его надъ вами даетъ вамъ только поводъ къ желанному вами участію воспринять къ себѣ Господа, какъ милосердаго возстановителя падшихъ. И такимъ образомъ опять съ бодростію и неразслабляемою унылыми мыслями крѣпостію принимайтесь за туже работу, за туже борьбу, только получающую уже новый умилительный

оттѣнокъ покаянной любви къ Господу, все таки Его же пріобрѣтающей. И все это дѣлайте именно такъ, прибавилъ о .Іоаннъ тихо,—вѣдь къ тому заведена и вся наша рѣчь,—чтобы съ каждымъ дѣйствіемъ такого благодатнаго пріобрѣтенія или принятія Христа себѣ, вспоминать и признавать чрезъ свою вѣру соучастницею той же благодати, и въ загробной жизни, покойнаго своего друга. И соотвѣтственно тому, какъ вы болѣе, болѣе и болѣе станете пріобрѣтать Христа, какъ вашу правду и жизнь,—и она въ другомъ мірѣ, соучаствуя духомъ вамъ, болѣе и болѣе будетъ усвоять Его себѣ, какъ свой покой и жизнь. И когда придетъ и вашъ часъ отойти отсюда туда, вы оба, вмѣстѣ возрастая во Христѣ, хотя и въ разныхъ мірахъ, наконецъ открыто и на вѣки соединитесь въ Немъ, общемъ вамъ обоимъ.

Господинъ при этихъ словахъ просто плакалъ, вторилъ ему и добродушный прихожанинъ о. Іоанна, а я мысленно благодарилъ о. Іоанна за роскошное, какъ мнѣ представлялось, духовное угощеніе; супруга его тоже будто забыла наконецъ угощать насъ своимъ чаемъ, обратясь вся во вниманіе къ мужу.

РАЗГОВОРЪ

о томъ, какъ и мірскимъ поминать своихъ покойниковъ не менѣе, чѣмъ духовные, какъ и духовнымъ, поминая своихъ покойниковъ, способствовать чрезъ это упокоенію и прочихъ усопшихъ.

Въ другой разъ случилось мнѣ быть у о. Іоанна съ одною инокинею, родомъ не изъ духовнаго знанія, а изъ

свѣтскихъ. Она, между прочимъ, жаловалась о. Іоанну, что ее уже давно, какъ искушеніе, преслѣдуетъ одна мысль. «Вотъ священники, дьяконы — всегда у Божія престола и у жертвенника; они за каждой службой Божіей поминаютъ своихъ покойниковъ; даже дьячкамъ или пономарямъ ничего не стоитъ сказать имена своихъ усопшихъ особенно за проскомидіей [1]). А міряне? А мірскіе покойники? Право, будто есть какое-то лицепріятіе у благодати въ пользу самыхъ покойниковъ духовныхъ и не въ пользу усопшихъ мірянъ. Скажете, что и за упокой послѣднихъ ничто не препятствуетъ мірянамъ подавать потребное на годовыя и даже всегдашнія въ церкви поминовенія. Но многіе ли имѣютъ къ тому средства? У иныхъ не достаетъ посерьезнѣе озаботиться этимъ даже свободы отъ мірскихъ дѣлъ и заботъ, иногда слишкомъ обязательныхъ. Не говорю уже о суетѣ мірской и такъ далѣе.... .. — На вашу мысль или искушеніе, говорилъ о. Іоаннъ монахинѣ, мнѣ хочется сказать прежде всего о другой сродной тому мысли, которою нѣкоторые также искушаются, какъ мнѣ извѣстно. Вотъ вы, принявшіе на себя ангельскій чинъ монашества, —всякой день за службою Божіею; кромѣ того отправляете еще особыя молитвенныя правила предъ Богомъ; находитесь подъ особеннымъ духовнымъ руководствомъ, по заботливости о васъ церкви Божіей; самыя внѣшнія занятія выбираете вы, по возможности, такія, которыя не отвлекали бы, или не особенно сильно отвлекали бы, васъ отъ богомыслія. А міряне за своей службой, за дѣлами и хлопотами

[1]) Извѣстная первая приготовительная часть литургіи, за которой вынимаются части изъ просфоръ за упокой усопшихъ и о здравіи живыхъ.

своими, за неотступными часто мірскими заботами,—(не касаюсь уже невозбранныхъ удовольствій общежитія и этой многообразной мірской суеты)—много ли имѣютъ времени и свободы заниматься Божіимъ? А вѣдь судъ Божій не помпрволитъ мірянамъ, тоже сочетавшимся Христу, а далеко не имѣющимъ такого удобства заниматься Христовымъ, какъ вы. Нѣтъ ли уже тоже лицепріятія и здѣсь?

Путь нашъ открытъ не для насъ однихъ, сказала монахиня. Могій вмѣстити да вмѣститъ, сказалъ о нашемъ пути Спаситель. Пусть идутъ къ намъ, кто хочетъ и можетъ....

— Это—правда, отвѣчалъ священникъ, но эта правда не врачуетъ больнаго мѣста, на которое я указалъ. Большинство христіанское все же не можетъ вмѣстить этого пути. Почему же оно, говорятъ и мыслятъ одни, и это еще лучшіе, — почему это большинство не могущихъ вмѣстити такъ заброшено? А другіе свое искушеніе противъ избраннческаго пути монашества доводятъ еще несравненно дальше. Мы то мірскіе дѣльцы, говорятъ они, и дѣлаемъ настоящее дѣло предъ Богомъ; а такъ называемые равноангелы не доводятъ ли уже своего дѣла до нѣкоторой мечтательности, хотя и благочестивой, но все же не очень похвальной въ общей дѣловой жизни людей? Видите, до какого опаснаго искушенія доходятъ нѣкоторые. Чѣмъ помочь въ этомъ искушеніи?

Это богопротивники, вмѣшалась было инокиня.

— Лежачихъ бить не хорошо и для мірянъ, серьезно замѣтилъ о. Іоаннъ. Будьте безпристрастны. Вотъ вы, по возникающей у васъ изъ глубины души заботливости о

вашихъ общихъ братіяхъ, въ мірской жизни усопшихъ, тревожитесь мыслію, не обижены ли они у Бога тѣмъ, что они далеко не пользуются такою-же благодатію церковнаго поминовенія ихъ, какъ духовнаго званія покойники. Скажите, удовлетворились ли бы вы тѣмъ представленіемъ, что, молъ, покойные міряне вѣдь сами-же виноваты, столько служили въ жизни мірской суетѣ, и «по дѣломъ имъ» такъ устроено, что не довольно ихъ поминаютъ предъ Богомъ, сравнительно съ духовными усопшими? Ваше сердце, навѣрное огорчилось бы такимъ отвѣтомъ на ваше затрудненіе; вы могли бы справедливо возразить, что наиболѣе болѣющія души покойныхъ и требуютъ отъ нашей вѣры наибольшей помощи. Такъ и мірскіе дѣльцы, вмѣсто пораженія ихъ судомъ о богопротивности тѣхъ или другихъ изъ нихъ, требуютъ отъ возмогшихъ вмѣстити, по благодати Божіей, высшій христіанскій путь—такого духовнаго пособія себѣ, чтобы, дѣйствительно, и ихъ дѣла были работою общему тѣмъ и другимъ Господу, и самыя невозбранныя ихъ удовольствія, сколько возможно, возвышать къ значенію наслажденія все же любовію и благодатію всевышняго Отца, дающаго намъ вся обильно къ наслажденію. Преимущественная выгода равноангельнаго чина предъ свѣтскою христіанскою долею [1]) должна быть понимаема и выдерживаема въ смыслѣ и духѣ не того порядка, по которому высшіе возносятся надъ низшими и велицыи ихъ преобладаютъ надъ меньшими, а того, по которому, «кто хочетъ быть большимъ между вами, будь вамъ слуга, и кто хочетъ быть

---

[1]) Какъ и вообще высота духовныхъ преимуществъ и служеній....

первымъ, будь всѣмъ рабъ»,—въ духѣ и смыслѣ того порядка, въ основаніе и первообразъ котораго Сынъ человѣчь и пріиде, не да послужатъ Ему, но да послужитъ и дастъ душу Свою избавленіе за многихъ (Мат. X, 42—45). Вы, равноангельныя души, по поводу показаннаго искушенія мірянъ—возревнуете святымъ Ангеламъ, служащимъ въ соотвѣтствіе своему первообразу—Господу, спасенію людей въ нашемъ земномъ мірѣ (Евр. I, 14); вы свои молитвы за Божіей службой, всѣ свои молитвенныя правила направите и настроите въ смыслъ и духъ такого духовнаго подвига предъ Господомъ, чтобы, съ самоотверженіемъ и саможертвованіемъ Его человѣколюбія, умолять Его быть неотступно и съ мірянами въ ихъ дѣлахъ, чтобы неудобства и самое косненіе ихъ—возвышаться въ своихъ работахъ къ работѣ Господу—вознаграждать или восполнять собственнымъ неотступнымъ вниманіемъ Ему и за нихъ. Вотъ какъ вы, въ своемъ чинѣ и значеніи духовнаго воинства и стражи своихъ мірскихъ братьевъ и сестеръ, поступите для уврачеванія давней у насъ язвы мірскихъ предубѣжденій и протестацій противъ монашества! И повѣрьте,—вѣдь сердце сердцу вѣсть подаетъ,—такое ваше благодатное настроеніе, служа ко спасенію и вашему и мірянъ, лучше и вѣрнѣе будетъ разсѣевать затаенное во многихъ несочувствіе къ монашескимъ обителямъ, нежели жосткая осудительная мысль о ихъ богопротивности.

Монахиня искренно согласилась съ этимъ, окаявая себя въ жестокомъ словѣ осужденія другихъ.

— Такъ вотъ точно такъ же и въ отношеніи къ поминовенію усопшихъ, продолжалъ о. Іоаннъ, можетъ

быть разрѣшено ваше затрудненіе. Подумайте, что духовные призваны не себѣ угождать, а служить спасенію другихъ; духовное ихъ значеніе и служба простирается на многихъ, на многихъ; потому, и ихъ недостаточества касаются многихъ, многихъ. По этому и поминовеніе усопшихъ духовныхъ, по своей упокоительной силѣ, не ограничивается загробною судьбою только ихъ однихъ, но простирается и на загробную судьбу всѣхъ, связанныхъ съ дѣломъ церковнаго ихъ служенія. Молитва объ упокоеніи священника, если она будетъ услышана и исполнена Господомъ, чрезъ испрошеніе прощенія грѣховъ самого священника, послужитъ къ разрѣшенію и многихъ усопшихъ мірянъ отъ грѣховъ, зависѣвшихъ отъ недовольной бдительности надъ ними священника. Молитва объ упокоеніи архіерея соприкасается къ дѣлу упокоенія и другихъ, усопшихъ въ его паствѣ подъ вліяніемъ духовной его попечительности или непопечительности о живомъ ихъ руководствѣ ко спасенію. Это также, какъ и всенародная, напримѣръ, молитва о почившемъ въ Богѣ Царѣ или его Наслѣдникѣ касается и всего его царства и загробной судьбы всѣхъ довѣренныхъ орудій его власти и подвластныхъ— усопшихъ. Въ такомъ смыслѣ и должна быть возносима молитва за усопшихъ какъ за помазанниковъ Божіихъ, такъ и за пастырей и учителей церковныхъ, хотя и безъ того она не ограничиваетъ своего вліянія только ихъ судьбою, а простирается истинно на многихъ, на многихъ. Итакъ повѣрьте, что у Бога нѣтъ обиды покойнымъ мірянамъ отъ того, что ихъ не столько поминаютъ въ церкви, какъ духовныхъ.

Но вѣдь поминаютъ-то духовные своихъ покойниковъ не только пастырей и учителей, но и женъ ихъ и дѣтей?—настаивала инокиня.

— Я вамъ сказалъ общую мысль, отвѣчалъ о. Іоаннъ, надѣясь, что вы сами ужь доведете ее до всесторонняго приложенія. Говоря о покойныхъ пастыряхъ и учителяхъ, я не устранялъ отъ смысла своей рѣчи усопшаго какого нибудь дьячка, читавшаго и пѣвшаго въ церкви со страхомъ Божіимъ, вразумительно для всѣхъ, или небрежно, часто на соблазнъ или безъ всякой пользы для другихъ; упокоеніе такого дьячка, очевидно, не можетъ совершиться безъ соприкосновенности этаго и къ духовной судьбѣ другихъ. Жена священника была для него образомъ церкви, которой служить онъ призванъ; прощеніе грѣховъ такой усопшей коснется и тѣхъ, для которыхъ она была образцемъ въ добромъ или худомъ. Дѣти духовныхъ призваны быть чадами Божіими, и потому для своихъ отцевъ были живымъ напоминаніемъ объ дѣтяхъ ихъ духовныхъ; потому загробная судьба первыхъ—въ связи съ духовными попеченіями отцевъ ихъ и о простыхъ прихожанахъ, такъ что иногда дѣти духовныхъ и отнимаются у нихъ за ихъ безпечность о дѣтяхъ Божьихъ—прихожанахъ. Видите, какъ особыя или болѣе удобныя и частыя молитвы за духовныхъ покойниковъ, за ихъ женъ и дѣтей, и требуются особыми ихъ въ томъ нуждами и простираются своею упокоительною силою и на другихъ.

Монахиня задумалась и, казалось, была удовлетворена. О. Іоаннъ продолжалъ:

— Кромѣ того, и всякому мірянину ничто не мѣшаетъ, напротивъ вмѣстимо уже для всѣхъ, такъ справ-

лять свою мірскую службу, такъ исполнять свое мірское дѣло, какъ-бы (и это на дѣлѣ такъ) работая самому Господу—нашему всеобщему Владыкѣ или всевысочайшему Хозяину надъ всѣмъ, припоминая притомъ своимъ сердцемъ и дорогихъ своихъ покойниковъ. Ничто не мѣшаетъ, а напротивъ вмѣстимо всѣмъ свѣтскимъ—такъ участвовать и въ удовольствіяхъ частныхъ, семейныхъ или общественныхъ, какъ дѣтямъ всещедраго Отца, не забывающимъ о такой Его благодати и любви къ намъ, а вспоминающимъ предъ Нимъ въ сердцѣ и объ незабвенныхъ своихъ покойникахъ, раздѣлявшихъ прежде подобныя утѣшенія. Вѣдь и такое поминовеніе усопшихъ не недоступно, а напротивъ благопріятно для человѣколюбія Христова и слѣдовательно не бездѣйственно для упокоенія усопшихъ.

Да, да, мать моя, такъ заключилъ о. Іоаннъ бесѣду съ монахиней,—только бы намъ самимъ не отказываться отъ Божіей благодати, щедрой для всѣхъ и всѣмъ дающей себя. Она ужь ни кого не обидитъ и не обижаетъ.

РАЗГОВОРЪ

о томъ, какъ слушать духовныхъ наставниковъ и какъ находить духовное наставленіе иногда даже въ мірскихъ обществахъ, съ пользою для близкихъ сердцу усопшихъ.

Случилось мнѣ быть у о. Іоанна, когда у него была одна духовная его дочь или, сказать вѣрнѣе, только еще желавшая быть его духовною дочерью, по тому поводу,

что онъ успѣлъ достаточно успокоить или, сказать точнѣе, благонаправить скорбь ея о не очень давно умершей ея дочери—дѣвицѣ, любившей свѣтскія общества. Она высказывала о. Іоанну радость свою, что Богъ далъ ей познакомиться съ нимъ; объясняла, что она давно искала себѣ духовнаго руководителя, подобнаго ему, и для этаго предпринимала нерѣдко разныя путешествія къ тому или другому духовному лицу, о которомъ ей приходилось узнавать или слышать, какъ о человѣкѣ истинно духовномъ. Смерть ея дочери особенно къ тому располагала ея душу. Видно было, что она говорила искренно; вся душа ея свѣтилась въ лицѣ, когда она говорила. Въ привѣтахъ ея нельзя было заподозрить ни тѣни льстивости.

Такъ рѣдко приходится узнать, говорила она, истинно-духовнаго человѣка, даже когда ищешь такихъ. Конечно, я не смѣю никого унижать; это моя собственно вина, что не умѣю открывать въ другихъ сокровища истинной духовности, которымъ владѣютъ, думаю, многіе, только скрывая это сокровище отъ людскихъ взоровъ. Для нихъ самихъ, безъ сомнѣнія, лучше сберегать свое сокровище, не показывая его другимъ. Но вѣдь для насъ-то мірскихъ людей нужно и дорого встрѣчать почаще людей съ истинно-духовнымъ направленіемъ и достоинствомъ. Вѣдь мы, въ своихъ свѣтскихъ знакомствахъ и обществахъ, совсѣмъ уже оплотянѣли безъ духовныхъ руководителей, которые слѣдили бы за нами на нашихъ свѣтскихъ путяхъ, какъ за малыми дѣтьми.

— Ваша тоска по духовномъ руководительствѣ въ свѣтской жизни, сказалъ о. Іоаннъ, напоминаетъ мнѣ разсказъ одного человѣка, который искалъ себѣ, съ го-

рячимъ и тоскливымъ стараніемъ, духовнаго руководителя и наблюдателя за собою въ начальной монастырской жизни. Это было еще въ то время, когда не отошелъ изъ настоящей жизни Саровскій отецъ Серафимъ блаженной памяти. Къ нему-то молодой послушникъ и отправился съ намѣреніемъ упросить его, чтобы онъ далъ или указалъ ему такого руководителя, который бы неотступно слѣдилъ и наблюдалъ за нимъ, какъ за малымъ и глупымъ ребенкомъ. И вотъ что сдѣлалъ блаженный старецъ съ этимъ послушникомъ, когда этотъ не успѣлъ еще и высказать задушевнаго своего желанія и прошенія. Онъ взялъ его за руку и, положивъ ее въ руку одного случившагося тутъ-же одного пожилаго іеромонаха, сказалъ этому послѣднему: «возьми, сведи его въ церковь; подведи его къ мѣстному образу Спасителя, предъ которымъ и положите вмѣстѣ три земныхъ поклона и, приложась потомъ къ св. иконѣ, скажи ему: вотъ тебѣ Руководитель и неотступный Надзиратель за тобою! А потомъ подойдите и къ мѣстной иконѣ пресвятой Богородицы и, также помолившись съ тремя земными поклонами и приложась къ св. иконѣ, скажи ему еще: вотъ тебѣ для твоего младенчества и Мать всеблагая! Лучше и надежнѣе такихъ руководителей не найдешь.» Такъ-то, моя добрая, и вы держитесь-ка одного наставника и руководителя — самаго Христа нашего Господа (Матѳ. XXIII, 10), а духовное свое младенчество вручайте материнему заступленію и наблюденію самой пресвятой Богородицы, которая ужь знаетъ какъ сберечь и возрастить въ насъ духа Сына своего.

— Такъ, батюшка! — отвѣтила дама. Но все-таки счастливы люди, которымъ Господь даетъ и на землѣ опыт-

наго духовнаго руководителя, который отечески или матерински заботится о духовномъ ихъ благѣ, о ихъ утѣшеніи и вразумленіи особенно по близкимъ къ сердцу заботамъ и скорбямъ. И я чувствую, что и меня Господь удостоиваетъ такого счастія...

— Позвольте мнѣ, прервалъ ее о. Іоаннъ, полнѣе развить предъ вами мою мысль. Самъ Господь говоритъ: «вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ учитель Христосъ; всѣ же вы братья...и не называйтесь наставниками: ибо одинъ у васъ наставникъ Христосъ» (Мат. XXIII, 8. 10). Въ томъ-то и состоитъ благодатный духъ и сила истинно-духовнаго руководительства и послушанія такому руководительству, чтобы руководитель направлялъ своего руководимаго къ вниманію и слѣдованію самому Христу Господу нашему. и чтобы потому руководимый слушался, въ своемъ духѣ и сердцѣ, прямо самого Его, единственнаго нашего учителя и наставника, вѣрою привлекая и принимая Его въ свое сердце. И такъ, смотрите, ищите или избирайте себѣ духовнаго руководителя именно въ томъ смыслѣ или въ такой силѣ, чтобы духомъ и сердцемъ своимъ внимать и слѣдовать самому Господу. Тогда и окажется единственнымъ учителемъ вашего духа и сердца, наставникомъ вашихъ мыслей, чувствъ и расположеній самъ Христосъ Господь, который и будетъ Самъ наставительно бесѣдовать съ вашимъ умомъ и сердцемъ въ то время, какъ вы будете слушать духовнаго вашего руководителя. Тогда вы будете и этого руководителя своего не столько бременить и затруднять собою, сколько и его, своею вѣрою, обращенною къ самому Господу, поддерживать въ благодати и духѣ Господа. Какъ это было-бы сча-

стливо, дорого и спасительно и для вашего духовнаго руководителя и для васъ—руководимой! Но я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе еще вотъ на что: самаго Господа намъ можно и надо искать и находить для нашего наученія не только тогда, какъ имѣемъ и слушаемъ того или другаго духовнаго руководителя, но и въ обыкновенныхъ знакомствахъ или среди свѣтскаго общества.

Какъ же это, батюшка?—спросила госпожа.

— Только слѣдуетъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, помнить и исполнять то наставленіе блаженной памяти отца Серафима, которое онъ далъ молодому послушнику. Онъ велѣлъ сказать этому послушнику, указывая на икону Спасителя въ церкви: «вотъ твой Руководитель и неотступный Надзиратель за тобою». Но вы знаете, что и каждый человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, есть по этому живая, хотя-бы и затемнившаяся сколько нибудь, икона Господа, и особенно каждый крещенный во Христа чрезъ это уже и облекся или одѣлся во Христа. И такъ въ обществѣ, или въ какомъ бы ни было вашемъ сношеніи и собесѣдованіи съ другими, смотрите на другаго человѣка и особенно христіанина православнаго, какъ на образъ Господа въ великомъ Его храмѣ — всей вселенной и особенно вселенской святой церкви, и при этомъ вспомните слово о. Серафима, съ указаніемъ на образъ Господа: «вотъ твой Руководитель»! Вспомнивъ это, вы духомъ своимъ или просто сердцемъ скорѣе и взгляните къ самому единому нашему учителю Христу, какъ бы предъ Его иконою, и затѣмъ тихонько, или въ тайнѣ своей мысли и сердца, слушайте, что онъ скажетъ вамъ въ ваше наставленіе...Тог-

да [1]), повѣрьте (это говорю я вамъ съ живыхъ опытовъ), самыя простыя и житейскія бесѣды будутъ для васъ получать духовное направленіе и духовный смыслъ, какъ будто вы, читая какую нибудь свѣтскую книгу, стали бы находить и читать между строками другія духовныя строки. Именно, самыя житейскія вещи и обстоятельства, о которыхъ, положимъ, шла бы рѣчь въ обществѣ, будутъ превращаться, непримѣтно для другихъ, а завѣдомо только для однихъ васъ, въ духовные предметы, подобно какъ это самое есть въ евангельскихъ притчахъ Спасителя.

Это такъ, замѣтилъ я съ своей стороны, когда госпожа примѣтно вдумывалась въ только что выслушанныя ею слова о. Іоанна,—я и собственнымъ опытомъ, по вашимъ внушеніямъ или совѣтамъ, ужь дознался отчасти, что дѣйствительно такъ бываетъ, какъ вы сейчасъ сказали: самыя обыкновенныя, житейскія или совсѣмъ не назидательныя рѣчи получаютъ для мысли духовно-настроенной или для вниманія, обращаемаго благоговѣйно къ самому Господу, смыслъ духовный, назидательный. Но намъ грѣшнымъ мірскимъ людямъ трудно пріобрѣтать и выдерживать такую духовную настроенность, чтобы въ сношеніяхъ или разговорахъ съ другими сознавать и чувствовать себя, въ своемъ духѣ, какъ бы предъ иконою Господа въ Его храмѣ. Мы еще

---

[1]) Разумѣется, успѣхъ и этаго дѣла, какъ всякаго другаго, зависитъ отъ старательной внимательности и постоянства въ исполненіи дѣла. А вѣрная предосторожность противъ духовнаго обольщенія, въ такихъ случаяхъ, есть вѣра въ св. церковь, не ослабляющая ни іоты ни черты православно-церковнаго, взирающая относительно церкви и всѣхъ ея принадлежностей къ самому Христу, котораго она есть тѣло...

слишкомъ малы для этаго,—мы вѣдь еще глупыя ребята въ духовномъ отношеніи.

— Именно для охраненія и поддержанія слабаго дѣтства духовнаго, отвѣчалъ о. Іоаннъ, отецъ Серафимъ Саровскій и велѣлъ указать послушнику на икону пресв. Богородицы съ словами: «вотъ тебѣ и Матерь»! Извѣстно что еще въ ветхомъ завѣтѣ женщина поставлена въ образъ матери Божественнаго Сѣмени, Матери Господа нашего; это выражено о Еввѣ, уже падшей, о праматери нашей и первообразѣ всѣхъ женщинъ въ состояніи паденія въ первоевангеліи или въ первомъ обѣтованіи о Спасителѣ міра (Быт. III гл.). И такъ смотря на эту Евву или женщину, удостоенную, при самой грѣховности своей, высокой чести служить образомъ пресв. Матери Дѣвы Богородицы, воззрите духомъ своимъ къ Матери Божіей, какъ бы предъ ея иконою, и просите материнской Ея поддержки и охраненія своего духовнаго младенчества. Повѣрьте, Матерь Свѣта животворящаго сможетъ укрѣпить, воспитать и возрастить въ насъ благодатный духъ Сына своего, Христа Бога нашего. Я опять свидѣтельствуюсь опытами, что и немощный духовный ребенокъ, даже въ минуты своей забывчивости и разсѣянности, наводимъ былъ чрезъ женщину на путь истины и добра, когда сердечно воспоминалъ усердную Заступницу и Споручницу грѣшныхъ, Взыскательницу погибшихъ, благостную Матерь благаго Господа, отображаемую благодатію въ женщинѣ — христіанкѣ.

— Но все таки, промолвила дама, лице которой свѣтилось радостною мыслію и чувствомъ, нужны намъ и особенные духовные руководители, которые бы толковали

намъ такіе благодатные предметы и остерегали насъ отъ увлеченій куда-либо въ сторону отъ добра.

— Благодать и дастъ намъ освященныхъ руководителей духовныхъ, сказалъ о. Іоаннъ. Но я напоминаю вамъ, что, и при лучшемъ духовномъ руководителѣ, какого бы когда ни нашли вы, неотступно смотрите сердцемъ и духомъ своимъ къ самому Господу, единому нашему учителю и наставнику, по Его собственному слову. Будьте ученицею самаго Христа Бога-Слова воплощеннаго! А, въ отношеніи къ сказанному мною о мірскихъ или свѣтскихъ обществахъ, прошу васъ не забывать этого, а по возможности исполнять это—именно въ память и упокоеніе вашей дочери, любившей, какъ вы говорили, эти общества, также какъ въ пособіе или изъ участія и къ живымъ, подобнымъ душамъ. Взоръ или слухъ вѣры, обращенной къ Господу въ обществѣ, привлекаетъ и Его въ общество.

РАЗГОВОРЪ

о связи науки съ благочестіемъ, открывающей свѣтлые виды относительно загробной судьбы многихъ усопшихъ.

Бывши какъ-то у о. Іоанна, я прочиталъ ему вотъ эти строки изъ описанія однимъ русскимъ своего пребыванія на Аѳонѣ и бесѣдъ съ тамошними старцами:

— «Вотъ видишь ли ты эту былинку? — говорилъ Русскому одинъ Аѳонскій инокъ). Что это? Простая травка? Цвѣточекъ? А вѣдь и имъ можно искуситься. Начни-ка я подробно разсматривать эту травку, изучать ее разными стеклами, и вотъ я уже служу міру, а не Богу; я отвлекся уже отъ пути монашескаго. А искусителю только того и надо.

«А какъ же науки-то, отче?

— «Вотъ тебѣ совѣтъ мой: коли хочешь спастись, не предавайся мірскимъ наукамъ; онѣ не приведутъ къ добру, это я по себѣ знаю. Возьми только слово Божіе да творенія св. отцевъ и читай ихъ, не разсуждая. Въ этомъ вся наука жизни нашей».

Такъ говорилъ молодому мірянину Аѳонскій старецъ строгой подвижнической жизни, нѣкогда самъ любившій книги и науки (См. Русское Слово 1863 г. апрѣл. книжка. «Аѳонъ», статья вторая).

О. Іоаннъ, выслушавъ прочитанное, высказалъ мнѣ такія мысли: да! изученіе чего-бы то ни было, былинки ли или звѣзднаго неба, цвѣточка или ума человѣческаго, недоводимое до Христа Бога Слова, не только для Аѳонскаго подвижника, но и просто для нелицемѣрно-вѣрующаго похоже на служеніе міру. Но если изученіе травки или чего другаго, производимое съ разными стеклами или съ чѣмъ другимъ, будетъ такое, что изучающій слѣдитъ собственно мысль Бога Слова, осуществленную и выраженную въ изучаемомъ предметѣ, опредѣлившую или попустившую изучаемый фактъ; то очевидно, что это будетъ службою прямо самому Господу, а не міру. Такое изученіе будетъ, по духу или въ существѣ дѣла, подобно чтенію слова Божія и раскроетъ

въ себѣ прекрасный духъ твореній св. отцевъ. И если такое изученіе будетъ во всѣхъ мірскихъ или свѣтскихъ наукахъ, то исчезнетъ непроходимая доселѣ бездна между ними и богословіемъ или духовными науками. Святый Антоній великій признаетъ своими прямыми наслѣдниками тѣхъ подвижниковъ истины, которые всю жизнь свою посвятятъ на изученіе во всемъ всеобъемлющей мысли Бога Слова и станутъ проходить это славное поприще съ неуклонною до аскетизма вѣрностію и твердостію. Такъ-то и падетъ преграда, отдѣляющая другъ отъ друга людей духовнаго направленія и честныхъ дѣльцевъ міра, обезсиливающая тѣхъ и другихъ односторонностями.

Но когда это будетъ? — замѣтилъ я съ невольною грустію.

— Сегодня, завтра или когда только угодно живой нашей вѣрѣ, весело отвѣтилъ о. Іоаннъ. Неужели вы не допускаете или не знаете въ духовной жизни такихъ же возрастовъ, такого же постепеннаго возрастанія, какъ это бываетъ въ физической жизни? Да, и въ духовной жизни возможенъ и бываетъ, какъ въ физической, дѣтскій возрастъ, въ которомъ знаютъ завѣрное только такія истины, что надо ѣсть и пить, а иначе умрешь; что больно бываетъ, когда бьютъ; что дважды два, дѣйствительно, четыре, и проч. Потерпите, поддержите этихъ дѣтей; онѣ подростутъ и больше узнаютъ, узнаютъ не меньше, а пожалуй и побольше, и вашего-то. Къ чему же это я говорю? Да вотъ къ чему: не входя слишкомъ подозрительно или осудительно въ разбирательство того, какъ наши дѣльцы мысли и знанія ведутъ свое дѣло, остановитесь потверже на такой вѣрѣ, что все-же они разъ-

ясняютъ и изслѣдуютъ такіе или другіе предметы, а чрезъ это все же служатъ дѣлу истины, что сама-то истина, все обнимающая, все осуществившая и содержащая, по всей землѣ разносящая духъ своей, и возсозидающей все, своей любви, все же есть именно Христосъ, что потому и нынѣшнее изученіе хоть бы и травки, производимое съ микроскопомъ, есть изученіе, въ существѣ и основаніи дѣла, мысли всетворческаго Слова—Христа.

Да вѣдь слишкомъ шаловливы и драчливы наши ребята, чтобы терпѣливо поддерживать ихъ вѣрою, пока и они подростутъ,—возразилъ я, зная современное положеніе дѣла.

— А материнская любовь, отвѣчалъ мнѣ о. Іоаннъ, даже и въ терпѣніе себѣ не вмѣняетъ свой уходъ за дѣтьми, не смотря на ихъ шалости и забіячества ребяческія. Есть у насъ такая Матерь, благая Матерь благаго Царя, какъ молитвенно именуетъ ее наша вѣра [1]). Именемъ и благостію ея умоляю васъ о терпѣніи любви до конца. Она Сама, Заступница и Споручница грѣшниковъ заблуждающихъ, вамъ поможетъ въ этомъ. Только внимайте духомъ ей, взирайте сердцемъ на нее. Знаете особенную вѣру и любовь къ ней Аѳонскихъ святогорцевъ; войдите въ духъ этой вѣры и любви. Вамъ извѣстно, что «испоконъ вѣка» иночества на Аѳонѣ, туда не пускаютъ женщинъ, а между тѣмъ въ одной изъ обителей Аѳонскихъ, да едва ли не самой знаменитой, не называютъ другаго игумена или настоятеля, кромѣ самой Матери Божіей, предъ иконою которой иноки обители и испрашиваютъ настоятельскаго ея благословенія на свои

---

[1]) См. вечернія (предъ отшествіемъ ко сну) молитвы въ канонникѣ.

послушанія. Войдите, говорю, въ самый духъ этаго Аѳонскаго воззрѣнія. Вы знаете, что женщина и падшая уже, въ словѣ Божіемъ (Быт. III гл.), назначена какъ образъ Матери побѣдительнаго надъ зміемъ человѣкоубійцею Сѣмени. Смотрите такъ на женщину; то есть, при видѣ ея, какъ предъ иконою, взирайте духомъ къ благой Матери благаго Царя съ мольбою, да Сама она, какъ своею благодатію можетъ и знаетъ, потерпитъ и поддержитъ, особенно по дѣлу знанія, всѣхъ насъ — истинно маленькихъ еще ребятъ. Не допускайте вашею вѣрою другаго взора на женщину; не пускайте въ свой внутренній Аѳонъ простыхъ женщинъ, а держитесь, по Господѣ и въ Немъ Самомъ, одной настоятельницы внутренняго вашего монастыря или лавры, — скажу такъ для нагляднаго выраженія моей мысли. Она сама поддержитъ и возраститъ въ насъ младенчествующій еще нынѣ духъ Сына своего. А вы, для возбужденія и оживленія себя къ этому, только подумайте хоть о томъ, какой свѣтъ Божій раскроется, когда по дѣлу мысли и знанія, мы доростемъ до болѣе зрѣлаго возраста, — раскроется не только для нашего земнаго міра, но и для загробныхъ обителей, куда отошло столько, тоже духовно еще младенчествовавшихъ дѣльцовъ мысли и знанія и цѣлыхъ поколѣній, жившихъ подъ вліяніемъ младенчествовавшаго знанія. Много адскихъ узъ, тяготѣющихъ на отшедшихъ отсюда душахъ, разрѣшится тогда, когда всякая область знанія и цивилизаціи откроется областію Христовой истины, сіявшей и въ прежней тьмѣ невѣденія или мнимаго вѣденія, и когда такимъ образомъ достигнетъ своего довершенія дѣло мысли и знанія,

надъ которымъ трудились и предшествующія поколѣнія, не достигая въ свое время плода правды по этому дѣлу.

РАЗГОВОРЪ

О СООТНОШЕНІИ МЕЖДУ ЦЕРКОВНЫМЪ И ГРАЖДАНСКИМЪ ВЪ ПРАВОСЛАВІИ, ВО БЛАГО НЕ ТОЛЬКО ЖИВЫХЪ, НО И УСОПШИХЪ.

(по поводу «Окружнаго посланія папы, 8-го декабря 1864 года).

Какъ скоро мнѣ пришлось прочитать извѣстное посланіе римскаго папы къ подчиненнымъ ему іерархамъ отъ 8 декабря 1864 г., я нарочно поспѣшилъ къ доброму о. Іоанну, чтобы, при его пособіи, дать себѣ отчетъ касательно этаго посланія. Случилось такъ, что я, прежде свиданія съ этимъ священникомъ, встрѣтился съ помѣщикомъ того же села, также сочувствующимъ достойному пастырю. Мы вмѣстѣ отправились къ о. Іоанну, захвативъ съ собою листокъ «Биржевыхъ вѣдомостей», въ которомъ отпечатано папское посланіе.

О. Іоаннъ уже читалъ это посланіе; однако втроемъ мы снова его пересмотрѣли.

Вотъ вы и извольте мирить мірское и церковное, сказалъ о. Іоанну пришедшій со мною господинъ.—Мысль и жизнь мірская, какъ уже хотите, не потерпитъ на се-

бѣ опеки церкви или духовенства, а вотъ представитель римской церкви, съ голосомъ цѣлаго ряда вѣковъ своего католичества, стоитъ за права и обязанности своей опеки надъ міромъ.

— По началамъ и духу западнаго неправославія, отвѣчалъ о. Іоаннъ, дѣйствительно выходитъ такъ, какъ вы сказали. Совсѣмъ не то по чистой, свободной отъ всякихъ односторонностей Христовой истинѣ, однимъ словомъ, — по православію.

Однако какъ же вы умудрились бы, святый отче, замѣтилъ съ улыбкою помѣщикъ, настаивать на направленіе всего у христіанъ началомъ вѣры, и въ то же время быть чуждымъ претензіи на духовную опеку надъ другими христіанами?

— Православный пастырь, вѣрный своему званію, отвѣчалъ о. Іоаннъ, не можетъ не внушать христіанамъ, что у нихъ все должно быть по Христу, и что, на сколько бы они въ чемъ бы то ни было стали держаться другаго начала, не возглавляясь во Христѣ, на столько отпадали бы въ этомъ отъ духа и значенія живыхъ членовъ Христова тѣла, т. е. отъ самаго православнаго христіанства. Но настаивая на этомъ благовременно и безвременно, пастырь православный не дозволитъ себѣ ни малѣйшаго вмѣшательства въ дѣла чужія, къ которымъ онъ не призванъ подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ впасть въ преступное посягательство на подавленіе или стѣсненіе духовной свободы христіанъ, купленныхъ въ эту свободу кровію Сына Божія. Какъ осмѣлиться дѣтей Божіихъ обращать въ подневольныхъ рабовъ? Это значило бы дерзнуть на нечестивое порабощеніе себѣ самаго, даннаго христіанамъ, Духа Христа Сына Божія. Православ-

но-церковный служитель словомъ, молитвами и таинствами служитъ именно тому, чтобы Христосъ былъ Святымъ Своимъ Духомъ съ духомъ каждаго православнаго во всякомъ званіи и дѣлѣ, а со Христомъ совершалъ бы свое дѣло, по роду своего призванія, всякій уже самъ, какъ слѣдуетъ свободному чаду Божію (См. Рим. VIII, 9—10; 14—15. Еф. IV, 11—13). Такимъ образомъ, по смыслу и духу истиннаго или православнаго христіанства, нѣтъ мѣста духовно-деспотической стѣснительной опекѣ и надъ отдѣльнымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе надъ народами и царствами, надъ всею областію ихъ гражданства, на что выражаетъ папа свое притязаніе въ посланіи.

Положимъ, отозвался помѣщикъ, что со стороны истинно-православнаго священства, дѣйствительно, это такъ, какъ вы говорите. Но со стороны гражданства, или гражданскаго правительства, если оно приметъ за господствующее начало для себя вѣру, естественно и даже неизбѣжно стѣсненіе совѣсти гражданъ чрезъ особенное покровительство вѣрующимъ изъ нихъ и чрезъ разныя ограниченія невѣрующихъ или не право-вѣрующихъ. Вѣдь иначе гражданство оказалось бы индеффферентнымъ къ дѣлу вѣры. Не такъ ли?

— Такъ-то такъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, но только въ смыслѣ и духѣ римскаго католичества, какъ оно выразилось въ окружномъ папскомъ посланіи, а не вселенскаго православія. Судите сами. Если гражданское правительство по православному держится, какъ единственнаго своего начала, самаго Христа, въ истинномъ Его духѣ; то оно и должно раскрывать въ себѣ Христовъ духъ. Какой же это духъ? Во Христѣ почиваетъ духъ

Отеческаго благоволенія, раскрывающаго истину для всѣхъ и всѣхъ къ ней влекущаго, но не иначе, какъ подъ условіемъ свободнаго въ ней убѣжденія. Христовъ духъ есть духъ человѣколюбія, долготерпѣнія, самопожертвованія,— духъ, особенно нетерпящій деспотическаго стѣсненія совѣсти, хотя и со всею силою вразумляющій заблуждающихъ.

Но было же и съ православнымъ правительствомъ, что оно еретиковъ гнало, подвергало заточеніямъ и ссылкамъ. Вспомните время вселенскихъ соборовъ и тогдашнія, образцовыя для прочихъ временъ, распоряженія императоровъ-поборниковъ православія.

— Очень хорошо помню. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на тогдашнія распоряженія православнаго правительства съ неправомыслящими. Самое множество и непрерывность разныхъ родовъ неправославія, волновавшаго иногда весь христіанскій міръ, показываютъ, что религіозная мысль и совѣсть вообще не были стѣсняемы или подавляемы въ своей свободѣ (потому что высказывались), хотя тогда не было и индефферентизма къ дѣлу вѣры. Когда открывалось въ комъ либо неправомысліе, то предъ такимъ человѣкомъ сначала, съ должнымъ вниманіемъ и уваженіемъ къ нему, раскрывали истину, убѣждая его оставить заблужденіе; это дѣлали съ заблуждающимъ болѣе близкіе къ нему по положенію или сану. Правительство гражданское не касалось этого. Когда заблуждающій упорствовалъ въ заблужденіи и продолжалъ распространять его, и отъ этаго начинались споры и волненія умовъ: то правительство, ревнуя о христовой истинѣ, озабочивалось дать способы къ соборному разслѣдованію истины, отрицаемой или извращаемой заблужденіемъ. И уже тог-

да, какъ, и по всеобщемъ обсужденіи дѣла, заблуждающій все таки оставался упорнымъ въ своемъ заблужденіи вопреки даже вселенскому христіанскому обществу и въ прямой, уже ясный или открытый для всеобщаго сознанія, вредъ и смущеніе этому обществу,—уже тогда православное правительство брало свои твердыя мѣры къ удержанію въ границахъ или же къ поставленію въ невозможность вредить обществу—упрямыхъ лжеучителей, которые оказывались уже преступниками противъ общественнаго и даже вселенскаго мира, блага и порядка. Правительство гражданское не исполнило бы своего прямаго дѣла, когдабы поступило иначе. Проведите духъ и силу всего этаго въ настоящіе порядки и обстоятельства; вы тогда согласитесь, что далѣе того, какъ было въ періодъ вселенскихъ соборовъ, нельзя гражданской власти простирать духа терпимости, нестѣснительной для совѣсти; развѣ уже потребуете безнаказанности и беззадержанія преступниковъ, возмущающихъ своими безпорядками тишину и благоустройство общественной жизни. Да, періодъ вселенскихъ соборовъ есть образцовый и руководительный для послѣдующихъ временъ со стороны не только церковной іерархіи, но и гражданской власти;—это были истинно два великіе пророка, насколько они совокупно и единодушно дѣйствовали въ интересѣ вселенской Христовой истины.

Что же будетъ результатомъ сказаннаго? спросилъ я.

— Вотъ что, отвѣтилъ о. Іоаннъ. Дай Господи, поскорѣе того, чтобы такое соотношеніе между гражданскимъ и церковнымъ, какое должно быть по православному смыслу, раскрылось и дѣйствовало во всемъ христіанскомъ мірѣ, и чтобы, такимъ образомъ, всѣ мы

подъ попечительнымъ руководствомъ святой церкви, но съ нестѣсняемою духовною во Христѣ самостоятельностію, каждый въ своемъ дѣлѣ и взаимно подкрѣпляя другъ друга, въ христіански-гражданскихъ или прямо-церковныхъ служеніяхъ или отправленіяхъ, служили и работали общему нашему Отцу небесному и Его Сыну— нашему Спасителю, и Св. Духу, Духу истины и любви! Дай, Господи, этого если еще не по открытой къ тому воспріимчивости живыхъ, то къ упокоенію усопшихъ, не тысячъ, а неисчислимыхъ милліоновъ христіанскихъ душъ, запутавшихъ въ этой жизни съ той или другой стороны, церковной или гражданской, и ждущихъ за гробомъ Христова утѣшенія!

РАЗГОВОРЪ

О ТОМЪ, КАКЪ ВРАЗУМЛЯТЬ ВЪ ИСТИНѢ ХРИСТОВОЙ НЕВѢРУЮЩИХЪ, НЕПРАВОМЫСЛЯЩИХЪ, ИНОВѢРНЫХЪ, НЕВѢДАЮЩИХЪ И НЕДОУМѢВАЮЩИХЪ, ИМѢЯ ВЪ ВИДУ И ЗАГРОБНУЮ СУДЬБУ УМЕРШИХЪ ВЪ ТАКИХЪ СОСТОЯНІЯХЪ.

Случилось мнѣ однажды быть у о. Іоанна въ то время, когда прибылъ къ нему одинъ молодой собратъ его по священству. Я скоро примѣтилъ, что этотъ молодой священникъ одного изъ сосѣднихъ приходовъ пріѣхалъ къ о. Іоанну неслучайно и не для одного удовольствія свиданія, но нарочно побесѣдовать и посовѣ-

товаться по дѣлу своего пастырскаго служенія. Пріятно было видѣть взаимныя отношенія обоихъ священниковъ, похожія на отношеніе двухъ дружныхъ братьевъ — старшаго и младшаго. Юный пастырь ревновалъ подражать опытному своему собрату и воспользоваться его знаніями, усвоить себѣ его духъ и направленіе. О. Іоаннъ вскорѣ далъ понять своему собрату, что я у него своіі человѣкъ, что и я желалъ бы посвоему служить дѣлу Христовой истины. И такимъ образомъ я, къ своему назиданію и удовольствію, сдѣлался слушателемъ взаимнаго ихъ собесѣдованія, которое нахожу полезнымъ передать разсуждающихъ и любящимъ истину.

Въ приходѣ молодаго священника, кромѣ огромнаго большинства крестьянъ, между которыми значилось нѣсколько и раскольниковъ, находится нѣсколько домовъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Есть и нѣмецъ-протестантъ, женатый на римскоіі католичкѣ. Наконецъ даже есть и корчма или что-то въ родѣ этаго съ еврейскимъ семействомъ. Такое смѣшеніе языковъ! Со всѣми ими священнику приходится входить въ разныя сношенія и на нихъ всѣхъ онъ, по внушенію одного святителя, смотритъ какъ на принадлежащихъ его приходу, за которыхъ придется ему отвѣчать предъ Положившимъ душу Свою за спасеніе всѣхъ, — придется дать отчетъ, заботился ли онъ и довольно ли заботился о вразумленіи ихъ Христовою истиною. Признаюсь, что мнѣ впервые пришлось встрѣтить священника, и при томъ молодаго, съ такими стремленіями и понятіями. О. Іоаннъ готовъ былъ всячески содѣйствовать своему юному собрату.

Юнаго пастыря особенно озабочивало невѣріе нѣкоторыхъ изъ помѣщиковъ его прихода. Прежде всего, и съ тяжелою скорбію, онъ указывалъ о. Іоанну на этихъ, числящихся православными, невѣровъ.

I.

Объяснить вамъ не могу, говорилъ онъ съ жаромъ юности о. Іоанну, какой крестъ составляютъ для меня эти люди, какъ мнѣ тяжело бывать у нихъ для исправленія необходимыхъ требъ или съ крестомъ и святою водою въ большіе праздники. Обойти ихъ нельзя; потому что есть въ ихъ семействахъ и вѣрующіе. Особенно если случится попасть въ собраніе изо всего нашего околодка этихъ отступниковъ, — тутъ моему духу просто пытка.

— Видно, ваши невѣры представляютъ еще прозябающее въ нашей бѣдной Россіи отродье прошловѣковаго хульнаго направленія, люди находящіе дикое удовольствіе въ наглой издѣвкѣ надъ священнымъ?—спросилъ о. Іоаннъ.

Есть и такой, но только одинъ, не пользующійся впрочемъ уваженіемъ и сочувствіемъ и со стороны своей братьи, отвѣчалъ молодой священникъ.

— Сколько я понимаю корень ужасной духовной болѣзни подобныхъ хульниковъ у насъ въ Россіи, замѣтилъ о. Іоаннъ, это—полное отсутствіе серьезной мысли о дѣлѣ истины. Какъ иначе объяснить эту издѣвку надъ вѣрою и святынею, безъ всякаго ихъ изслѣдованія? По этому надо стараться какъ нибудь возбудить въ подобномъ невѣрѣ трезвую и серьезную мысль, что легкомысленно и особенно съ однимъ только глумленіемъ отно-

ситься къ тому, съ чѣмъ связаны существенные вопросы о человѣчествѣ и истинѣ, не достойно разумности человѣка, что дѣло истины стоитъ и требуетъ того, что бы вникнуть въ него основательно. Пока не родится эта благодатная мысль въ невѣрѣ хульникѣ, съ нимъ и говорить нельзя объ истинѣ. Но есть невѣры, которые, сколько человѣку можно угадывать мысленное настроеніе и сердце другаго, серьезно и даже добросовѣстно относятся къ дѣлу истины.

— Вотъ именно съ такимъ-то, заговорилъ гость о. Іоанна, я и не знаю, что подѣлать, и отъ того мучусь въ душѣ до крайности. Пробовалъ я толковать съ этими людьми объ истинности христіанства,—знаете, какъ у насъ доказывается это въ основномъ богословіи. Но отвѣтомъ мнѣ была едва уловимая улыбка, и притомъ не злая, не насмѣшливая, но похожая на то, какъ взрослые улыбаются надъ дѣтьми и ихъ лепетомъ. Я чуть не заплакалъ, не знаю, отъ грусти ли или болѣе отъ досады;—и попросилъ прямодушнаго объясненія, отъ чего такой жалкій обидный смыслъ даютъ моей рѣчи. И вотъ что сказали мнѣ, съ слышнымъ моему сердцу сочувствіемъ къ моему положенію: «будьте увѣрены, почтенный батюшка, что ваше рвеніе, горячее и добросердечное возбуждаетъ въ насъ не презрѣніе, а уваженіе къ себѣ. Пріятно видѣть человѣка, особенно вашихъ лѣтъ, преданнаго своему дѣлу и горячо его отстаивающаго. Но видите ли,—ужъ прошло время для человѣческаго духа управляться и водиться внѣшними положительными законами и внушеніями добра или истины. Теперь для человѣка, принадлежащаго къ живымъ, а не къ мертвецамъ, погребающимъ своихъ мертвецовъ, святыня вну-

тренняго самозаконія, безъ котораго не мыслима истинная духовная свобода и независимость, выше и не преложиѣе всякой другой святыни. Прошло время мистицизма, покоющагося въ мечтательныхъ сумракахъ вѣры. Теперь надо все выяснять простымъ здравымъ смысломъ, все выводить на солнечный свѣтъ разума, общаго всѣмъ смертнымъ людямъ. Разъ дойдя до такой задачи, человѣкъ ужь не отступится отъ нея, не вернется къ среднимъ вѣкамъ, а будетъ трудиться надъ этою задачею, отстаивая въ ней самое существо своей человѣчности— свободную разумность.» — Но вѣдь вы, возразилъ я, не будете же такъ кривить предъ самою своею разумностію, чтобы отрицать съ наглядною ясностію доказывающіе истинность христіанства, чрезвычайные факты, достовѣрность которыхъ имѣетъ всѣ, требуемыя разумностію, доказательства?—«Да, отвѣчали мнѣ, мы не будемъ такъ глупы, чтобы подобные факты ставить въ одинъ рядъ съ фокусами или разными штуками шарлатановъ, свѣтскихъ или духовныхъ. Но, съ успѣхами знанія, и эти факты когда нибудь просто объяснятся изъ вѣчныхъ и вмѣстѣ простыхъ законовъ бытія; подобно какъ, напримѣръ, теперь довольно просто и понятно объясняются громъ и молнія, о которыхъ нѣкогда и слышать не хотѣли, чтобъ эти явленія могли произойдти не отъ мановенія и прещенія Самаго Вседержителя, подобно всякому другому чуду. Но успокойтесь, батюшка, мы далеки отъ мечты сорвать со всего покровъ таинственности, истинной таинственности, какъ выражается Бокль. Открыть законы того или другаго явленія не значитъ еще овладѣть тайною самаго основанія и происхожденія бытія. Мы ужь не станемъ заниматься метафизическимъ

безплоднымъ дѣломъ раскрывать эту тайну изъ чистаго разума. Разумъ ужь пережилъ періодъ трансцендентализма и теперь смотритъ на него, какъ на переливаніе изъ пустаго въ порожнее».—Значитъ, снова возразилъ я, вы сами стали втупикъ предъ тайною бытія, его основанія и происхожденія? А намъ эта тайна открыта вѣрою. Бытіе всего міра обосновано и держится всемогуществомъ Божіимъ; и разуму нашему понятно, что всемогуществу все возможно.—«Но и для васъ тайна всемогущества, сказали мнѣ въ отвѣтъ, все же остается тайною, которую вы принимаете на вѣру. Впрочемъ, съ другой стороны, вы напрасно представляете себѣ, будто мы ужь совсѣмъ стали втупикъ предъ тайною бытія. Наше дѣло—слѣдить и выяснять фазисы бытія, основываясь на данныхъ этаго бытія, осязательно извѣстныхъ,—слѣдить и выяснять изъ законовъ бытія, понятныхъ нашему разуму, оправданныхъ для него изъ данныхъ или фактовъ тоже съ осязательною точностію. Такъ мы и будемъ терпѣливо добираться до первоначальныхъ фазисовъ бытія, сливающихся съ тайною обоснованія бытія, покрайней мѣрѣ нашего земнаго; но ужь ничего не примемъ просто на вѣру, какъ это было въ дѣтскомъ возрастѣ человѣчества. Для насъ подъ понятіе всемогущества подходитъ все, и только то одно, что есть и можетъ быть по простому и понятному для разума порядку бытія, по простымъ и понятнымъ законамъ и условіямъ бытія. Всякія другія представленія мы относимъ къ дѣтскимъ предощущеніямъ истины, а не къ самой истинѣ строгой и точной».—И затѣмъ опять мелькнуло предо мною что-то въ родѣ тоіі, какъ будто отеческой улыбки, которою улыбаются взрослые, смотря

на дѣтей. Я чуть не съ отчаяніемъ увидѣлъ, что мнѣ нѣтъ и подступа къ такимъ людямъ съ Христовою истиною. Я, въ ихъ глазахъ, не болѣе, какъ малый ребенокъ; да я и самъ чувствую себя, въ настоящемъ случаѣ, безсильнымъ противъ нихъ, какъ ребенокъ.

— Прочь отъ насъ малодушіе и унынie,—сказалъ о. Іоаннъ своему грустному собрату, сжимая его руку.— Мы, помилованные нашимъ Господомъ быть вѣрующими въ Него, должны по этому ужь твердо знать, что истина все же есть Христосъ Господь и что, потому, у невѣрующихъ въ Него все лучшее, сколько нибудь подходящее къ истинѣ, есть не что иное, какъ дѣтски безотчетное предощущеніе Христовой же истины. Видите, дѣло-то выходитъ на оборотъ тому, что они мечтаютъ о себѣ. На этомъ основаніи мы не станемъ опускать рукъ, какими бы благовидными и крѣпкими ни казались сѣти лжи и невѣрія, опутывающія бѣдныя человѣческія души. «Тотъ, Кто въ васъ, говоритъ намъ Іоаннъ Богословъ, больше того, кто въ мірѣ» (1 Іоан. IV, 4.). Въ Господѣ нашемъ, содѣлавшемся для спасенія грѣшныхъ и заблуждающихъ людей человѣкомъ и умершемъ на крестѣ за вины ихъ грѣховъ и заблужденій, можемъ найдти довольно силы достать и вашихъ невѣровъ; только бы достало у насъ доброй воли искать ихъ, а у нихъ добросовѣстнаго отношенія къ истинѣ. Признаюсь вамъ,—случается и мнѣ тоже впадать въ унынie, но собственно отъ невниманія и нелюбви людей къ дѣлу истины, отъ страннаго и вмѣстѣ упорнаго нехотѣнія однихъ, даже призванныхъ къ служенію истинѣ, содѣйствовать ея раскрытію и даже вникнуть въ нее, отъ совершеннаго равнодушія къ ея дѣлу другихъ, заключившихся въ кружки своихъ школъ и партій, отъ сожженной совѣсти иныхъ, которые

видя не видятъ и слыша не слышатъ, а только фанатически извращаютъ и хулятъ внушаемую имъ истину. Съ людьми такого рода ничего не подѣлаешь, развѣ кромѣ только того, чтобы рѣшиться тебѣ съ Іоною быть поверженнымъ въ грозящее пагубою море всякихъ опасностей, въ томъ духѣ прообразованнаго Іоною Христова самопожертвованія, какъ будто ты-то именно и виноватъ въ пренебреженіи и попраніи Христовой истины и благодати. Но вы, кажется, имѣете дѣло съ людьми, хоть и слишкомъ отдаленными отъ истины, но любящими ее. Ободритесь же! То самое, что вы не закрыли отъ себя дѣйствительной или кажущейся ихъ твердости и собственной немощи, есть уже добрый признакъ. Видно, что вы не прочь принять ратоборство не съ какими нибудь легкими набѣгами лжи, но съ развернутыми ея силами, и сила Господня совершится въ вашей немощи.

Ради Господа помогите моей немощи, — просилъ молодой священникъ, примѣтно уже повеселѣвшій отъ ободрительныхъ словъ о. Іоанна.

— Дѣло Христовой истины и вразумленія въ ней людей, отвѣчалъ о. Іоаннъ, есть наше общее дѣло. Поэтому позвольте ужь мнѣ не то, чтобы помогать вамъ въ вашемъ дѣлѣ, а заняться имъ, какъ собственнымъ моимъ дѣломъ. Такъ-то будетъ лучше и свободнѣе намъ обоимъ. Надо намъ прежде всего поставить на видъ себѣ и этимъ людямъ, съ которыми у насъ дѣло, что есть еще общаго у насъ съ ними: надо и стать на эту среднюю между обѣими сторонами и общую имъ обѣимъ среду. Тогда и можно будетъ повести дѣло такъ, чтобы

понимать другъ друга и убѣдительно для обѣихъ сторонъ выяснять истину.

Что же общаго у насъ съ этими раціональными невѣрами, съ ихъ независимымъ самозаконіемъ?—возразилъ молодой священникъ.

— Что общаго?!—замѣтилъ о. Іоаннъ съ грустною задумчивостію. Прежде, чѣмъ отвѣчать на это, хотѣлось бы мнѣ обратить ваше вниманіе вотъ на что: знаете ли, отъ чего это бываетъ та жалкая странность, что на насъ, владѣющихъ во Христѣ полнымъ, солнечнымъ свѣтомъ истины, люди, не болѣе какъ предощущающіе истину, смотрятъ иногда съ такою улыбкою, какъ будто взрослые на дѣтей, и что при этомъ даже мы сами, въ глубинѣ своей души, невольно какъ-то сознаемъ или чувствуемъ въ себѣ слабость маленькихъ ребятъ? Это бываетъ отъ того, что предощущающіе-то истину, случается, гораздо болѣе предощущаютъ въ ней, чѣмъ сколько мы, владѣющіе истиною, выяснили ее себѣ. Слыша чутьемъ истины многое такое, чего мы въ истинѣ еще не слышимъ и не разумѣемъ, естественно имъ въ иной разъ махнуть на насъ рукою, какъ на недорослей; и собственная наша совѣсть подтверждаетъ это послѣднее.

Пожалуй, что такъ, — проговорилъ молодой человѣкъ, вспыхнувъ стыдливо. И такъ, прежде вразумленія другихъ въ Христовой истинѣ, видно, надо вразумить въ ней еще меня самаго. Выясните мнѣ, что такое въ истинѣ Христовой ощущается этими людьми, о которыхъ я говорилъ вамъ, и что по этому, видно, и составляетъ общую у нихъ съ нами мысленную среду.

— Вы знаете, отвѣчалъ о. Іоаннъ, что, по силѣ истины Христовой, «духовный (т. е. разумѣющій и содер-

жащій и умственно и практически раскрывающій Христову истину въ живой ея силѣ, въ силѣ самаго Святаго Духа истины) судитъ о всемъ, а о немъ никто судить не можетъ» (1 Кор. II, 15). Спрашивается: не говорю ужь — выдерживаемъ ли мы, а только хоть имѣемъ ли мы въ виду такую духовную властительность и независимость истиннаго духовнаго? Напротивъ, относительно особенно истины, мы, по званію духовные, не держимъ ли себя въ духѣ своемъ слишкомъ стѣсненно, едва по слуху зная, что̀ такое—власть имѣть въ дѣлѣ мысли и слова объ истинѣ? А вотъ это независимое и властительное духовное настроеніе, по дѣлу истины, и предощущаютъ [1]) нѣкоторые господа, совсѣмъ еще незнающіе дѣйствительной истины. Основаніемъ къ этому служитъ именно то, что, по слову Божію, духъ истины отъ Агнчей благодати разносится во всю землю (Апок. V, 6), касаясь по крайней мѣрѣ, вершинъ духа всякаго человѣка грядущаго въ міръ (Іоан. I, 9); а воспріимчивость упомянутыхъ господъ къ ощущенію особенно означенныхъ сторонъ силы истины объясняется изъ особеннаго интереса, полагаемаго ими въ знаніи, въ овладѣніи истиною. Такимъ образомъ и происходитъ, что, предощущая свойственную Духу истины независимость и и даже властительность, и въ то же время видя явную вашу духовную стѣсненность и какую-то трусость по дѣлу истины, эти господа естественно признаютъ за собою какое-то превосходство предъ вами; а вы, чувствуя въ своей совѣсти собственную несостоятельность предъ

---

[1]) Предощущаютъ прежде разумѣнія и принятія истины темно, безотчетно ощущаютъ ту или другую ея сторону.

силою истины, естественно же и даже невольно смущаетесь предъ ними, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ имъ какое-то превосходство надъ вами.

Это непремѣнно такъ, — съ горячностію откровенности сознался молодой священникъ. — Какъ же быть-то мнѣ?

— Прежде всего, разумѣется, надо устранить мнимое превосходство этихъ людей надъ священникомъ Бога Вышняго, отвѣчалъ о. Іоаннъ. Для этого станьте въ духѣ своемъ сначала только въ уровень съ ними, — именно въ эту, общую имъ съ вами, среду ощущенія (у васъ даже отчетливаго сознанія) властительной независимости, дѣйствительно свойственной Духу истины, а потому не чуждой и общникамъ Духа. Это вѣдь слово Божіе, что «духовный судитъ обо всемъ, а его никто судить не можетъ». Вотъ вы, въ своемъ духѣ и сердцѣ, и остановитесь на этой молитвенной мысли вѣры: истинно принадлежитъ Тебѣ, Царю небесный Духъ истины, Духъ Христовъ, божественная независимость и властительность, общеніе въ которой, по дѣлу истины, даруешь ты и предающимся всецѣло Тебѣ, истинно вѣрующимъ во Христа, какъ въ самую истину; эти люди предощущаютъ, но только не понимаютъ, или слишкомъ неразумно, поребячески понимаютъ вѣяніе Твое же, и ихъ касающееся. Видите, вы только хотѣли бы стать въ общую нравственную среду или уровень съ вашими совопросниками, какъ, вникая въ этомъ въ сущность дѣла, имъ невѣдомую, а вамъ открытую во Христѣ, вы уже видите за собою духовное превосходство надъ ними, дѣйствительно вамъ принадлежащее. И чѣмъ больше будете вдумываться и входить въ силу истины о независимости и даже власти-

тельности Духа истины сообщаемаго истинно-вѣрующимъ во Христа; тѣмъ болѣе будете сознавать и чувствовать, что именно вамъ дано, въ отношеніи къ нимъ, превосходство надъ ребятами, или легкою молодежью, человѣка болѣе зрѣлаго духовнаго возраста. Они сами это вполнѣ сознаютъ, когда наконецъ истину узнаютъ; они почувствуютъ это тотчасъ же, какъ только въ васъ твердо обоснуется означенное духовное воззрѣніе и расположеніе. Такъ, дѣло-то ваше, ваше положеніе въ отношеніи къ нимъ понемножку, а можетъ быть и заразъ, приметъ совсѣмъ другой оборотъ, противоположный настоящему вашему положенію. А въ предостереженіе отъ искушенія самомнѣнія и духовной вознесливости надъ подобными господами у васъ вѣрное средство—устремляться мыслію и чувствомъ своимъ къ самому Христову Духу, Духу истины, которому существенно одному принадлежитъ властительная независимость—входить въ извѣстное вамъ, человѣколюбивое до смиреннѣйшаго самоотверженія и самопожертвованія, настроеніе Христова Духа.

Молодой священникъ весь обратился въ размышляющее и озабоченное вниманіе къ о. Іоанну. Послѣдній продолжалъ:

— Твердо ставъ въ такое положеніе духовное, о которомъ сейчасъ мы говорили,—и ведите ваше святое евангельское дѣло съ извѣстными вамъ господами, ведите шагъ за шагомъ безъ торопливости и съ строгимъ безпристрастіемъ, наблюдая, чтобы ни лжи ни въ чемъ не потакать, ни (это болѣе всего) оскорблять и не порицать, не отрицать въ нихъ чего нибудь, идущаго къ истинѣ или отъ нея происходящаго. «Прошло для

человѣка, говорятъ они, время водиться внѣшними законами и внушеніями добра.» Вы скажете, что по, смыслу православнаго христіанства, такое время прошло для человѣчества уже очень давно; оно прошло вмѣстѣ съ ветхимъ завѣтомъ, порабощавшимъ человѣка внѣшнимъ повелителямъ и приставникамъ (Гал. IV, 2. 3). Но при этомъ поставьте на видъ и, во имя истины и основательной разумности, твердо требуйте, чтобы «святыня, какъ они выражаются, внутренняго самозаконія, безъ котораго немыслима истинная духовная свобода», была дѣйствительною святынею, а не самоосквернѣніемъ и самообольщеніемъ,—была свято обоснована на твердой истинѣ, оправдана съ отчетливою разумностію. Итакъ спросите вашихъ совопросниковъ, на чемъ основывается ихъ внутреннее самозаконіе? Не на подчиненіи ли этихъ внутреннихъ законовъ человѣка ему самому, какъ ихъ законодателю и верховному судіи? Но человѣкъ, по всему порядку и ходу его самоопредѣленія и самоуправленія внутренняго, самъ подчиняется внутреннимъ своимъ законамъ, логическимъ ли, нравственнымъ ли, — подчиняется до того, что, сколько бы ни натягивался на противологическое развитіе своей мысли, какъ на нормальное, или на оправданіе безнравственнаго своего движенія и дѣйствія, рѣшительно не можетъ этого сдѣлать по своему самозаконію. Можетъ, пожалуй, человѣкъ перетолковать тотъ или другой законъ своего духа въ извѣстномъ отношеніи, но и въ этомъ случаѣ онъ поставляетъ законъ, какъ свято обязательный для себя; а себя—какъ непреложно обязаннаго закономъ. Слѣдовательно наше самоопредѣленіе и самозаконіе внутреннее, во всякомъ случаѣ, таково, что законодательство и судейство

въ немъ выше насъ самихъ и властвуетъ надъ нами, а не въ нашей власти состоитъ и не отъ нашего самомыслія и самоволія зависитъ. Въ чемъ же тайна этого, высшаго насъ и властвующаго надъ нами по внутреннему нашему самозаконію, законодательства и судейства? Для насъ, вѣрующихъ во Христа, она раскрыта со всяческими удостовѣреніями въ истинности этого раскрытія, удостовѣреніями и чрезъ внѣшнія данныя, свидѣтельствующія о высочайшемъ и всесвятомъ достоинствѣ Законодателя и Судіи нашего [1]), и чрезъ внутреннія опыты духа человѣческаго, подчиняющагося и слѣдующаго прямо Духу Христову, Духу Божію, и за то сообщающагося такой Его независимости и властительности, чтобы «судить обо всемъ и не быть судимымъ ни отъ кого», съ готовностію въ тоже время поработить себя всѣмъ и для всѣхъ быть всѣмъ своею любовію (1 Кор. IX, 19. 22). А для невѣдающихъ или чуждающихся Христа тайна законодательства и судейства, въ нашемъ внутреннемъ самозаконіи, остается невѣдомою; а потому святыня внутренняго самозаконія оказывается у нихъ не оправданною; а потому духовная ихъ свобода и независимость не возвышается рѣшительно, съ отчетливою разумностію, надъ незнающею закона самопроизвольностію, неизбѣжно ведущею къ противозаконной и тиранической надъ другимъ разпузданности, — не обезопашивается отъ самообольщенія, принимающаго за истину ложь и наоборотъ

---

[1]) Таковы данныя—очевидная святость и духовная животворность ученія Христова, дѣйствія Христова всевластія и всевѣденія. Открытое явленіе послѣдняго см. въ третьей статьѣ книги моей «Печаль и радость по слову Божію».

истину за ложь, какъ все это видно и само по себѣ, и извѣстно изъ опытовъ.

«Прошло время, говорятъ ваши совопросники, мечтательнаго мистицизма, покоющагося въ сумракахъ вѣры; настало время разумной во всемъ отчетности». Принимать что-либо на темную вѣру, мечтать въ мистицизмѣ, скажете вы, мы ни въ какое время не согласны; въ недостаткѣ разумной отчетности вы не обличите православной вѣры, какъ этотъ недостатокъ оказывается уже у васъ относительно всего внутренняго, умственнаго и нравственнаго, самоуправленія духа человѣческаго. У васъ, скажете вы этимъ господамъ, не достаетъ самаго основанія къ разумной отчетности. Вы, чуждаясь Христа, не знаете, на чемъ держится въ насъ правота самыхъ требованій и законовъ разумной отчетности; вы, потому, не можете доказать себѣ даже самимъ, что ваша разумная отчетность не есть мечтательность и самомнѣніе. Мы же знаемъ въ законахъ разумности требованія самаго Бога Слова вседержавнаго, достаточно оправдавшаго уже себя въ значеніи нашего высочайшаго Законодателя; потому дѣло разумной отчетности у насъ обосновано божественно-твердо и верховно-разумно, и мы по этому дѣлу не себѣ своеправно угождаемъ, а управляемся, въ существѣ и основаніи дѣла, самимъ Законодателемъ разумности, дающимъ намъ Себя для внутренняго нашего усвоенія.

Далѣе, тайна всемірнаго бытія, какъ дѣло самобытнаго и всеблагостнаго всемогущества, подъявшаго отъ сложенія міра на Себя же и вольно-грѣховныя его пестроенія или разрушительныя невѣрности законамъ бытія — эта тайна есть вся свѣтъ. — Она есть свѣтъ

какъ по внутренней ея сообразности и гармоніи самой съ собою, такъ и просвѣщенію ею нашего ума и сердца, по разрѣшенію ею всякихъ существенныхъ вопросовъ и тяжелыхъ нашихъ затрудненій относительно насъ самихъ, міра и характера его бытія. Она есть свѣтъ какъ по торжественнымъ и чрезвычайнымъ знаменіямъ своей истинности [1]), непрестающимъ и донынѣ, такъ и по оправданію ея самою жизнію міра, явно лежащаго во злѣ и обладаемаго смертію и тлѣніемъ, однакожь совершающаго движеніе впередъ чрезъ раскрытіе жизненности и изъ самой смерти, чрезъ такое же непостижимое превозможеніе, съ продолженіемъ времени, добра надъ зломъ. Обвинять въ мечтательности за принятіе вѣрою такой тайны, столько свѣтлой и все освѣщающей, особенно все существо человѣка просвѣтляющей и выясняющей, столько оправдавшей и оправдывающей себя предъ самымъ міромъ, было бы очевидною несправедливостію, мечтательною неосновательностію. Теперь пусть ваши умствователи обратятъ вниманіе на себя самихъ, на свойства таинственности, остающіяся и у нихъ, «истинной таинственности», какъ говорятъ они. Остановиться ли просто на прямомъ и открытомъ невѣденіи тайны самаго основанія и происхожденія бытія, изъяснять ли эту тайну явною уже для современниковъ мечтательностію трансцендентализма, замѣнять ли разрѣшеніе этой тайны выясненіемъ, по возможности, существующихъ явленій, и вообще всякихъ данныхъ, и отъ ближайшихъ

---

[1]) Таково знаменіе, напримѣръ, жизненная, чудодѣйственная нетлѣнность мертвенныхъ останковъ людей святыхъ, даже почти изъ современниковъ нашихъ, какъ св. Тихонъ. Это вѣдь факты же.

ихъ причинъ восходить къ дальнѣйшимъ, безъ возможности впрочемъ и безъ надежды добраться до основной для всего причины во всемъ безконечномъ ряду причинъ этого рода,—все это значитъ оставаться при совершенно темной тайнѣ бытія, неотрицаемой только по невозможности ее отрицать, но и принимаемой на совершенно тупую и темную вѣру въ неизбѣжную «истинную таинственность». А отъ разрѣшенія этой тайны зависитъ и выясненіе основанія и существа истины, и раскрытіе тайны добра, а отъ этого и все для человѣка. Итакъ оставаться безъ разрѣшенія этой тайны значитъ для человѣка оставаться въ совершенной темнотѣ, простирающейся и на нравственность, потому что невѣдома самая тайна добра,—и на самыя свѣдѣнія о чемъ-бы то ни было, потому что, не зная основной тайны бытія, сколько бы вы ни изучили и ни разъяснили-бы предметъ какой-бы то ни было, онъ въ своемъ основаніи и сущности для васъ—непроницаемая тьма,—наконецъ и на всю бытовую жизнь, какъ построеваемую уже ни на чемъ безъ вѣдѣнія существеннаго на все основанія. Не касаюсь ужь истинно адской темноты по вопросу о всяческихъ страданіяхъ и злополучіяхъ, злотворностяхъ бытія нашего и мірскаго. А претендовать и посягать на разрѣшеніе тайны бытія изъ невладѣющей этою тайною, а только развѣ предощущающей ее, мысли человѣческой—значитъ уже завѣдомо мечтать. «Истинная таинственность» слышится и видна, какъ неразрѣшимая! Между тѣмъ у насъ и тайна остается, и она есть свѣтъ истины. Тайна тайнѣ рознь: тайна самобытности Божіей и всемогущества творческаго необъяснима, но вполнѣ понятно, что Самобытный не можетъ и существовать иначе, какъ Самъ Собою,

и что Всемогущему просто дать бытіе всему; тайна любви, вземлющей грѣхи міра, непостижима, но очень понятно, что любви свойственно носить чужія бремена; а вотъ такія тайны, что все просто есть и можетъ быть само собою безъ вѣдомаго основанія, что просто самъ собою идетъ въ мірѣ прогрессъ жизни и добра, раскрывающійся изъ самыхъ проявленій смерти и зла, эти тайны—или явныя несообразности и нелѣпости, или только еще вопросы, требующіе разрѣшенія. Такимъ-то образомъ все лучшее разумное, на что извѣстные господа претендуютъ, оказывается именно у насъ вѣрующихъ во Христа, а за ними и остается то именно худшее, неразумное, отъ чего они сами отворачиваются.

Что касается до геологическаго изученія фазисовъ, какъ ваши господа говорятъ, земнаго бытія,—мы очень рады этому, какъ и вообще всякому выясненію истины. Только для основательнаго выясненія геологической истины необходимо разсматривать геологическія данныя не съ одного конца, ближайшаго къ нимъ, а съ обоихъ концовъ,—не только съ задняго, а и съ передняго, восходящаго къ самому началу земли, когда было мѣсто для многихъ условій бытія, теперь уже неумѣстныхъ. Въ противномъ случаѣ, и въ геологію открывается широкая дверь односторонности и гигантски-мечтательнымъ гипотезамъ, наперекоръ наглядно-опытному ея характеру. Но начало бытія, а съ нимъ и первобытное состояніе земли, а съ тѣмъ и условія первыхъ временъ земнаго міра, открыты для вѣдѣнія у насъ, а невѣдомы, неизбѣжно темны для чуждающихся Христовой истины. Итакъ, должная основательность и вѣрные успѣхи даже геологіи—еще предметъ желаній и надеждъ, которыя исполнятся не иначе, какъ когда и геологія войдетъ въ область Христова же свѣта.

Я вамъ только намѣчаю суть дѣла вашего съ извѣстными вамъ представителями (сказать бы—жертвами) довольно уже давней духовной и умственной закваски или болѣзни просвѣщенія европейскаго. Но вы ужь сами все пережуйте, переварите въ вашу мысленную плоть и кровь. Знайте при этомъ, что по этому дѣлу вопросъ собственно о томъ, чтобы не разрушать и губить, но довершить, увѣнчать, спасти отъ заблужденій и отъ самаго ихъ духа зданіе европейской цивилизаціи; и такимъ образомъ чтобы и намъ православнымъ Русскимъ въ общечеловѣческую сокровищницу, столько уже принявшую въ себя отъ энергической духовной разработки и выясненія самыхъ истинъ вѣры востокомъ православнымъ, отъ многотрудной работы надъ мыслію и жизнію со стороны запада неправославнаго, внести посильную долю и отъ ввѣренныхъ намъ талантовъ на послуженіе и востоку и западу. Ей; не одни живые, но и отшедшіе въ другую жизнь ждутъ разрѣшенія многовѣковыхъ запутанностей и трудностей взаимнаго между востокомъ и западомъ дѣла, какъ связаннаго съ существенными интересами не только настоящей, но и особенно загробной нашей жизни [1]). Но помните и смотрите, чтобы вамъ, по этому дѣлу, не опускать ни на минуту изъ виду, а не отступно держаться Самаго Господа, единаго Творца и наставника умовъ и сердецъ въ ихъ живыхъ глубинахъ. Съ Нимъ однимъ только можно замѣчать и отражать, даже предотвращать, лукавые и недобросовѣстные извороты

---

[1]) Не распространяемся здѣсь болѣе объ этомъ; такъ какъ прочитавшій съ разсужденіемъ предъидущіе разговоры уже достаточно могъ выяснить себѣ этотъ предметъ.

противящагося ему направленія. Искренняя же и честная любовь къ истинѣ ужь на Его сторонѣ, даже и у незнающихъ Его.

— Очень благодаренъ я вамъ за ваше (вижу) искренне заботливое участіе ко мнѣ и моимъ затрудненіямъ, — отвѣчалъ съ чувствомъ молодой священникъ, глаза котораго, въ продолженіе всей длинной тирады рѣчей о. Іоанна, внятно говорили не только о его вниманіи, но и о той мысленной работѣ, что онъ, такъ сказать, на лету схватывалъ и обращалъ въ свою собственность мысли о. Іоанна. —Мнѣ понятно и ясно, только надо въ этомъ мнѣ увѣрить и моихъ извѣстныхъ прихожанъ, что если нелицемѣрно, не на словахъ только, дорожатъ они святынею внутренняго самозакопія, безъ котораго не мыслима истинная духовная свобода и самостоятельность, если искренно и честно взялись они за задачу все выяснять здравымъ смысломъ и все выводить на дѣйствительно солнечный свѣтъ разума или знанія, отстаивая въ томъ самое существо своей человѣчности—свободную разумность: то именно поэтому и для этаго имъ и слѣдуетъ узнать и принять въ свою мысль и волю Христа. Иначе внутреннее самозакопіе ихъ — путь къ внутреннему и внѣшнему беззакопію; а вмѣсто здраваго смысла и солнечнаго свѣта знаній—у нихъ только застарѣлая болѣзнь ума и непроходимая темнота во всемъ обиліи знаній. И кромѣ того, въ этомъ случаѣ, Русскіе измѣняли бы не только православному востоку, но и самому западу, останавливая и преграждая прямое движеніе впередъ дѣла равно ихъ обоихъ, вывѣтриваясь сами до неспособности и безсилія послужить общечеловѣческому благу своею духовною особностію и свойственною этой особности раз-

работкою ввѣренныхъ имъ благодатныхъ талантовъ. Все это я понимаю, и Самъ Господь поможетъ мнѣ глубже и живѣе войти въ смыслъ и силу всего этого. Но вотъ вы не коснулись чудесъ?

(Видно, что молодому священнику особенно часто приходилось говорить о чудесахъ съ его совопросниками).

— Я думалъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, что нѣтъ ужь и нужды говорить о нихъ прямо или особо послѣ всего, о чемъ мы говорили. Дѣло у васъ въ разности и противорѣчіяхъ съ людьми современной, какъ они думаютъ, мысли—не по взгляду на чудо, а по всецѣлому образу воззрѣнія. Другими словами: разность въ томъ, стоитъ ли міръ и достигаетъ своего назначенія самъ собою вѣчно, или поставленъ и всегда держится въ бытіи и возстановляется въ должную стройность своего бытія вышемірнымъ и однако нисходившимъ въ самый порядокъ міра, и притомъ низменнаго земнаго, Вседержителемъ. По нашему непонятенъ, нелѣпъ и невозможенъ тотъ мнимый порядокъ бытія, будто бы все въ мірѣ, очевидно-измѣнчивое, возникающее и преходящее, стояло однако само собою; будто, потому, и духъ человѣка, въ самомъ своемъ внутреннемъ самозаконіи сознающій что-то высшее себя, властительное и непреложно обязательное въ отношеніи къ себѣ, самъ однако собою и изъ себя живетъ и развивается для изчезновенія въ недѣлимыхъ — во всѣхъ и каждомъ. Тутъ есть же, говорятъ, неизбѣжная «истинная таинственность» или необъяснимость, какъ это въ мірѣ все стоитъ или идетъ само собою, возникая и изчезая; а мы видимъ, что такая таинственность есть мракъ внутренняго себѣ противорѣчія, мракъ и невѣдѣнія и нелѣпости, вводящій человѣка, по

сущности дѣла, въ невѣденіе же и нелѣпость во всемъ. По нашему, все, что есть и можетъ быть и по простому и понятному для разума порядку бытія, по простымъ и понятнымъ законамъ и условіямъ бытія, все это есть и можетъ быть по основной для всего (положительно или попустительно) силѣ Божія всемогущества или вседержавія дѣйствующаго притомъ въ духѣ любви вземлющаго грѣхи міра Христа, какъ закланнаго въ мысли Божіей уже отъ сложенія міра Божія Агнца. Чудо есть только открытое проявленіе этой силы, дѣйствующей и вообще въ порядкѣ всего сущаго и возможнаго. Доказательность нашихъ указаній на чудеса имѣетъ такой смыслъ предъ противниками нашими: «вы говорите, что все есть и можетъ быть само собою, и не представляете и не можете представить ни одного факта въ доказательство этого; вы ни измыслите и не сдѣлаете въ мірѣ ничего новаго самобытнаго; всѣ чудеса вашихъ открытій и изобрѣтеній только суть употребленіе готоваго и дѣйствіе существующихъ силъ: все это идетъ болѣе противъ васъ, чѣмъ за васъ, показывая наглядно, что, видно, ничего не совершается само собою, когда нѣтъ возможности достигнуть явленія хоть порошинки, возникающей самой собою. Но вотъ мы вѣруемъ и говоримъ, что все въ мірѣ стоитъ Божіею силою, обосновываясь на самопожертвованіи за міръ самаго зиждительнаго Бога Слова Христа. И вотъ вамъ въ доказательство этого—чудеса, открытыя и прямыя явленія такой, дѣйствующей въ порядкѣ сущаго и возможнаго, силы: Господь и лично, по неопровержимымъ свидѣтельствамъ, по свидѣтельствамъ и вашей стороны, и въ своихъ сообщникахъ по вѣрѣ, въ самыхъ даже мер-

твенныхъ ихъ останкахъ, открыто предъ всѣми совершаетъ угодное Ему къ просвѣщенію людей заблуждающихъ, къ уврачеванію болѣзней, къ оживленію мертвости, совершаетъ только дѣйствіемъ Своего опредѣленія или даже и нашей вѣры, входящей въ соучастіе Его мысли и силы». Да нѣтъ, говорятъ, это дѣла въ простомъ порядкѣ вещей; да и мы говоримъ, что они проявляютъ вседержавную силу, дѣйствующую и въ простомъ порядкѣ. Когда нибудь, говорятъ, объяснится, что эти явленія бываютъ также, какъ и вообще міръ идетъ; да и мы говоримъ, что носящая міръ сила и мысль Вседержителя раскроется въ немъ, какъ и въ чудесахъ, наконецъ самымъ наглядным и даже несравненно нагляднѣйшимъ и открытымъ образомъ, когда будетъ Богъ всяческая во всѣхъ (1 Кор. XV, 28). Да нѣтъ же, говорятъ, наука откроетъ когда нибудь, что эти чудеса — не чудеса. То есть, чудеса—не дѣла Христа лично или вѣры въ Него, дѣйствующаго по Своему всевластію?! Это откроетъ когда нибудь наука?? Въ самомъ дѣлѣ, видно, когда нибудь наука или въ ней умъ такъ зайдетъ за разумъ, что извѣстный фактъ или явленіе перестанутъ для него быть этимъ фактомъ или явленіемъ, а ужь они же будутъ что-то другое, явленіе напримѣръ свѣта превратится въ явленіе мрака, доброта окажется злостью и проч. Какъ разсуждать и спорить противъ этого? Предъ подобными противниками открыты факты: эти люди могутъ всячески испытывать свидѣтельство объ этихъ фактахъ и иногда даже видѣть, осязать ихъ (напримѣръ фактъ Христовой мысли, заранѣе обнявшей въ Апокалипсисѣ судьбы міра и церкви христіанской), и однако толкуютъ, что и такіе факты окажутся совсѣмъ

другими предъ наукою. Такихъ противниковъ, закрывающихъ глаза отъ истины и подъ личиною науки допускающихъ логическую даже нелѣпость и невозможность, надо ужь, конечно, оставить; тутъ ничего не подѣлаешь. Знаемъ мы, какъ у этихъ людей наука объясняетъ чудеса; обращаетъ ихъ или въ вымыслы или въ дѣйствія обмана: такое обхожденіе съ фактами достойно ужь не науки, а развѣ какого нибудь духовнаго звѣря. Но и то— пріобрѣтеніе для истины, когда извѣстное направленіе мнимо-раціональнаго упорствующаго невѣрія выведено будетъ наконецъ на чистую воду, какъ именно убивающее людей звѣрство.

Не дай Богъ, отвѣчалъ молодой священникъ, дойдти мнѣ въ своемъ дѣлѣ только до такихъ результатовъ.

— Подумайте же возразилъ о. Іоаннъ, этого ли только хочетъ отъ насъ и нашего дѣла самъ Спаситель заблуждающихъ грѣшниковъ, душу Свою за нихъ положившій? Дѣйствуйте и вы въ такомъ же духѣ, и можетъ быть, Господь дастъ вамъ пріобрѣсти заблуждающія души чрезъ обнаруженіе того, что направленіе невѣрія Ему совсѣмъ не есть научное или происходящее отъ разумной отчетливости, но есть дѣйствительно духъ противоразумнаго и человѣкоубійственнаго звѣрства.

II.

Послѣ краткаго молчанія юный пастырь опять заговорилъ о своихъ духовныхъ заботахъ:

А вѣдь, вы знаете, у меня есть и протестантъ-нѣмецъ и римская католичка, люди добрые и искренно вѣрующіе во Христа, любящіе Его; потому-то, можетъ

быть, они съ любовію обыкновенно принимаютъ меня и ласково удерживаютъ побыть у нихъ подолѣе. И виноватъ я, — мнѣ жалко смущать ихъ души обличеніями ихъ неправомыслія.

— Понимаю васъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ. Но все же помните, что эти души хотя и живутъ въ надежной противъ враговъ крѣпости искренней вѣры и любви къ Спасителю, но все же эта духовная ихъ цитадель имѣетъ нѣкоторыя отверстія, извѣстныя врагамъ, а самимъ этимъ христіанамъ кажущіяся, пожалуй, особенною прочностію ихъ крѣпостцы. Потому-то въ словѣ Божіемъ и сказано о допускающихъ, на основаніи вѣры во Христа, разныя неправомысленныя построенія, что они сами, хотя и могутъ спастися, но какъ изъ огня (1 Кор. III, 13—15), т. е. какъ духовно-обгорѣлые, подвергавшіеся смертельнымъ опасностямъ. Подумайте-ка, какое неисчислимое множество христіанскихъ душъ перешло и въ другую жизнь въ такихъ смертельныхъ опасностяхъ отъ губительства своего неправомыслія. Эти души, можно сказать, вопіютъ къ имѣющимъ ухо слышать, чтобы не косnили мы раскрывать живой свѣтъ православія для имѣющихъ несчастіе быть неправомысленными, при самой ихъ добротѣ и искренней вѣрѣ въ Спасителя.

Что же мнѣ дѣлать съ этими добрыми людьми?

— Имѣйте въ виду самый духъ заблужденія папства или протестанства и дѣйствуйте именно противъ этого духа. Я надѣюсь, что по вашимъ молитвамъ, дастъ вамъ Господь добрый и благопріятный часъ — объяснить протестанту и римской католичкѣ спасительную истину съ должною прямотою, а вмѣстѣ и съ бережностью къ этимъ добрымъ душамъ. Именно вы постараетесь поставить

на видъ протестанту, что вѣрной любви къ Господу слѣдуетъ и свойственно, особенно въ прямомъ дѣлѣ вѣры, держаться и слушаться самаго Господа, что по-своему или самочинно, а не по Господу, мыслить и распоряжаться относительно дѣла вѣры и церкви Христовой значитъ богопротивно посягать на то, чтобы благодатное Христово тѣло, какъ церковь прямо называется въ св. Писаніи, управлялось, двигалось, устраивалось, вообще одушевлялось, не самимъ Христомъ или Духомъ Его, а нашею мыслію и волею, личною ли или общественною. Сколько бы лично кѣмъ или цѣлымъ, хоть бы самымъ громаднымъ, обществомъ допускалось такое дерзкое посягательство на подчиненіе себѣ дѣла Божія и притомъ самаго даже тѣла Господня, возглавленнаго Имъ лично въ Самомъ Себѣ (см. Ефес. I, 22. 23), столько допускалась бы или принималась бы такимъ или такими вѣра уже не во Христа, а вмѣсто Его въ себя самихъ, въ свою мысль и волю. А это значитъ прямо открывать двери тому мнимо раціональному направленію невѣрія, или хульнаго отрицанія и безсовѣстнаго извращенія всего Божіяго, о которомъ только-что передъ этимъ мы говорили между собою, какъ именно о какомъ-то звѣрствѣ. Прежде всего развѣйте эти основныя мысли, противъ которыхъ искренняя вѣра и любовь къ Господу, конечно, не могутъ спорить. Потомъ уже, ставъ на общую съ лютеранином или протеста томъ точку зрѣнія, т. е. взявъ въ руки св. Писаніе, показывайте изъ него, что Господь самъ изъ Своихъ послѣдователей избралъ особыхъ учениковъ, отдѣливъ ихъ отъ другихъ даже именемъ (апостоловъ), съ назначеніемъ имъ быть ловцами человѣковъ (Мат. IV, 19.

Лук. IV, 13), или учить заповѣданному отъ Господа всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа (Мат. XXVIII, 19. 20); Онъ взиралъ на это учрежденное Имъ общество тайноводственныхъ [1]) руководителей спасаемаго человѣчества, какъ на учрежденіе постоянное во вѣкъ или непрерывное до скончанія вѣка, обѣщая пребывать съ ними Самъ въ силѣ Своего Святаго Духа (Тамж. 20. Іоанн. XIV. 16 слч. XV, 16), не давая однако имъ не только основанія, но и повода къ преобладанію другъ надъ другомъ и надъ другими, а напротивъ вводя ихъ въ собственный духъ послуженія и самопожертвованія для другихъ (Мат. XX, 25—28), открывая и вѣрующимъ словесе ихъ ради общую и равную съ ними благодать—быть всѣмъ въ Немъ и въ Отцѣ Его едино, какъ Самъ Онъ и Отецъ Его едино (Іоан. XVII, 21. 22). Это вы раскроете изъ самаго основнаго законоположенія христіанства — изъ святаго Евангелія. Сказавъ потомъ, что этому учрежденному отъ Господа чину строителей таинъ Божіихъ (1 Кор. IV, 1), назначенныхъ служить созиданію и приращенію Христова тѣла церкви (Еф. IV, 12. 16), состоящему изъ смертныхъ и притомъ могущихъ не устоять въ этомъ своемъ чину людей, очевидно нельзя быть непрерывнымъ до скончанія вѣка иначе, какъ восполняя себя также непрерывно до скончанія вѣка, — вы раскрываете слѣдующія за Евангеліемъ книги Новаго завѣта. И сей часъ же находите, что восполненіе этаго священнаго чина и открылось въ дѣйствіи немедленно

---

[1]) Совершающихъ таинства Божія, какъ св. крещеніе и другія, въ освященіе людей и вообще для приведенія ихъ ко спасенію.

по вознесеніи Господнемъ чрезъ церковное избраніе новаго апостола, на мѣсто отпадшаго іуды предателя (Дѣян. I, 26), съ подтвержденіемъ того же чрезвычайнымъ дѣйствіемъ Христовой благодати въ непосредственномъ Господнемъ избраніи Павла въ апостола и въ торжественномъ признаніи Его такимъ и другими апостолами (Гал. II, 7—9), чѣмъ вмѣстѣ поставлялось на видъ и совершенное равенство или безразличіе, предъ неприцепріятною Божіею благодатію этихъ первенствующихъ ея избранниковъ (Тамж. ст. 6). Вы покажете, что отчасти и это и особенно дальнѣйшее восполненіе учрежденнаго самимъ Господомъ общества таинноводственныхъ руководителей церкви и ихъ помощниковъ совершалось именно чрезъ апостольское или вообще церковнопастырское рукоположеніе избранныхъ на это служеніе Христовой истинѣ и благодати (Дѣян. VI, 6. XIII, 1—3. XIV, 23. 1 Тим. IV, 14) и упрочивалось въ церкви чрезъ врученіе зависящимъ отъ апостоловъ продолжателямъ ихъ дѣла того же благодатнаго права рукополагать избранныхъ въ это служеніе[1]) прямо именуемыхъ епископами, пресвитерами [1]) и діаконами (1 Тим. V, 22, III, 2. 8.

---

[1]) Изъ Дѣяній и посланій апостольскихъ видно, что, при жизни св. апостоловъ, преемственная апостольству епископская степень служенія не получила еще названія, строго разграничивающаго эту степень отъ пресвитерства (Дѣян. XX, 17. слч. 28. Филип. I, 1. 1 Тим. III гл. Тит. I, 5. 7). (чѣмъ, скажемъ мимоходомъ, удостовѣряется подлинность апостольскаго происхожденія этихъ св. книгъ; потому что уже у апостольскихъ мужей самыя названія этихъ священныхъ степеней уже строго разграничены, какъ въ посланіяхъ св. Игнатія Богоносца). Но что самая степень епископства строго разграничивалась по своему существу отъ пресвитерской степени, какъ священноначальственная отъ подчиненной, это ясно изъ того, что ап. Павелъ, пиша къ Тимоѳею и Титу.

19. Тит. 1, 5); причемъ твердо поставлялось на видъ, что всѣхъ такихъ дѣятелей церковнаго пастырства, начиная съ самихъ апостоловъ и близкихъ къ нимъ по чрезвычайности своего служенія, даетъ Самъ Господь (Ефес. IV, 11), изъ Котораго, по духу Его любви, развивается во всѣхъ своихъ членахъ все благодатное Его тѣло—церковь (ст. 16); почему и Самые высшіе изъ этихъ священныхъ дѣятелей, именно апостолы, всѣ дѣла и успѣхи своего служенія приписывали не себѣ, а Господу или благодати Божіей (1 Кор. XII, 10), рѣшительно чуждаясь всякаго преобладанія надъ вѣрою другихъ (2 Кор. I, 24) и вообще господства надъ наслѣдіемъ Божіимъ (1 Петр. V 3), а напротивъ поставляя на видъ не себя, но Христа Іисуса Господа, а себя сознавая рабами другихъ ради Іисуса (2 Кор. IV, 5), служащими тому, чтобы Христосъ былъ и въ прочихъ членахъ церкви, и всѣ бы возрастали въ мѣру полнаго возраста Христова и все бы возращали во Христа (Еф. III, 17 и сл. IV, 12—16), а потому и отвѣтственными за виновности другихъ противъ этого, какъ за свою вину (Апок. II. III). Такъ вы изъ самаго св. Писанія новозавѣтнаго покажете, что какъ самимъ Господомъ лично учрежденъ и обоснованъ, такъ чрезъ апостоловъ Господомъ же упроченъ и развитъ чинъ церковнаго пастырства, долженствующій дѣйствовать все же Самимъ Господомъ въ силѣ Его благодати и по духу Его любви, и потому служить не къ стѣсненію, а къ раскрытію

продолжателямъ апостольскаго дѣла въ Ефесѣ и Критѣ (1 Тим. I, 3. Тит. I, 5), внушаетъ имъ очевидно священноначальственныя права и обязанности относительно пресвитеровъ (1 Тим. VI, 17—20 Тит. I. 5 и сл.).

духовной во Христѣ самостоятельности и всѣхъ другихъ членовъ Христова церковнаго тѣла, и это все—до скончанія вѣка, до совершеннаго возращенія во Христа всѣхъ и всего въ Его церкви...

Раскрывъ все это предъ протестантомъ или лютеранином, такъ продолжалъ о. Іоаннъ, вы и спросите его: «есть ли, сохранился ли у васъ этотъ богоучрежденный чинъ церковнаго пастырства? Не чрезъ возмущеніе ли противъ него, не чрезъ отрицаніе ли его открывались и совершались ваши преобразованія христіанства? То правда, что и вы правы относительно римскаго католичества, насколько оно совмѣстничало съ главенствомъ надъ церковію и ее членами Самаго и одного Христа, насколько, потому, оно подавляло духовную во Христѣ самостоятельность христіанъ и вообще водилось явно не Христовымъ духомъ (что противно самымъ основаніямъ учрежденнаго Христомъ чина, ясно и рѣзко обозначенным, какъ мы видѣли и нарочно это поставляли на видъ, и въ евангеліи и во всѣхъ другихъ отдѣлахъ новозавѣтныхъ св. книгъ). Но вамъ не далеко было познать, что римское католичество есть уже уклоненіе отъ чистой Христовой истины и церкви, что церковь востока не допускаетъ римскаго самозваннаго главенства и смиренно соблюдаетъ богоучрежденный чинъ церковнаго пастырства, на такихъ его основаніяхъ и въ такомъ существѣ, какія обозначены въ словѣ Божіемъ и по какимъ духъ апостольства, дѣйствующій Самимъ Христомъ и Его духомъ, оказывается непрерывно живущимъ въ церкви отъ начала донынѣ, не порабощая себѣ наслѣдія Божія. Вы этого не хотѣли знать; ваши преобразователи сначала лично, а потомъ и увлеченныя ими об-

щества христіанскія, распорядились дѣломъ вѣры и церкви по собственному усмотрѣнію и изволенію, съ какимъ вы понимали и примѣняли самое слово Божіе, не справляясь съ дѣйствующимъ, по самому св. писанію, до скончанія вѣка духомъ Христовымъ въ преемственно восполняющемъ себя Христовомъ учрежденіи церковнаго пастырства. Ваши пасторы—довѣренные отъ васъ людей, а не отъ самаго Христа, не Его благодатные посланники. Вы разсудили вопреки самому св. Писанію, повѣрить лучше себѣ, нежели Христову, пребыванію и дѣйствію въ церкви до скончанія міра, повѣрить своей мысли и волѣ, нежели самому Господу. Съ этой стороны вы, дѣйствительно, растворили двери въ христіанство мнимо раціональному и фальшиво либеральному направленію невѣрія, отрицанія или перетолкованія всего Божіяго вопреки всякимъ и историческимъ и даже наглядным довынѣ даннымъ, которое прилично уже не человѣчеству разумному, а развѣ человѣконенавистному звѣрству. Вы не оправдаетесь съ этой стороны и не оградите себя отъ человѣкоубійственныхъ вліяній этаго духовнаго звѣрства, пока къ правой сторонѣ вашего дѣла не присоедините рѣшительнаго и всецѣлаго исправленія этой другой его стороны, ужасно мрачной и лживой. Двуличнымъ дѣло ваше не должно оставаться; иначе оно все будетъ фальшиво».—Вотъ что вы скажете протестанту, всячески стараясь уклоняться отъ пустыхъ и сварливыхъ словопреній, а для этаго не отрицать не оскорблять лучшей стороны — протестовъ противъ духа папскаго. Что касается до поставленія на видъ предъ нимъ правоты церкви православной, ради Господа возвышайте взоръ его надъ человѣческимъ, немощно-грѣховнымъ—къ Божію,

къ самой Христовой истинѣ и благодати, къ самому Господу въ Его церкви, какъ въ живущемъ Имъ одномъ тѣлѣ Его. Немощное, человѣческое можно указывать и въ области нашей церкви; но мы это немощное, человѣческое и не оправдываемъ, и отчуждаемъ сами отъ существа и духа св. церкви, въ которую вѣруемъ.

Ну, а относительно римскаго католичества, по вашему, какъ слѣдуетъ вести дѣло православному священнику?—спросилъ молодой священникъ старшаго, послѣ нѣкотораго молчанія и размышленія, вѣроятно, о вышесказанномъ.

— Опять дѣйствуйте противъ самаго духа и силы лжи, не тревожа и не унижая лучшаго, принадлежащаго истинѣ. Съ римскими католиками, кажется, особенно трудно начинать дѣло православному учителю; они не допускаютъ того свободнаго изслѣдованія, по которому лютеранинъ можетъ и самъ завести дѣло испытательнаго разсужденія о правотѣ собственной церкви. Римскіе католики, особенно католички (у васъ, говорите вы, римская католичка?), большею частію съ слѣпою горячностію стоятъ за верховный авторитетъ святаго отца (папы) и за римскія церковныя преданія, трепеща оскорбить святыню ихъ не то-что сомнѣніемъ въ ней, а самымъ желаніемъ основательно ее познать. Но ужъ и то важно для истины, что слѣпое убѣжденіе есть очевидный характеръ предубѣжденія и предразсудка; это и надо поставлять на видъ всякому, хоть сколько нибудь разсуждающему, римскому католику. Стойте и держите преданія, говоритъ апостолъ, имже научистеся или словомъ или посланіемъ вашимъ (2 Сол. II, 15); но самъ же нѣсколько повыше въ томъ же по-

сланіи предостерегаетъ и противъ бывшихъ уже въ апостольское время поддѣлокъ не только слова и посланія, или устнаго и письменнаго преданія, но и самаго духа, или боговдохновенныхъ состояній и духовныхъ внушеній: молимъ,... ни ужасатися (не смущаться) ниже духомъ, ниже словомъ, ни посланіемъ, аки отъ насъ посланнымъ, да никтоже васъ прельститъ ни по единому образу (ст. 1 — 3). Прекрасно и спасительно держаться св. Петра, но насколько въ немъ досягаемъ до силы этихъ о немъ словъ Христовыхъ: ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ей (Мат. XVI, 18), а не вотъ этихъ только: «поди отъ меня, сатана, ты мнѣ соблазнъ,» и проч. (ст. 23). Неужели заспоритъ противъ этаго самая горячая католичка, если тихо и осторожно, съ самимъ Господомъ, предложить ей слово? Заспоритъ въ первый разъ, но можетъ одуматься и разсудительно слушать васъ въ другой разъ.

Въ этотъ другой разъ вы поведете уже рѣчь о самомъ началѣ или принципѣ папства. Вы, разсуждая о папствѣ, безъ сомнѣнія уже сами примѣчали или понимали, какъ просто могло выродиться это заблужденіе изъ самаго чистаго и правомысленнаго, но сначала не довольно взвѣшеннаго и потому впавшаго въ послѣдствіи въ односторонность, послушанія духовному руководству, послушанія безъ всякаго сомнѣнія, съ отложеніемъ своей мысли и воли, послушанія до смерти, какъ самому Господу. Эта сторона въ отношеніи западныхъ христіанъ къ своему верховному епископу слышится духовному слуху; эту сторону вы признайте и

не тревожьте, на сколько есть въ ней истина. Немножко слышна эта же сторона дѣла даже въ притязаніяхъ папы на послушаніе ему не только своей ближайшей паствы, но и прочаго христіанскаго міра; потому что первенство мѣста и чести признано за римскимъ епископомъ вселенски-соборными правилами, а духовное первенство по мѣсту и чести не можетъ же быть только бездушною буквою, а непремѣнно предъявляетъ духъ подобающаго къ первомѣстному или первочтимому епископу отношенія прочихъ епископовъ и за ними всѣхъ христіанъ, отношеніе высшаго духовнаго чествованія, не возможнаго безъ особенной духовной внимательности. Не робѣйте ради самаго Господа, сторону — подходящую къ истинѣ и въ папствѣ, доводить до послѣдней степени возможнаго; это дѣлайте въ самомъ интересѣ истины противъ лжи, которая обыкновенно затаевается и ловко обороняется именно изъ-за покрывающей ее и обыкновенно наравнѣ съ неюже трактуемой стороны истины. Признавъ сторону истины, вы тѣмъ смѣлѣе, тверже и прямѣе будете ратовать противъ обезсилившей и извратившей истину лжи. Мы не думаемъ и не хотимъ, скажете вы римской католичкѣ, ослаблять и колебать ни обязанности духовнаго послушанія, ни права на него духовнаго пастырства вообще и римскаго пастыря въ особенности. Но сила духовнаго послушанія состоитъ въ томъ, чтобы и оказывающій и особенно принимающій такое послушаніе относили его въ своемъ духѣ прямо къ самому Господу, въ Которомъ одномъ наше спасеніе, а не просто только къ человѣку, какъ Господу. Иначе и оказывающій и принимающій духовное послушаніе оказались бы явно невѣрными усугубленному слову Хри-

стову, что одинъ нашъ наставникъ, одинъ нашъ учитель — самъ Христосъ (Мат. XXIII, 8. 10), а при невѣрности Христу неизбѣжно впадали бы въ заблужденіе. Пусть принимающій духовное послушаніе будетъ человѣкъ столь высокій и по своему нравственному достоинству и по священному призванію, какъ самъ апостолъ Петръ. На сколько онъ вѣренъ самой силѣ своего избранія: ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою и проч., этотъ высокій и священный руководитель поведетъ послушающихъ его, конечно, къ истинѣ, къ самому Господу, къ общему съ собою созиданію въ Немъ, какъ живыхъ каменьевъ, къ общенію ихъ и въ духѣ священства своего, къ чему именно и ведетъ ап. Петръ: къ Нему же (Господу) приходяще, камени живу... и сами яко каменіе живо зиждитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны благопріятны Богови Іисусъ Христомъ (1 Петр. II, 4. 5.). Но и подобный или равный Петру духовный рукокодитель не безопасенъ отъ возможности Петрова преткновенія, имѣвшаго при всей искренной въ томъ благонамѣренности Петра такую силу: иди за Мною, сатано, соблазнъ Ми еси, яко не мыслиши, я же суть Божія, но человѣческая. Куда въ такомъ случаѣ поведетъ этотъ руководитель слушающихъ его, какъ Господа? Ни искренность, ни благонамѣренность не охраняютъ въ этомъ случаѣ, какъ видите, отъ прямаго сатанинскаго соблазна. Такъ невѣрно и опасно духовное послушаніе, не возводимое прямо къ самому Христу! Но это еще слишкомъ обще и не очень углублено въ сущность дѣла. Войдите глубже въ этотъ предметъ. Исполняющій послушаніе

духовное и принимающій его съ неуклоннымъ вниманіемъ и направленіемъ своего духа къ самому Господу, чрезъ это получаетъ и на землѣ жительство небесное, имѣя свою, такъ устрояемую, духовную жизнь сокровенною со Христомъ въ Богѣ (Фил. III, 20. Кол. III 1—3). И въ особенности, слушающійся прямо самаго Господа, проходя такое послушаніе въ отношеніи къ духовному руководительству или вообще пастырству, раскрываетъ чрезъ это въ себѣ мѣсто къ проявленію духа Христова послушанія Отцу до смерти, духа послушливой и вмѣстѣ свободной любви со всѣми ея святыми и живыми духовными сокровищами и доблестями; а принимающій это послушаніе со вниманіемъ также къ самому Господу и Его Духу, чрезъ это направляется къ раскрытію въ себѣ духа учительства и властительства Христова, не Себѣ требующаго отъ другихъ послуженія, но служившаго другимъ и пожертвовавшаго Собою для нихъ до смерти и чрезъ это овладѣвшаго самою областію смерти, а людямъ, принимающимъ эту Его власть, дающаго духовную самостоятельность или свободу дѣтей Бога, или по Евангелію (Іоан. I, 12), дающаго область (власть) чадомъ Божіимъ быти. Вотъ какое поприще, Христово по духу, открыто римскому папѣ по самому его первенству чести въ чинѣ вселенскаго церковнаго пастырства, — поприще, которое по высокому его положенію и внѣшнимъ средствамъ тѣмъ поразительнѣе проявляло бы предъ міромъ духовную красоту и силу смиреннаго и самоотверженнаго Христова духа. Нельзя не придти въ восторгъ отъ представленія, что этотъ первосвятитель стоялъ бы въ прямомъ братствѣ и съ царями въ семьѣ которыхъ онъ имѣетъ уже ис-

торическое и политическое мѣсто [1]), и съ самымъ смиреннымъ и малымъ сослужителемъ своимъ по епископству, и съ послѣднимъ наконецъ христіанином или христіанкою изъ мірянъ, духовную самостоятельность которыхъ во Христѣ, общую имъ съ папою самимъ, онъ отстаивалъ бы всѣми правами и средствами и вообще всѣмъ существомъ своего служенія Господу, служенія Ему въ Его же духѣ, подъ единственнымъ главенствомъ надъ церковію Его Самаго. Господи! Дай вкусить когда нибудь эту радость Своей возлюбленной церкви, когда величающійся теперь именемъ первоверховнаго Петра, подобно ему, обращся утвердить и братію свою, по Христову слову Петру (Лук. XXII. 32).

А теперь? Увы... Отвлекая послушаніе христіанъ отъ одного и прямо самаго Господа, а требуя во имя Его послушанія себѣ, какъ Господу—главѣ церкви, римскій пастырь низвергаетъ послушныхъ себѣ съ высоты небеснаго въ самомъ Господѣ жительства въ низменность только земнаго общества, состоящаго подъ земнымъ главою — простымъ человѣкомъ (хотя бы то былъ не только римскій епископъ, но и самъ вселенскій апостолъ Петръ). Это во первыхъ! Во вторыхъ, чрезъ притязаніе на главенствующее властительство надъ всего церковію, римскій папа посягаетъ на купленную Христовою кровію, духовную во Христѣ самостоятельность не только христіанъ—мірянъ и между ними самыхъ царей и правительствъ, но и своихъ духовныхъ сослужителей —

[1]) Въ книгахъ «о православіи» и «о современныхъ духовныхъ потребностяхъ» обстоятельно и съ разныхъ сторонъ мы разсматривали, что существо и духъ заблужденій папства никакъ не во внѣшне-свѣтской власти папы.

другихъ епископовъ и самыхъ первенствующихъ надъ ними (патріарховъ), уравниваемыхъ вселенскими соборами съ папою римскимъ, хотя и съ преимуществомъ чести послѣдняго. Въ этомъ отношеніи, именно въ отношеніи къ такому самовозношенію и преобладанію папы надъ послушными ему христіанами, все служеніе папы римскаго есть прерѣканіе противъ духа и силы Христова крестоноснаго послуженія и самопожертвованія до смерти за міръ, — прерѣканіе, которое уже заранѣе, именно въ Петрѣ, прерѣкавшемъ противъ еще шествія Христова къ страданіямъ и смерти, осуждено этимъ грознымъ и праведнымъ Христовымъ судомъ: «поди отъ меня, сатана, ты Мнѣ соблазнъ, потому что ты думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое» (Мат. XVI, 21—23). Очевидно, какъ необходимо желающимъ спасенія отступить отъ духа папства, повторяющаго изгнаніе и спасаемаго человѣчества изъ рая небеснаго жительства чрезъ сатанинскій соблазнъ.

Высказавъ все это, о. Іоаннъ грустно замолчалъ; юный его собратъ тоже сидѣлъ въ безмолвномъ размышленіи о слышанномъ. Я, молчаливо доселѣ слѣдившій ихъ собесѣдованіе за раскрытымъ предо мною Новымъ завѣтомъ, который я время отъ времени перелистывалъ, не утерпѣлъ вмѣшаться въ ихъ духовную бесѣду. Я боялся, чтобы не оставили они не тронутымъ вопросъ объ исхожденіи Св. Духа. Когда я напомнилъ имъ объ этомъ великомъ вопросѣ, о. Іоаннъ снова оживился и продолжалъ свою рѣчь, уже и безъ того начавшую походить болѣе на лекцію.

— Да, да! Догматъ исхожденія Св. Духа отъ Отца...

— Ужь поднимать ли мнѣ вопросъ объ этомъ глубочайшемъ божественномъ догматѣ?— перервалъ рѣчь о. Іоанна молодой священникъ.—Конечно, нельзя не коснуться и этаго вопроса. Но когда истина будетъ выясняться противъ лжи папства по главному ея принципу о главенствѣ папы, то довольно будетъ указать на прямое Христово слово объ исхожденіи Св. Духа: егда пріидетъ Утѣшитель, Его же Азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствуетъ о Мнѣ (Іоан. XVI, 26).

— Но еще Богъ вѣдаетъ, возразилъ о. Іоаннъ, отъ притязанія ли папы на церковное главенство произошло главнымъ образомъ латинское неправомысліе, или отъ допущенія новоизмышленнаго догмата объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына опредѣлилось окончательно и самое притязаніе папское на главенство надъ церковію. Но крайней мѣрѣ то вѣрно, что между тѣмъ и другимъ заблужденіемъ есть самое внутреннее соотношеніе и сродство, въ самомъ существѣ и силѣ дѣла. Христова истина, во всѣхъ своихъ догматахъ и тайнахъ, есть «духъ и жизнь» (Іоан. VI, 63). Чтобы проникнуть намъ къ «духу и жизни» догмата объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, надо взять во вниманіе, что всевышнее Отчество, принадлежащее Отцу Господа нашего Іисуса Христа, есть первообразъ и основаніе всякаго отчества на небесѣхъ и на земли (Еф. III, 14. 15). Поэтому духъ и жизненная сила догмата объ исхожденіи Духа Св. именно отъ Отца, а не отъ Отца и Сына, непремѣнно раскрываются и въ разныхъ, извѣстныхъ намъ, видахъ такаго отчества, которое доступно нашему наблюденію и опыту въ своемъ отношеніи къ соотвѣтственному се-

бѣ сыновству. Не трудно намъ въ наше время представить себѣ такихъ отцевъ (въ разныхъ отношеніяхъ такъ называемыхъ), отчество которыхъ соперничаетъ съ своими дѣтьми и само встрѣчаетъ съ ихъ стороны соперничество по своему и ихъ духу: дѣти не успокоиваютъ въ себѣ духа отцевъ, равно и отцы чужды такаго духа, который все свое полагалъ бы имѣло въ дѣтяхъ, а напротивъ дѣтямъ и отцамъ равно общъ такой духъ, который, имѣя въ тѣхъ и другихъ свой источникъ, мятется во внутреннемъ взаимномъ борении тѣхъ и другихъ. Возведите мысленно эти фальшивыя духовныя отношенія между отцами и дѣтьми къ первообразному и основному всевышнему Отчеству и Сыновству, гдѣ лично же существуетъ и единосущный Отцу и Сыну Духъ; и вотъ выйдетъ фальшивый догматъ объ исхожденіи Духа отъ Отца и Сына,—догматъ, представляющій въ самомъ Божествѣ основаніе и первообразъ того непормальнаго духа отцевъ и дѣтей, что первые не въ дѣтяхъ полагаютъ все свое отеческое благоволеніе, всею полнотою своего духа утверждающее духовную самостоятельность дѣтей, а послѣдніе не успокоиваютъ отеческаго духа въ своей самостоятельности, какъ въ истинно-сыновней, располагающейся свободно, но по благоволительному отеческому духу... Распространяюсь я объ этомъ именно для того, чтобы показать вамъ глубочайшее внутреннее соотношеніе и неразрывное сродство между, съ одной стороны, латинскимъ догматомъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, и съ другой—папскими притязаніями и всегдашними протестами противъ нихъ въ западномъ христіанскомъ мірѣ. Не таковъ догматъ истины объ исхожденіи Св. Духа только отъ От-

ца. — Духа, въ Сынѣ только почивающаго со всѣмъ Отчимъ благоволеніемъ: поэтому догмату въ тріединомъ Божествѣ открывается основаніе и первообразъ, для созданій, такаго прекрасно стройнаго духовнаго порядка, по которому отцы все благоволеніе свое, да и вообще все свое, полагали бы именно въ дѣтяхъ, утверждая самостоятельность ихъ всею полнотою своего духа, а дѣти чрезъ это [1]) располагались бы всячески и всецѣло успокоивать въ себѣ такой благоволительный къ нимъ духъ отцевъ, полагая именно въ этомъ успокоеніи отеческаго духа самую силу и весь духъ сыновней своей самостоятельности. Такой «духъ и жизнь» православнаго догмата представляютъ прямое и очевидное сіяніе именно истины; также какъ фальшивая, разрушительная и разстроивающая сила латинскаго догмата относится очевидно къ мракамъ лжи, губительной для человѣчества. Это понять безъ труда можетъ всякая голова: тутъ дѣло — ужъ не въ метафизическихъ какихъ либо отвлеченностяхъ, а въ «духѣ и жизни», дѣйствующихъ во всей нашей дѣятельности. Мало того, изъ вышесказаннаго можно понять и то, что, по божественно-глубокому слову самаго Господа (Іоан. XVI, 26), свидѣтельство о Немъ Духа истины, какъ исходящаго отъ Отца (понимая эту истину въ самомъ «духѣ и жизни»), и должно раскрыть всю жизненную и благоустроительную для человѣчества истинность чистаго, не односторонняго, словомъ — православнаго христіанства, и готовую снизойти и войти

[1]) Инициатива такого богоподобнаго направленія или духа должна принадлежать непремѣнно отцамъ, чтобы и дѣти умирились и вошли въ тотъ же духъ, иначе все дѣло будетъ не нормально, не согласно своему первообразу и основанію, а слѣдов. и не прочно

во все наше благодать этаго живаго Христова тѣла — православной церкви.

III.

Выслушавъ это, молодой священникъ со вздохомъ и чуть не со слезами произнесъ вотъ эти слова:

Какъ и намъ православнымъ, а не однимъ неправославнымъ, надо плакать предъ Господомъ, что такъ мало знаемъ и примѣняемъ ко всему своему «духъ и жизнь» своего православія, закрывая этотъ свѣтъ его и предъ прочимъ міромъ! Мы, кажется, всѣ сознаемъ, что мы — новой Божій Израиль; мы, и дѣйствительно, таковы, по благодати Божіей. Но мы мало обращаемъ вниманія на то, что, въ образъ конечно для насъ, постигло древняго Божія Израиля за невниманіе его къ «духу и жизни» Божіей истины, имъ врученной въ своихъ древнихъ письменахъ. Вотъ у меня въ приходѣ цѣлое еврейское семейство—живой памятникъ древняго богоизбранничества и настоящаго отверженія.

— Израильтяне, и въ настоящее время, замѣтилъ о. Іоаннъ,—хотя и враги евангелія и Божіей во Христѣ благодати, но еще возлюблени Богу ради отцевъ своихъ, какъ говоритъ апостолъ (Рим. XI, 28),—отцевъ, бывшихъ вѣрными истинному Богу при отпаденіи отъ Него всего прочаго міра. Поэтому вы внушайте не презирать ихъ, а сами пастырски предрасполагайте и привлекайте и ихъ къ обѣтованной отцамъ ихъ благодати, которой они должны быть первыми и прямыми наслѣдниками.

— Какже это дѣлать?

— Вы знаете, что благодать Христова предъявляла себя въ ветхомъ завѣтѣ и въ семейномъ бытѣ (особенно патріарховъ), и въ народномъ устройствѣ (чрезъ Моисея), и въ гражданской и государственной жизни (при Давидѣ, Соломонѣ и другихъ царяхъ), въ самыхъ ея колебаніяхъ и упадкѣ (въ ассирійскомъ и вавилонскомъ плѣненіи, и далѣе). Изъ этаго вы понимаете, что потомки Авраамовы съ благословеніями вѣры примутъ Царя благодати особенно, какъ простирающаго благословенія своей благодати на самую бытовую жизнь людей— семейную, народную, гражданскую во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Старайтесь же проводить Христову истину и благодать во все земное. Особенно вы не иначе сноситесь съ евреями и по дѣламъ житейскимъ, какъ внутренно съ особенною живостію держась Авраамова и Давидова сына Христа (Мат. I, 1), роднаго имъ по плоти, а вамъ по духу и самой силѣ дѣла. Притомъ, если именно изъ этаго рода произошелъ по плоти лично самъ Богъ-Слово ради насъ человѣковъ; то, въ общеніи этой Христовой любви, по возможности за выгоды и интересы уже вашего личнаго «я» принимайте интересы этихъ расточенныхъ овецъ двора израильскаго, что бы они, хоть въ позднѣйшее наше время, услышали и приняли человѣколюбиваго своего Пастыря, душу Свою и за нихъ положившаго. Не иначе, какъ такимъ способомъ поборете вы ихъ духъ, ожидовѣвшій на мертвой буквѣ Божія закона. Съ такимъ вашимъ настроеніемъ, Господь дастъ вамъ и благопріятный случай обратиться къ вашимъ евреямъ и прямо съ евангельскимъ словомъ, которому Онъ сообщитъ Свою силу.

— Я вамъ очень благодаренъ, проговорилъ молодой священникъ, за выясненіе, какъ дѣйствовать прямо противъ духа заблужденій и вмѣстѣ согласно съ пріемлемостію заблуждающихъ.

— На это я былъ наведенъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ въ К.... Академіи по учебно-миссіонерскому дѣлу противъ раскола и магометанства. Одинъ профессоръ, изучавшій магометанство и на востокѣ, куда онъ для этаго нарочно путешествовалъ, и въ нашихъ татарскихъ населеніяхъ, гдѣ онъ, изъ той же любознательности, не рѣдко проводилъ свободныя отъ службы недѣли и даже мѣсяцы, съ силою доказывалъ мнѣ, что нѣтъ ничего ошибочнѣе, въ дѣлѣ обращенія магометанъ, разсчитывать на слишкомъ будто явную нераціональность алкорана. Онъ напротивъ увѣрялъ, что лучшія религіозно-философскія или, такъ называемыя, натурально-богословскія идеи, самыя даже высокія и духовныя, въ сущности не чужды магометанамъ: а потому, разсчитывая на очевидную нераціональность магометанства, мы идемъ противъ врага, совсѣмъ не взвѣшивая дѣйствительныхъ его силъ и средствъ, и думаемъ нападать на такую его сторону, съ которой онъ крѣпокъ, пожалуй, не менѣе другихъ, самыхъ (какъ говорятъ) современныхъ, враговъ христіанства [1]). Убѣдившись въ этомъ, я увидѣлъ, что успѣш-

---

[1]) Выше упомянутый ученый настаивалъ даже на то, что дикимъ восточнымъ характеромъ основателя и первыхъ послѣдователей магометанской религіи довольно закрытъ, а вовсе не загражденъ, не исключенъ входъ въ эту религію и гуманнымъ и либеральнымъ идеямъ. Онъ увѣрялъ, что между магометанами онъ встрѣчалъ людей, не отставшихъ душею отъ ислама, но очень и очень либеральныхъ и гуманныхъ по образу мыслей и правамъ. При всей презрительности ненависти къ гяу-

но дѣйствовать противъ такаго многовѣковаго врага, какъ магометанство, можно не иначе, какъ во первыхъ въ духѣ своемъ (субъективно) вооружась ужь прямо Христовою раціональностію, или мудрствованіемъ по Христу и съ самимъ Христомъ, предъ которымъ блѣднѣютъ до безжизненности всякія, чуждающіяся Его, идеи, какъ бы ни казались онѣ высокими и духовными,—всякое другое умствованіе за христіанство, въ сущности, будетъ переходить уже болѣе на сторону магометанства, вовсе не чуждаго подобныхъ умствованій:—и во вторыхъ, самое ученіе христіанское (объективно) должно намъ уже такъ раскрывать и излагать, чтобы лучшія, религіозно-философскія или натурально-богословскія, идеи захватывать уже рѣшительно въ нашу православно-христіанскую собственность, и для этаго развивать ихъ до характера прямо христіанскаго, такъ чтобъ внѣ этаго характера онѣ оказывались ужь со всѣмъ несостоятельными предъ самимъ разумомъ. Представлю мою мысль, для ясности, въ самыхъ опытахъ или примѣрахъ ея дѣйствія. Но это не отвлечетъ ли насъ слишкомъ въ сторону отъ того, что васъ озабочиваетъ?

рамъ по его словамъ, магометанинъ расположенъ любить въ человѣкѣ брата, а фатализмъ и деспотизмъ, семейный и гражданскій,— это будтобы не болѣе, какъ слишкомъ рѣзко выдавшіяся восточныя особенности, легко смягчаемыя подъ европейскимъ вліяніемъ, а не принадлежатъ въ своихъ крайностяхъ къ существу магометанской религіи. Такимъ образомъ дѣйствительно выходитъ, что магометанство и пожило всю свою прежнюю жизненность и имѣетъ будто слишкомъ не мало затаенной жизненности, могущей еще раскрыться, или есть звѣрь, который «былъ, и нѣтъ его, и явится» Апок. XVII, 8. Но все же суждено этому звѣрю въ пагубу идти (ст. 11).

Конечно, у меня въ приходѣ нѣтъ магометанъ, отвѣчалъ молодой священникъ, но встрѣчи съ казанскими и другими татарами случаются со мною не очень рѣдко. Потому это очень кстати вы разговорились и о магометанствѣ; не говорю ужь объ общемъ интересѣ знанія истины и ея силы противъ всякихъ видовъ лжи.

(Я очень образовался, что вспомнили и про магометанъ, которыхъ у насъ въ Россіи такъ много).

— Такъ, продолжалъ о. Іоаннъ, возвышенныя идеи о бытіи Бога, какъ существа вышемірнаго и основнаго для міра, вѣчно самобытнаго, безпредѣльнаго, обладающаго безмѣрною полнотою бытія и всевыспреннею славою, и въ особенности премудрымъ всевѣдѣніемъ, всемогуществомъ, всесвятостію, всеблагостностію, — эти идеи свойственны религіозному философствованію или, такъ называемому, натуральному богословствованію, принадлежащему, какъ говорятъ испытавшіе, и магометанамъ. Я утверждаю, что эти идеи — собственность свѣта Христова, свѣтящаго даже и во тьму магометанства; а потому онѣ и должны быть относимы непремѣнно къ самому солнцу истины и правды—Христу, отъ котораго онѣ происходятъ подобно лучамъ, и отторгаясь отъ котораго, онѣ уже не состоятельны и должны померкнуть, какъ разобщенные съ солнцемъ его лучи. Въ самомъ дѣлѣ, быть Существомъ вышемірнымъ и основнымъ для міра нельзя иначе, какъ развѣ вышемірная Его высота есть именно высота самой любви, вѣчно готовой снизойти (по отношенію еще къ возможному міру) и дѣйствительно снисходящей (по отношенію къ дѣйствительному міру со всѣми его нестроеніями) въ самую низменность міра и подъемлющей бремя его нестроеній на

Себя: другое или инаковое, основное для нашего міра, вышемірное Существо рѣшительно не мыслимо безъ того, чтобъ міръ не оставался висящимъ просто ни на чемъ, и именно съ той своей стороны, съ которой наиболѣе и требуетъ онъ незыблемаго основанія и поддержки, — со стороны своихъ нестроеній, нравственныхъ и нераздѣльныхъ съ ними физическихъ. Потому и безпредѣльная полнота въ Богѣ вѣчно-самобытнаго бытія и превыспренней славы такъ же не мыслима иначе, какъ съ сущностію и характеромъ Любви, во первыхъ довлѣющей вполнѣ и себѣ самой, и слѣдовательно существующей и дѣйствующей внутренно не только въ безпредѣльно и существенно Любящемъ, но и въ безпредѣльно и существенно Возлюбленномъ, и притомъ въ Любящемъ и Возлюбленномъ именно существеннымъ же и безпредѣльнымъ движеніемъ или духомъ той же Любви (слава Пресвятой Троицѣ Отцу и Сыну и Св. Духу во вѣки вѣковъ!); — съ характеромъ и сущностію любви, во вторыхъ, довлѣющей благоволительно къ восполненію отъ своей полноты всякихъ и внѣшнихъ для себя недостаточествъ бытія, и слѣдовательно не только воззвавшей міръ изъ небытія къ бытію и содержащей его въ этомъ бытіи, но и возсозидающей міръ, разстроившійся отъ своихъ свободныхъ, разрушительныхъ для бытія, нестроеній (слава тріединому Богу Вседержителю — Создателю, Промыслителю и Спасителю нашему!). Потому не только животворная всеблагостность, но и правосудная святость, но и всевѣдущая премудрость и всезиждительное всемогущество въ Богѣ должны быть мыслимы не иначе, какъ свойства и совершенства именно любви, — совершенства сами по себѣ уже столь безконечно дѣй-

ственныя, чтобы со всею славою воздѣйствовать и раскрыться не только не воспринаемо въ предѣлахъ, сначала, даже самаго ничтожества или небытія (чрезъ созданіе и первобытное благоустроеніе міра), но и особенно побѣдоносно, потомъ, въ области разстроеннаго бытія—немощей, невѣденія, заблужденій, грѣха и самой смерти дѣйствительныхъ, и притомъ свободныхъ, существъ. А то эти совершенства Божіи далеко не могутъ быть мыслимы въ свойственной имъ безконечности, или въ истинной своей безконечности, полнота которой достаточна и сильна къ восполненію всякаго нашего недостаточества и ничтожества, вмѣняя для того себѣ (какъ это и дѣйствительно служитъ) въ славу—безконечное свое истощаніе до мѣры тварнаго нашего недостаточества и ничтожества. Такимъ образомъ, или вовсе недоступно намъ людямъ вѣдѣніе истинно-основнаго для міра и истинно безконечнаго Существа—Бога; или истинный Богъ вѣдомъ намъ только въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, который, по домостроительству Своего истощанія за міръ, раскрылъ для насъ полноту Божества и въ Его тріединомъ существѣ, и въ безмѣрномъ богатствѣ Его силъ, въ безконечной дѣйственности Его совершенствъ. И слѣдовательно только по благодати Христа, Агнца Божія, закланнаго въ благоволеніи Божіемъ отъ сложенія міра, невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть (Рим. I, 20), такъ что нѣкоторое вѣдѣніе о Богѣ имѣютъ и язычники и магометане; но это вѣдѣніе, какъ проистекающее въ существенномъ основаніи отъ Христа же, только въ Немъ достигаетъ должной твердости и полноты, а внѣ Его оно именно тоже, что разобщенный съ солнцемъ его

лучь. Такъ-то и можетъ выясняться для магометанъ, что оставаться имъ въ своемъ магометанствѣ значитъ заноспѣвать въ темной и противобожной лжи. Это все равно, какъ захватывая разумно либеральныя и гуманныя идеи въ Христову собственность, въ которой онѣ и разовьются въ истинной своей красотѣ и жизненности, непремѣнно достигнемъ того, что предъявляющіе такія идеи, однакожъ чуждающіеся Христа, окажутся или совсѣмъ противогуманными и противолиберальными людьми, или полагающими свою свободу и благо человѣчества—прямо въ разнузданномъ развратѣ.

IV.

А какъ противодѣйствовать нашему русскому расколу?—спросилъ молодой священникъ. У меня въ приходѣ есть и эти овцы, бѣгающія отъ своихъ пастырей изъ-за старыхъ книгъ и двоеперстія, а иныя даже и до нынѣ изъ-за бороды.

— Когда наши раскольники, отвѣчалъ о. Іоаннъ, разрываютъ единеніе вѣры и любви съ нами изъ-за внѣшнихъ знаменій, изъ-за наружной видомости, изъ ревности по мнимой или и дѣйствительной старинѣ; то для побѣды надъ ихъ упорствомъ и привлеченія ихъ снова въ церковное съ нами единеніе, намъ надо, во-первыхъ, относительно ихъ входить своею вѣрою въ живое общеніе Христовой любви, сколько возможно умѣренной и снисходительной, до самопожертвованія выносящей немощь ихъ духовнаго разумѣнія, и во-вторыхъ, древнюю и даже вѣчную силу Христова духа, Христовыхъ мудрствованій и расположеній, невозможныхъ безъ

вниманія и направленія ума и сердца нашего къ Самому Христу, надо намъ проводить съ отчетливою сознательностію въ самой видимости и внѣшности, не только прямо церковной, но и въ бытовой. Обстоятельное развитіе этихъ мыслей можете найти въ книгѣ «О православіи въ отношеніи къ современности» въ особой статьѣ (Педагогическія замѣтки по миссіонерскому дѣлу противъ раскола). Подумайте св. Аѳанасій великій, въ интересѣ союза церковнаго потерпѣлъ самъ и другихъ убѣдилъ потерпѣть явно-неправильную или неправославную форму или букву, которую допустили нѣкоторые относительно самыхъ существенныхъ догматовъ вѣры, съ мыслію однако православною, именно — признавая въ Богѣ «одну ипостась», но понимая это въ смыслѣ не лица, а самобытной сущности (substantia). Въ такомъ свято-отеческомъ направленіи, чего бы намъ не понести въ нашихъ братіяхъ, блуждающихъ въ расколѣ, только бы они вошли въ дѣйствительное единеніе съ православною церковію?... Въ такомъ именно направленіи разъяснялось у насъ [1]) именно первосвятителемъ Московскимъ, намъ современнымъ, что обратившимся изъ раскола невозбранно, по церковнымъ правиламъ, молиться объ упокоеніи усопшихъ, по невѣденію, въ расколѣ. И такъ ради живыхъ и усопшихъ будемъ крѣпче молиться объ единеніи всѣхъ, мой собратъ и сослужитель!

— Да, да,—сказалъ младшій священникъ старшему. Съ какимъ однако богатымъ духовнымъ грузомъ отправлюсь я отъ васъ!

---

[1]) См. «Прибавленія къ твореніямъ св. Отцевъ» за 1855 г. ч. XIV, стр. 29.

— Но что жь, позвольте васъ спросить, сказалъ улыбаясь о. Іоаннъ, вы не поговорите о своихъ православныхъ прихожанахъ? Видно, съ этой стороны нѣтъ ничего, особенно озабочивающаго или обезпокоивающаго васъ. Давай, Богъ! Но признаюсь вамъ, что, когда я останавливаюсь собственно на духѣ заблужденій, которыхъ мы съ вами касались, то не могу не видѣть приращеній этаго губительнаго духа и къ нашимъ православнымъ деревенскимъ прихожанамъ, при духовномъ невѣденіи и косности многихъ изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ однихъ есть и суевѣрно-раскольничье упованіе на ту или другую видимость и наружность не только въ дѣлѣ вѣры, но и въ простомъ житейскомъ бытѣ; въ другихъ проглянетъ подъ часъ и латинское послушаніе пастырю какъ Господу, безъ вниманія однако и направленія мысли и чувства къ самому Господу; а въ иномъ заговоритъ иногда и протестанская самоувѣренная невнимательность къ церковному пастырству. Чего еще вамъ? Не забуду никогда, какъ однажды на моей родинѣ, куда я изъ академіи отправлялся на дни учебныхъ отпусковъ, случилось мнѣ разговориться откровенно съ однимъ уже очень пожилымъ и довольно степеннымъ мужичкомъ, притомъ хозяйничавшимъ обыкновенно дома, а не ходившимъ на заработки въ большіе города или по фабрикамъ. Онъ повелъ со мной такія рѣчи, что конечно-де и священникамъ надо чѣмъ нибудь жить и для этаго толковать о «томъ» (загробномъ) свѣтѣ, а въ самомъ-то дѣлѣ умираетъ скотъ, умираетъ человѣкъ — все за едино на добычу только червей. Вѣдь это уже не только духъ, но и слова, общія съ вашими цивилизованными невѣрами. Откуда и какъ это заносится въ дере-

венскую жизнь?! По всему этому я, и безъ вашего спроса, скажу къ вашему свѣдѣнію, обсужденію и, если угодно будетъ, къ употребленію—два способа, которыми я пользуюсь, кромѣ церковныхъ и домашнихъ бесѣдъ съ своими прихожанами, для приведенія въ нихъ въ живое движеніе духа православія.

— Какіе же это способы?

— Способы—простые для вѣры, церковные по духу, особенно доступные и благопотребные намъ священникамъ. Вонервыхъ, я смотрю на всѣхъ и каждаго изъ своихъ прихожанъ, какъ на дѣйствительные члены благодатноживаго Христова тѣла церкви, въ которыхъ жизненная сила—Самъ Христосъ благодатію Своего Св. Духа. Въ своихъ отношеніяхъ къ прихожанамъ взирая вѣрою къ Самому Христу, живительно вѣрующему и располагающему своими членами, чрезъ эту вѣру и возбуждаю въ нихъ Духъ Христовъ, сокровенно присущій въ нихъ по силѣ св. таинствъ. Вы сами, поступая такимъ образомъ, по собственному духовному опыту увидите, какъ Господь, чрезъ эти же благодатные свои члены нашихъ простодушныхъ прихожанъ, будетъ давать вамъ сознавать и чувствовать, что Онъ слышитъ и благоволительно пріемлетъ благоговѣйное вниманіе вѣры, къ Нему обращенное въ нашихъ отношеніяхъ къ членамъ тѣла Его отъ плоти Его и отъ костей Его (Еф. V. 30). Мало того: свидѣтельствуюсь предъ вами опытами, что, при тихомъ духовномъ вниманіи къ личнымъ особенностямъ и отношеніямъ прихожанъ и особенно христіанскимъ ихъ именамъ, взимаемымъ именно отъ святыхъ и потому уже не бездѣйственнымъ, особенно же получающимъ живой благодатный смыслъ по силѣ принятаго Господомъ ради всѣхъ насъ

великаго имени Іисуса, можно тонко примѣчать и различіе, въ разныхъ личностяхъ, благодатныхъ Христовыхъ дарованій. Да, только неуклонно и неотступно, сколько это возможно для васъ, внимайте духомъ и взирайте вѣрою къ самому Господу, одушевляющему и движущему Свое тѣло церкви во всѣхъ Его членахъ. И вы сами будете испытывать и наблюдать, какъ всѣ и каждый у васъ въ приходѣ, кого вы рѣзко отметите для своей памяти и сердца, дѣлаютъ каждый свое духовное дѣло, не мѣшая, а пособляя другъ другу, какъ они будутъ даже напоминать вашему духу объ особенныхъ въ себѣ дѣйствіяхъ и дарованіяхъ Христовыхъ, когда вы отвлечетесь отъ вниманія къ этому, по немощи или по занятію другими предметами. А ужь только бы пришелъ въ живое движеніе Духъ Христовъ, присущій нашимъ прихожанамъ, это будетъ ихъ и охранять и самихъ поставлять въ свойственный имъ подвигъ противъ прираженій къ нимъ духа той или другой лжи и неправомыслія. Словомъ: они будутъ живые члены живаго Христова тѣла, а въ этомъ — вся задача нашего служенія.

Во вторыхъ, продолжалъ о. Іоаннъ, при служеніи Божественной литургіи и особенно при совершеніи проскомидіи, когда поминаю предъ Богомъ и Его Агнцемъ живыхъ и усопшихъ, къ обычному поминовенію ихъ по именамъ прилагаю еще, въ родѣ и духѣ содержащагося въ псалтири «помянника», поминовеніе какъ живыхъ, такъ и усопшихъ по общимъ разрядамъ или отдѣламъ. Такъ, вынимаю части изъ просфоры, равно и по освященіи Даровъ за литургіей молюсь — о здравіи и спасеніи тѣхъ православныхъ, къ которымъ прираждается раскольничье направленіе, полагающее существо спасенія въ ка-

кой либо видимости и внѣшности и изъ-за того готовое разрывать единеніе вѣры и любви съ другими; — тѣхъ потомъ, которые допускаютъ себѣ или поязычески и помагометански мыслить и дѣлать не по Христу, а по чуждымъ Его началамъ и страстямъ, или по-іудейски ревновать о Божіей истинѣ и устроять свою жизнь не въ духѣ и живительной силѣ Христова человѣколюбія; далѣе—тѣхъ, которые впадаютъ иногда въ искушеніе или по протестантски пренебрегать пастырскимъ церковнымъ чиномъ, церковными порядками и правилами, а иные — даже богохульно вольномыслить и кощунствовать надъ святымъ и Божіимъ, или полатински слушаться того или другаго, даже иногда и неосвященнаго, руководителя, слушаться какъ Господа, безъ вниманія однако и направленія своего духа къ самому Господу, а иные — и требовать подобнаго духовно-рабскаго послушанія отъ другихъ. Также, и въ такомъ же порядкѣ, послѣ поминовенія усопшихъ по именамъ, вынимаю части и молюсь предъ Агнцемъ Божіимъ—объ упокоеніи тѣхъ православныхъ, которые жили, а можетъ быть, и умерли, подвергаясь пораженіямъ и вліяніямъ направленія раскольническаго, духовнаго іудейства или язычества, или смѣси того и другаго, подобной магометанству, духа протестантскаго и даже антихристіански - раціональнаго, или латинскаго то рабскаго, то деспотическаго. При этомъ молю я Господа, да всѣ эти лживыя направленія и заблужденія, опутывающія столькихъ живыхъ и препроводившія въ въ своихъ убійственныхъ узахъ въ другой міръ столько усопшихъ, приражающіяся своимъ духомъ и къ православнымъ, Онъ Самъ, Господь нашъ, ради пролитой за людей крови Своей, ради такой саможертвенной любви

къ церкви Своей скоро разоритъ и искоренитъ и въ ничтоже силою Святаго Своего Духа обратитъ (слова упоминаемаго выше помянника). И вѣрую, что Агнецъ Божій, посылающій седмочисленныя дарованія Своего Духа во всю землю (Апок. V, 6), не только въ приходахъ нашихъ, но и во всемъ мірѣ можетъ съ силою низлагать противныя православію заблужденія и направленія, когда мы, особенно мы священники, будемъ усильно молить Его о томъ.

Въ особенности—такъ заканчивалъ о. Іоаннъ всѣ свои рѣчи съ молодымъ своимъ собратомъ, въ особенности просилъ бы я васъ усилить свои священническія молитвы объ упокоеніи усопшихъ, отошедшихъ въ другую жизнь въ единеніи съ православною церковію, но хоть съ малою закваскою тѣхъ заблужденій и лживыхъ направленій, губительства которыхъ касалось наше собесѣдованіе. «Живые могутъ еще покаяться такъ, помнится, убѣждалъ меня къ томуже также нашъ, только уже маститый, сослужитель (помню и имя его: о. Василій),—а умершіе сами по себѣ, только уже пожинаютъ плоды допущенныхъ ими въ настоящей жизни согрѣшеній и заблужденій. Они крайне нуждаются въ нашей духовной помощи; не откажемъ имъ въ ней съ жестокосердіемъ или по нечеловѣколюбивому легкомыслію». Это слово такъ сильно на меня подѣйствовало, что съ того времени не только я посильно съ любовію исполняю это доброе слово, но и люблю ходить на кладбища, какбы въ среду живыхъ, думая объ отшедшихъ отъ насъ душахъ и ихъ духовныхъ нуждахъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ также одинъ разсказъ, слышанный мною отъ многихъ, духовныхъ и свѣтскихъ; въ основаніи его, видно, лежитъ

истина; по крайней мѣрѣ духъ этого разсказа, очевидно добрый и правомысленный. Вотъ этотъ разсказъ: одинъ священникъ съ особеннымъ усердіемъ, за служеніемъ литургіи, поминалъ покойныхъ, имена которыхъ онъ записывалъ въ чрезвычайномъ множествѣ; случилось, что этотъ священникъ впалъ въ какую-то погрѣшность, подвергавшую его архіерейскому запрещенію; но, когда дѣло объ этомъ было уже доложено владыкѣ и онъ собирался положить запретительную на священника резолюцію, во время соннаго отдохновенія этотъ владыка увидѣлъ себя окруженнымъ отъ безчисленнаго множества людей, которые умоляли его о милости—простить виновнаго священника за его милость къ нимъ уже загробнымъ жителямъ, за усердное ихъ поминовеніе предъ милосердымъ Богомъ...Священникъ былъ прощенъ. Ей; ослабитъ Господь и на насъ живыхъ разныя духовныя путы, когда будемъ стараться о снятіи ихъ съ покойныхъ. Обратите вниманіе хоть на то одно, что никакая фальшь предъ истиною, ничто безжизненное и несостоятельное предъ правдою, допущенное усопшими въ своей жизни, ужь не закроется, не оправдается теперь у нихъ никакою благовидностію, равно и никакая неблаговидность не опорочитъ предъ Богомъ ничего истиннаго, праваго и духовно-живаго въ ихъ жизни. Вотъ, если бы Господь, ради этаго дѣла нашей вѣры и любви—усерднаго поминовенія усопшихъ далъ намъ, въ воззрѣніяхъ на дѣло истины и благодати Христовой, такое же духовно-проницательное направленіе, чтобы не задерживаться и не обманываться разными благовидностями и неблаговидностями, а смотрѣть прямо и съ тонкимъ вниманіемъ на самое существо Христовой тайны, сосредоточенной въ Его исто-

щаніи даже до креста за грѣшный міръ; то ужь это одно сколько бы оживило насъ самихъ въ православіи, и сколько бы подвинуло впередъ и заранѣе облегчило бы и уровняло призываемое молитвами св. церкви православной дѣло соединенія съ нею всѣхъ, ее оставившихъ даже и забывшихъ, всѣхъ—еще ея чуждыхъ и незнающихъ!!

2007097164